
Россия, Русь! Храни себя, храни!

9
2024

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

**Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ. Пушкин остаётся с нами
третье столетие** 3
Евгений ЕВТУШЕНКО. Об антисоветчиках 40
Зиновий ХМЕЛИЧЕНКО. Что будет после Украины? 89

ПРОЗА

Сергей ПЫЛЁВ. Боевое крещение. Рассказ 9
Андрей ПУЧКОВ. Последний волк. Рассказ 17
Валерий МАРТЫНОВ. Мещанские сказы 45
Юрий ВИСЬКИН. Тусер. Рассказ 101
Виктор ФРОЛОВ. Два рассказа 131

ПОЭЗИЯ

Валерия САЛТАНОВА. Из-под Господнего крыла. Стихи ... 29
Сагидаш ЗУЛКАРНАЕВА. Простор и свет. Стихи 34
Анатолий ВЕРШИНСКИЙ. Наследство. Стихи 79
Сергей ЛУЦЕНКО. Как вольная вода... 84
Стихи поэтов России 146

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Василий КИЛЯКОВ. **Дважды убитый** 153

ПАМЯТЬ

Лина МКРТЧЯН. **«Город блаженное детство
и город родные гробы»** 165

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Ольга ГОРЕЛАЯ. **«А мне бы сны,
в которых воздух слаще...»** 171
Юрий ВОЛК. **Жизнь вернулась... Стихи** 175

РУССКИЙ ВОПРОС

Владимир БОЛЬШАКОВ. **Судьба или участь народа?** 186

ДОСЬЕ «МГ»

Евгений ГУСЛЯРОВ. **Портрет Дориана Окуджавы** 200

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Владимир БОЛЬШАКОВ. **Раковая опухоль Державы** 210
Алексей ИВАНОВ. **Закон не для всех...** 214
Михаил ОШЕРОВ. **Нелегитимность Украины** 216
Андрей СОШЕНКО. **Кто оскорбляет народ?** 218
Елена САМАРИНА. **О «дешёвой рабочей силе»** 221
Владимир АНИЩЕНКОВ. **Искусство русского народа** 222

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы.**
Размышления и воспоминания. Продолжение 226

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Людмила ВОРОБЬЁВА. **«И эта вера не обманет...»** 235

КРУГ ЧТЕНИЯ

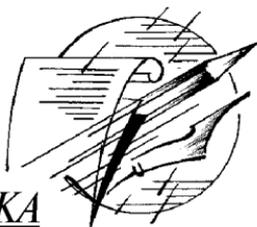
Любовь ФЕДУНОВА. **С любовью и печалью** 270
Ирина УШАКОВА. **Воссоединение неизбежно!** 284

ПУШКИН ОСТАЕТСЯ С НАМИ ТРЕТЬЕ СТОЛЕТИЕ

225 лет назад родился Александр Сергеевич Пушкин — «наше всё», по определению, данному еще в 1859 году Аполлоном Григорьевым. Каждая юбилейная дата, связанная с Пушкиным, — повод и для научных статей, для массовых книг и для торжественных собраний. Так, впрочем, было не всегда — «Известия» вспоминают, как зародилась и развивалась традиция «юбилейной пушкинистики».

Мы привыкли измерять любовь к классикам юбилеями. В нашей суматошной жизни только знаменательные даты и помогают оглянуться, чтобы вспомнить и осмыслить великое, чтобы перечитать то, о чем основательно забыли со школьных или студенческих лет... Трудно было бы нам без этой «датской» традиции! Как трудно переоценить роль Пушкина в становлении русского литературного языка да и разговорной речи. Именно Пушкин научил Россию мыслить, шутить, объясняться в любви по-русски.

У русского человека, независимо от эстетических пристрастий и политических воззрений, есть представление о Пушкине как о «главном» поэте, как об

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

«отце-основателе» и символе русской литературы. Его портрет можно увидеть едва ли не в каждом школьном классе. И мы узнаём Пушкина с полувзгляда, по силуэту, по легкой тени бакенбардов.

В нашем восприятии он как король Артур среди литературных «рыцарей круглого стола». При этом лишь немногие современники поэта осознавали столь важное значение пушкинского наследия. Канон сформировался в течение нескольких десятилетий после смерти Пушкина, а в советские времена стал, без преувеличения, всенародным.

Страна «сотворила себе кумира» — и это оказалось благом. Когда в культуре есть маяки — легче идти по курсу. Пушкин стал точкой отсчета не только для писателей. С ним связан взлет русской музыки, живописи, театра. У Пушкина учились не только ощущению «тайной свободы», не только легкости и изяществу стиля. Тысячи талантливых людей поверили, что можно реализовать в искусстве, в литературе, в науке — не где-нибудь, а на русской почве. До Пушкина такой уверенности не было, в культурном отношении Россия оставалась глубоко провинциальной страной.

Еще в XIX веке возникло понятие «пушкинский праздник». В те времена их называли «фестивалями». Самый яркий из них состоялся в Москве 6 июня 1880 года. Вообще-то тот праздник намечали на 26 мая 1880 года. Это был день 81-й годовщины со дня рождения поэта — разумеется, по старому стилю. Афанасий Фет даже написал стихи «На 26 мая 1880 года» — они и сейчас выходят под таким названием. Но в связи со смертью императрицы Марии Александровны торжества перенесли на 6 июня — то есть отметили пушкинский день по новому стилю, совсем как мы.

Почти вся литературная Россия воодушевленно собралась на пушкинский праздник. Только Лев Толстой проигнорировал приглашение и не покинул Ясную Поляну: босоногому графу уже тогда претили многолюдные собрания и шумные чествования.

В те дни Белокаменная гуляла с размахом. Газеты рапортовали: «С утра вся Москва на ногах... Все очевидцы этого события отмечали огромное стечение народа... Улицы и тротуары, специальные трибуны, сооруженные предприимчивыми дельцами, и амфитеатр, построенный городом для гостей-женщин, были полны народа, равно как соседние крыши и окна (где места были проданы заранее...). Когда процессия... появилась из монастырской церкви, четыре оркестра и несколько хоров и групп школьников, которыми всеми дирижировал Рубинштейн, начали исполнять гимн «Коль сла-

вен»... Площадь и прилегающие улицы были украшены гирляндами цветов. Делегаты имели особые значки и несли венки... Другие несли знамена с названиями знаменитых произведений Пушкина...»

Главным событием дня, несомненно, стало открытие памятника Пушкину на Страстной площади. Это означало, что государство признаёт высокое предназначение русской светской словесности. Не все приняли образ, предложенный скульптором Опекушиным. Многие сочли, что автор памятника «приземлил» Пушкина, представил его слишком обыкновенным, ординарным. Но ведь и Пушкин от высокопарности классицизма перешел к непринужденной «болтовне» «Евгения Онегина»! Прошли десятилетия — и пушкинское изваяние с Тверского бульвара стало признанной классикой.

Николай Телешов — один из немногих долгожителей в русской литературе — 75 лет спустя вспоминал: «Обычно памятники воздвигались на улицах Москвы только царям. И это отметил присутствовавший на торжестве Островский. Возглашая тост за русскую литературу, он метко сказал: «Сегодня на нашей улице — праздник!» Хорошо помню красивую голову маститого писателя Тургенева с пышными седыми волосами, стоявшего у подножия монумента, с которого торжественно только что сдернули серое покрывало. Помню восторг всей громадной толпы народа, в гуще которого находился и я, тринадцатилетний юнец, восторженный поклонник поэта. Помню бывших тут же на празднике писателей — Майкова, Полонского, Писемского, Островского. Помню и сухошавую, сутулившуюся фигуру Достоевского и необычайное впечатление от произнесенной им речи, о которой на другой день говорила вся Москва».

В 1919 году, несмотря на Гражданскую войну и голод, книги Пушкина были изданы общим тиражом 750 тысяч. Это считалось политически важным — чтобы установившаяся советская власть ассоциировалась в том числе и с Пушкиным. Поэтому призывы крайне левых «сбросить Пушкина с парохода современности» проходили только по разряду эпатажа. Пушкина в СССР почитали и старались интерпретировать в революционном духе. «Он не стоял еще за власть советов, но к ней прошел он некую ступень...» — провозглашал пролетарский поэт Демьян Бедный.

И всё-таки в первые годы советской власти пропаганда относилась к Пушкину если не с опаской, то не без отчуждения. Иногда казалось, что он устарел, как фрак и цилиндр.

Новый взлёт пушкинской славы начался в 1937-м, когда имя Пушкина звучало в прессе немногим реже имени Сталина. Целый год вся страна отмечала 100-летие дуэли и гибели поэта. В торжественном заседании в Большом театре участвовали все руководители страны. Этот вечер транслировался по радио на всю страну. На Черной речке открыли обелиск с барельефом поэта работы Матвея Манизера. Был восстановлен архитектурный облик квартиры-музея поэта на Мойке. В московском Историческом музее открылась Всесоюзная Пушкинская выставка — уникальная экспозиция рукописей и реликвий. Союз художников и Союз композиторов провели конкурсы на лучшее произведение о Пушкине. На экраны вышел кинофильм «Юность поэта», посвященный лицейским годам Пушкина. Кондитерская фабрика «Красный Октябрь» выпустила шоколад «Сказки Пушкина», который несколько десятилетий оставался популярной маркой.

Но главным событием стал выпуск первого тома 16-томного Полного академического собрания сочинений Пушкина. Кроме него, в 1937-м вышли в свет два шеститомника и серия иллюстрированных изданий шедевров поэта.

Та пушкинская кампания ознаменовала переход от революционного авангардизма к «освоению классического наследия». Еще недавно на государственном уровне отмечались только юбилеи революционеров. А тут вдруг — камер-юнкер. Правда, свободолюбивый. В 1937-м Пушкин официально вошел в советский культурный канон.

С неменьшим размахом в 1949 году отметили 150-летие со дня рождения поэта. Снова — многотиражные издания (в том числе академический 10-томник), снова в обеих столицах открылись пушкинские выставки. Снова по всей стране появились плакаты с изображением Пушкина и его крылатыми выражениями, которые оказались весьма актуальными: «Друзья мои, прекрасен наш союз!», «Товарищ, верь: взойдет она...», «Здравствуй, племя младое!» Такие плакаты были выпущены на языках всех союзных и некоторых автономных республик. Кроме того, к юбилею восстановили пострадавшую в годы войны усадьбу поэта в Михайловском и Святогорский монастырь.

Докладчики говорили, что «Пушкин близок и дорог людям сталинской эпохи». Выставки, конференции, открытия музейных экспозиций, новое торжественное заседание в Большом театре, в котором снова принимали участие и писатели, и партийные руководители. Вечером над Москвой и Ленинградом прогремели салюты — в честь Пушкина, как в

честь Победы. А на центральных улицах проходили «народные гулянья» — более церемонные и поэтичные, чем обычно.

В московском Театре имени Ермоловой тем временем репетировали пьесу Андрея Глобы «Пушкин», в которой заглавный герой в исполнении отменно загримированного артиста Всеволода Якута не меньше двух часов действовал, мыслил и страдал на глазах у театральной публики. Премьера состоялась чуть позже, под занавес юбилейного года. Для нескольких поколений школьников этот спектакль стал ярким приобщением к истории русской литературы. Правда, пьеса, как назло, была в стихах. И сочинил их, естественно, не Пушкин, а Глоба — стихотворец, скажем прямо, довольно заурядный. Истинных ценителей поэзии коробило это зрелище: Пушкин, говорящий посредственными стихами. Но играл Якут хорошо. Даже вдохновенно.

Только одно предъюбилейное поручение партии деятели искусств выполнить не смогли: не сняли художественный кинофильм о Пушкине. Помешали самые разные обстоятельства, но главной причиной того, что такой фильм в послевоенные годы так и не состоялся, — всеобщая робость перед тенью национального гения. Поэтому и в 1949-м, и в 1974-м, и в 1984-м обошлись без художественных фильмов. Зато вышло множество документальных и учебных кинолент.

Увидеть изображение поэта можно было повсюду. В стране появилась сеть музеев Пушкина, самый удивительный из них — заповедник в Михайловском и Тригорском, который десятилетиями совершенствовал Семен Гейченко. Настоящий служитель культа!

С 1967 года ежегодно в первое воскресенье июня в Михайловском, в заповеднике, устраивался Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии. При Союзе писателей действовал постоянный оргкомитет по проведению пушкинского праздника, возглавлял его самый телегеничный литературовед всех времен Иракий Андроников. Традиция пушкинских дней в Михайловском продолжается и в наше время.

В 1999 году мы отмечали 200-летие со дня рождения поэта. Тот пушкинский праздник в массовом сознании смешался со встречей миллениума. Пушкин легкой походкой шагнул в новое тысячелетие. В витринах разместились куклы с бакенбардами и при цилиндрах в окружении узнаваемых пушкинских героев. Преобразились музеи — и прежде всего московский музей поэта на Пречистенке.

Из множества книг, вышедших к юбилею, выделялась капитальная «Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина» в

четырех томах — плод работы нескольких поколений пушкинистов. А из государственных начинаний — учреждение медали Пушкина, которой награждают за заслуги в области культуры и искусства, просвещения и литературы.

Меняются времена, низвергаются кумиры, но Пушкин остается на своем высоком пьедестале. И не оставит его, пока звучит русская речь. В 2011 году вышел президентский указ о ежегодном праздновании 6 июня Дня русского языка. Лучшей даты, чем день рождения Пушкина, для такого праздника не найти.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

РАССКАЗ

Атеистов в окопах нет.
Фронтальная поговорка

Батальон майора Александра Ильича Смирнова на сутки отвели с передовой: ждали «десант» батюшек. Сведения об их количестве из разных источников тоже были разные: от трёх человек до семи. Ехали они сюда, в зону СВО, из далёкого Воронежа. Само собой, не любопытства ради, а по решению Синодального отдела и при полном содействии Министерства обороны.

Так что принять батюшек в батальоне готовились соответственно рангу намеченного мероприятия. Перво-наперво косами и мётлами навели вполне сносный для фронтовых условий порядок везде, где только можно. Само собой, в первую очередь привели в божеский вид комнату отдыха. Там по мнению майора Смирнова должно было пройти торжественное открытие предстоящего мероприятия. Как закоренелый атеист, Александр Ильич не знал, что ещё следует сделать для достойной встречи батюшек, поэтому на всякий случай распорядился нарвать на ближайших полянах ещё не увядшие осенние цветы. Обилия даров природы уже не наблюдалось,

ПРОЗА

учитывая середину настырно дождливого октября: так что в основном на стол попали васильки, горечавка да мышиный горошек в основном густо-фиолетового и синего окраса.

Батюшки ехали наступающим «духовным десантом» с заранее определённой целью провести в прифронтовой зоне обряд крещения. Об этом попросили бойцы батальона с месяц назад в своём коллективном письме в Синодальный совет по взаимодействию с вооружёнными силами и правоохранительными органами. Подписались человек двадцать пять, но пока батюшки собрались в дорогу, к страждущим обрести веру православную присоединились ни мало, ни много ещё семьдесят восемь мужиков, в основном зрелые дядьки сорока-пятидесяти годков, включая с десяток бывших сидельцев и недавно назначенного начальником штаба их батальона капитана Горяинова, смотревшегося настоящим юнцом на фоне всех остальных страждущих, восхотевших совершения над ними священного таинства во оставление грехов и присоединения к сообществу верных.

Когда батюшек доставили в расположение батальона на двух БМП, повидавших не один жестокий бой и через это достаточно помятых и с очевидными рваными пробоинами, к их вящей радости и восторгу оказалось, что очищающей купели с нетерпением и волнением уже ждёт две трети батальона, то есть триста шесть разновозрастных бойцов, при всём при том единогласных в своём желании обрести духовную направленность. Из девяносто четырёх, точнее, с учётом недавних потерь, восьмидесяти семи батальонцев шестьдесят три ещё с мирных лет были людьми верующими, а многие так и сердечно воцерковлёнными. Остальные несколько десятков бойцов являлись мусульманами и буддистами, что насколько не мешало им радоваться в ожидании крещения своих боевых сотоварищей.

Оттого выходило по любопытной статистике, составленной неким батальонным мудрецом, что на всё их разношёрстное воинство после свершения обряда Крещения из неверующих останется всего лишь один человек. И человеком этим будет сам командир батальона майор Александр Ильич Смирнов.

Его самого, правда, перспектива такой атеистической изоляции от подчинённых вовсе не напрягала. Хотя он и не был воинствующим атеистом, жаждущим разрушить до основания все храмы и торжественно показать народу последнего попа, как некогда Никита Хрущёв, руководитель СССР и незадачливый строитель в нашей стране загадочного коммунистического общества. Просто будущий командир батальона Александр Ильич Смирнов с малолетства воспитывался

в детском доме по причине раннего сиротства (отец погиб в бою в Афганистане, а мама потеряла на этой почве рассудок и, как теперь лояльно говорят, выпала из окна на девятом этаже), а, как известно, в этих особых учреждениях слово Божье традиционно не в чести. Правда, по окончании военной академии Александр Ильич, словно по аккуратной подсказке с небес, женился именно на девушке из воцерковлённой семьи: её батюшка оказался известным регентом, в миру дирижёром, певчие которого во всем городе и в целой здешней митрополии отличались лучшим хоровым песнопением, всегда слаженно, красиво звучащим в соответствии с моментом богослужения. Более того, когда в их молодой семье произошло счастливое прибавление тройней, Александр Ильич, тогда уже старший лейтенант, без атеистического надрыва и дерзости вполне лояльно допустил крещение своих детишек — двух девочек и мальчика. Но чтобы ему заодно обратиться в веру, ни сам не помышлял, ни близким не позволял проводить с ним на эту тему душеспасительные беседы. Правда, отговаривался без напора, без воинственности, а сдержанно ссылаясь на то, что не досуг ему сейчас, ибо мировая напряжённая обстановка вовсе не способствует духовности.

Хотя здесь стоит напомнить, что ещё в конце восьмидесятых прошлого века тогдашний Генсек Михаил Горбачёв, в отличие от Никиты Хрущёва, обещавшего к этим годам предьявить стране последнего попа, на всю страну провозгласил разрешение креститься и веровать в Господа всякому желающему, пусть тот будет хотя бы рядовым коммунистом, хотя бы самым что ни на есть номенклатурным, то есть ответственным и высокопоставленным. Кто знает, как бы тогда на этот призыв воцерковляться отреагировал старший сержант Смирнов, но он тогда вдали от Родины выполнял интернациональный долг в Анголе, то есть плечом к плечу с кубинскими бойцами до поры до времени воевал на стороне тамошних марксистов.

Невозможно не отметить, что накануне приезда батюшек, то есть вечером, в расположении батальона майора Смирнова произошло событие из ряда вон выходящее. Одним словом, аналогов ему среди множественных до небывалости исключительных событий из фронтовой жизни, тем не менее, не сыскать. Уже затемно двое бойцов из передового дозора привели к палатке Смирнова пятерых украинских солдат. Кстати, все, как на подбор, здоровенные детины. А вот только в глазах горечь у парней особая, своя. Но в плен сдались сами: вышли на наш дозор, как полагается, с поднятыми руками и без оружия.

— В шеренгу по одному становись!!! — зычно повелел им отменно строгим, истинно командирским голосом голубоглазый, улыбочивый прапорщик Баранов.

Укры неловко, суетно построились.

— Равнение напра-во-о-о-о!!! — крикнул ором, как из орудия, оглушающе бабахнув, прапорщик и бодро, с подскоком зашагал подлинно парадным шагом навстречу неспешно приближавшемуся комбату.

Александр Ильич сдержанно, однако явно сердечно, улыбался в свои зрелые блескучие усы. И как ему было не радоваться, уже зная в подробностях, как эти вояки оказались в расположении его батальона: прослышали по радиоперехвату, что в часть Смирнова прибывают православные батюшки крестить бойцов, так тоже решили принять веру, их отцам и матерям близкую, а для того, конечно же, сдаться в плен. Одним словом, хоть стой, хоть падай!

А свои чем лучше? Столько решительных и взволнованных звонков в тот день было Смирнову из разных соседских подразделений насчёт соучастия в крещении — всех не перечислить через их множественность и по соображениям военной тайны: и летуны, и ракетчики, и танкисты, те же связисты... Одним словом, прояви майор послабление относительно воинской дисциплины, здешнее направление могло опасно оголиться.

Батюшки приехали, как говорится у военных, «на броне». Оказывается, главный у них протоиерей Виктор Праздничный сам в прошлом был танкистом, ко всему с боевым афганским опытом.

Когда святые отцы буквально ворвались на территорию старательно замаскированного штаба батальона на выделенном для них громогласно рыкающем Т-80, то ещё на ходу стали своими венчиками налево и направо радостно, вдохновенно окроплять бежавших им со всех сторон навстречу бойцов. Кстати, на башне у танка было размашисто и не очень умело написано белой краской его фронтовое имя — «Ангел-хранитель». Правда, местами краска была сбита пулями и осколками.

— В боях рождаются тысячи верующих! — привычно прыгнув с танка, проговорил отец Виктор. — Чудес у вас случается много, но самое главное чудо — это количество уверовавших. Ваш героизм приведёт нашу страну к спасению. Вы будете строить новую Русь!

Пока всё организовывалось ко Крещению, протоиерей аккуратно взял под локоть майора Смирнова:

— А Вы к своим бойцам не присоединитесь? Во имя Отца и Сына, и Святаго духа?..

— Вызреваю, батюшка... Простите... — напряжённо отозвался командир батальона. — Так сказать, жду свой час! Нам ведь голову так забили в своё время с этим атеизмом, что до сих пор в голове чехарда настоящая...

— Бог милостив... — благоговейно вздохнул отец Виктор. — Покайтесь и веруйте в Евангелие, говорит нам Господь.

Построенные для крещения после огласительной беседы бойцы в белых сияющих рубашках по колени выглядели самыми настоящими мальчишками, точнее даже — пацанами. У знающих особую цену жизни и смерти людей сейчас были наивные, простодушные и несколько озадаченные лица.

Они смущённо вздыхали и застенчиво переглядывались, пока батюшки читали нужные молитвы. Некоторые бойцы пытались вторить им, но у большинства получалось несколько сбивчиво, порой путанно, однако в итоге прозвучало всё с нужным достоинством: и «Отче наш», и «Радуйся Богородица», и «Господи, помилуй». Глядя на восток, уже стройней и решительней, почти слово в слово проговорили вместе с батюшками «Символ веры».

Священники требовательно и в то же время отечески расспрашивали каждого бойца, верит ли тот в Иисуса Христа, отрекается ли от помощи злых сил и сатаны.

Откровенно повеселели парни, когда священники, прочитав нужную молитву, трижды дунули им в лицо, чтобы ни мало, ни много направить их на новый божеский жизненный путь и послать душе защиту от высших сил.

— Крестильные ваши рубашки советую хранить как оберег от вражеских пуль и происков чужеземного сатаны! — вдохновенно, просто-таки песенно проговорил отец Виктор, зорко идя вместе с другими батюшками вдоль строя новоокрещённых и размашисто окропляя воинов с венчика святой водой налево и направо: не выбирая, верующий ли перед ним человек или нет. — С праздником, братия во Христе, с праздником!

Майор Смирнов, когда мимо него проходил отец Виктор, щедро, восторженно работая венчиком, неожиданно для самого себя несколько подался вперёд, чтобы тоже попасть под брызги святой воды. Но только дотянуться ему так-таки не удалось, и он смутился, однако просить батюшку специально для него вернуться и, так сказать, прицельно повторить окропление, не решился.

После завершения обряда батюшки с добрым напутственным словом раздали новоокрещённым памятные наборы из

Молитвослова и Евангелия. Один из них отец Виктор с не сходявшей с его лица доброй, просто-таки небесной улыбкой радостно подал майору Смирнову. Александр Ильич несколько подрастерялся, чуть ли не как новобранец по команде «Смир-на-а-!»

— А если кому из крестившихся не хватит этих книжек?.. — несколько смущённо и озадаченно, но более всего заботливо проговорил тот, бдительно оглядываясь по сторонам взглядом настоящего, выверенного самыми непростыми обстоятельствами доподлинного отца-командира.

— Всё будет рядышком, всё будет хорошо! — аккуратно рассмеялся отец Виктор.

— Оно, конечно, благодарю... — Обязательно прочитаю! Честное слово...

Приняв подарок, Смирнов хотел было положить его в правый нагрудный карман. Однако спохватился, что там лежат деньги полученного им утром денежного довольствия. Верующий он или нет, но такое сочетание показалось ему не лучшим. Мельком оглянувшись по сторонам, не видит ли кто его такой непонятной суетливости, майор переложил свои подарочные Молитвослов и Евангелие в левый карман. Ещё и проверил перед тем, нет ли и там чего несоответственного. Кроме табачных крошек в нём ничего не оказалось.

Александр Ильич сдержанно усмехнулся, и в этот момент словно бы затылком услышал то, что у армейских между собой называется «звуком прилёта». Как видно, дроны украинцев отследили-таки их батальон.

Звук был характерный, узнаваемо металлический. Вроде как жёсткий удар арматурой по профлисту. Обычно укры палят снарядами от «Хаймерса», но на этот раз, как видно, отработала своим 155-мм снарядом их итальянская гаубица.

Тотчас вспенившийся чёрный дым такое предположение подтвердил.

В таких случаях правило одно: услышав звук подлёта, тотчас ничком валиться на землю. Само собой, не выбирая место поприличней, — иными словами, хоть в грязь лицом.

У майора Смирнова всё это было предельно отработано. Только человек предполагает, а Бог располагает. Бандеровский осколок упредил командира батальона.

Удар пришёлся в область сердца. То ли померещилось, то ли на самом деле так было, но Смирнов, теряя сознание, ощутил и тяжесть вошедшего в него полновесного осколка, и огненную, всю прожигающую температуру раскалённого до нельзя металла.

Он очнулся на мгновение, когда бойцы бегом несли его в медсанбат на носилках. Слава Богу, других раненых, а тем более убитых на этот раз не было ни одного.

— Гаубицу подавили?.. — туго прохрипел Смирнов и, не успев услышать ответ, вновь провалился в гущу лихорадочных видений. В ушах висел тяжёлый протяжный звон, взгляд застыл густая серебристая пелена.

Через полчаса из палатки медсанбата, стаскивая на ходу свои залипшие медицинские перчатки, неспешно вышел главный хирург Петренко.

Практически весь состав батальона невдалеке под навесом напряжённо ждал его вердикт. Укрывая от зорких дронов и спутников, над ними висели недавно полученные густо плетёные добротные буро-зелёные маскировочные «Сети для СВОих» от московских волонтеров.

— Жить будет... — строго проговорил доктор Петренко. — Командовать вами — будет!

Он многозначительно усмехнулся. Кажется, чему-то своему, особому, медицинскому.

Вздыхнув, главный хирург аккуратно, почти застенчиво кивнул отцу Виктору.

— Вас можно, батюшка, на минуту?..

Отец подошёл тотчас. И с явной, просто-таки мальчишеской резвостью, несмотря на одетую на нём рясу. Однако на ходу протоиерей несколько раз оглянулся на своих духовных коллег, точно на всякий случай заручаясь их поддержкой и возможным добрым советом.

Петренко начал с того, что достаточно смущённо, несколько сбивчиво попросил у батюшки благословения.

Получив его, он взволнованно, поспешно пожал батюшке руку, да тут же, спохватившись, судорожно откашлялся и немедленно с повторным поклоном её поцеловал.

— Теперь главное, товарищи офицеры, прапорщики, сержанты и рядовые! — с напряжённой и какой-то особой, будто не от мира сего улыбкой продолжил Петренко.

Он аккуратно запустил свою рыжеволосую руку в глубокий карман медицинского халата, из которого, после небольшой паузы, бережно извлёк нечто.

Несколько встревожено приглядевшись, бойцы и все прочие батальонные армейцы, увидели в руках главного хирурга Евангелие и Молитвослов из тех, которые они недавно все получили с добрым напутствием из рук батюшек. С тем заметным и существенным отличием, что эти обе подарочные книжицы были насквозь пробиты угловатым и шербатым

осколком. На металле и на бумаге можно было разглядеть очевидные следы крови.

— По всему, их страницам не под силу выдержать удар снарядного осколка... — вдумчиво и рассудительно проговорил, словно сам себе, Петренко. — Только они выдержали! Здесь, братцы, без духовной мистики никак не обошлось...

В это время из входного разреза палатки боком, нетвёрдым шагом, но с неким настойчивым решительным выражением в лице показался майор Смирнов. Выглядел командир батальона не лучшим образом, пошатывался вполне очевидно, но суров был, как никогда. Словно только что принял некое более чем ответственное и далеко идущее решение.

— Отец Виктор... — глухо обратился командир к батюшке. — Я как увидел, что духовные книжицы остановили сокрушительный осколок снаряда, так всё перевернулось во мне. Можно ли крестить меня в порядке исключения прямо сейчас, не откладывая, пока я ещё держусь на ногах...

— С Божьей помощью всё исполнимо... — тихо ответил протоиерей Виктор.

Со всех сторон, в явное нарушение здешних требований соблюдения тишины и, более того, ко всему никак не предусмотренные церковным уставом и армейским Уставом, раздались бодрые аплодисменты. В коих с одинаковым радостным подъёмом участвовали как офицеры и бойцы, так и прибывшие на танке батюшки.

г. Воронеж

ПОСЛЕДНИЙ ВОЛК

РАССКАЗ

Я сидел возле костра и, улыбаясь приятным мыслям, смотрел на огонь. Не зря говорят, что на пламя можно смотреть вечно. Согласен! И не поспоришь! Огонь не замыливает глаз и расслабляет уставший от ненормальной городской жизни мозг.

Глубоко вздохнув, отвёл глаза от костра и посмотрел на гладь озера, замершую под вечерней дымкой. Вода темная и неподвижная, как стекло. Даже рябь от всплесков окуньков не разбегалась по зеркальной поверхности озера, а тонула, не желая тревожить разлитую над лесом вязкую тишину.

Вот и окуньки вспомнились! Встав со своего необычного кресла, я присел рядом с костром. Сбоку от него на угольках стоял котелок, который я приподнял палочкой за нагревшуюся дужку и, перехватив верхонкой, чтобы не обжечься, отставил от костра. Всё, ушица дошла! Извольте употребить. И я, пуская слюни от предвкушения, поставил перед креслом чурочку и водрузил на неё котелок. Тарелка мне не нужна. Я здесь жил один и мог позволить такую роскошь, как хлебать

ПРОЗА

прямо из котла! Что я и сделал, вооружившись деревянной ложкой.

Обжигаясь, я хлебал уху, состоящую только из картошки, целой головки лука и нескольких окуньков. Хлебал и думал, откуда у нашей компании, облюбовавшей это место, пошла мода на деревянные ложки. И как всегда, не смог вспомнить. Переключился на кресло, на котором сидел. Один из моих приятелей, приезжающих сюда отдыхать, мастер на все руки. Вот он и сподобился пару лет назад — изготовил его, вырубив из чурки и снабдив высокой, удобной спинкой.

Уха закончилась. Я побродил в пустом котелке ложкой, ничего не обнаружил и, поражаясь собственной прозорливости, довольный, откинулся на спинку. Вот сейчас чаёк со смородиновым листом и мятой настоится, приму пару кружечек и потопаю спать.

Стемнело. Лес почернел, увеличился и, подступив вплотную к костру, замер, присматриваясь к человеку. Ему было непонятно, что этот мелкий человечешка делает здесь в такое время?! Почему ещё не убежал туда, откуда пришёл? Его место там, среди ярких огней...

Наступило время тишины. Лес, перестав обращать на меня внимание, замер, не издавал ни звука. Но я знал, что чуть позже послышатся голоса тех, кто создан для жизни в темноте, для кого она друг и кормилица. И лес очнётся, зашуршит и затрещит ветками. А сейчас затишье — ушли создания света, но ещё не пришли те, кто живёт в темноте. Ну что же, пора и мне прятаться. Я с удовольствием зевнул и побрёл в домик спать.

Спалось хорошо, но я всё равно проснулся рано. Повалялся немного в кровати, но поняв, что больше не усну, поднялся, накинул на плечи куртку и вышел из домика. Постоял, просыпаясь окончательно, потом обошёл дом, проверил, всё ли в порядке, а то ночное зверье иногда чудит. Потом, по устоявшейся привычке, прямо в трусах уселся на крыльцо, подложив под зад приспособленную специально для этого досщечку, и наблюдал, как туман втягивается в лес, освобождая от своих оков озеро. Соприкоснувшись с первыми солнечными лучами, оно вспыхнуло по берегам яркими искрами света, отразившегося в капельках росы.

Дом стоял на полянке недалеко от воды, и по утрам туман живыми белёсыми щупальцами подбирался вплотную к домику, нагоняя зябкую дрожь на тело. Я передёрнул плечами и тут же подпрыгнул от неожиданно хлестнувших по ушам звуков выстрелов. Сначала два выстрела подряд, потом ещё три! Я стоял в одних трусах на крыльце и с тревогой вслушивался

в лес. Но выстрелов больше не было... Тишина. Потом спохватился: «Вот же ёлки-палки, а! Сейчас поздняя весна, а это значит, что стрелять в лесу можно только в том случае, если на тебя кто-то нападает!»

Я метнулся в дом, сцапал свою «Сайгу», вышел на крыльцо и, торопливо снаряжая пятизарядный магазин, снова прислушался. Ничего. Тихо. Больше не стреляли, и я немного успокоился. Представил себя со стороны и заржал. Стоит, значит, такой гвардеец на крыльце в одних «советских» семейных трусах, которые я, между прочим, специально в интернете выискивал! В глазах огонь и презрение к опасностям, в руках ружьё, а на заднице одни трусы! Вороги от страха точно загнутся, когда такую жуть увидят! Но смех смехом, а надо посмотреть, что случилось, а то мало ли... Да и двадцатилетний опыт службы в милиции, а после и в полиции подсказывал, что всё это неспроста.

Чаёвничать долго не стал. Выдул чашку кофе, стрескал пару бутеров, наваливая тушёнку прямо на кусок хлеба, и направился в лес, предварительно снарядив два магазина картечью. Чем чёрт не шутит! По моим прикидкам, стреляли недалеко. Километр, не больше. Поэтому, зная направление, я не плутал, а уверенно шёл туда, откуда доносились выстрелы. Когда почти дошел до предполагаемого места, внимательно осмотрелся.

Я быстро нашёл, что искал. Нашёл и выругался: «Твою ж!.. Как же так, а? Какому уроду это понадобилось-то?!»

С краю небольшой полянки под старым поваленным деревом лежала мёртвая волчица и рядом с ней четыре мёртвых волчонка, два из которых были почти пополам разорваны картечью! Волчицу убили двумя выстрелами. Она не ушла из логова, видимо не смогла бросить своих детей. Четырех волчат застрелили тремя выстрелами. Я осмотрелся. Ладно, надо поискать, откуда этих нелюдей принесло.

Двигаясь по расширяющейся спирали, довольно быстро нашёл место, где охотники остановились на чём-то колёсном, скорее всего, на таком же квадроцикле, как и у меня. Следы вели только к лёжке и обратно. Всё, никуда они больше не ходили. Значит, неслучайно на волчье логово наткнулись. Эти твари целенаправленно шли убивать волчицу и её щенков! Нашли когда-то логово, а потом пришли и убили! Я не определил, сколько их было, но, как подозреваю, не один! Такие в одиночку не ходят! Трусливые они один на один-то. Да ещё и с волком!

Вернулся к мёртвому волчьему семейству. Стоял, молча смотрел на трупы животных и не знал, что делать! То ли при-

нести лопату и закопать, то ли ветками закидать, а может, и оставить всё, как есть.

Я вовремя услышал рычание, вернее даже не рычание, а хрип, что меня и спасло. Резко развернувшись, увидел, как через полянку несётся здоровенный волк и издаёт этот яростный хрип! Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что произойдёт. Я сразу понял. Поэтому быстро вскинул «Сайгу» и дважды нажал на курок. Попасть в волка цели не было. Я и не попал! Хотел, чтобы он просто ушёл. Мы поняли друг друга, и зверь, шарахнувшись в сторону, мгновенно скрылся в лесу. А логово ветками я всё же закидал. Неправильно это, когда трупы так на виду, даже если это звери!

Настроение от увиденного было испорчено конкретно, поэтому, вернувшись к домику, решил срочно его исправить. Нехорошо с тяжестью на душе в таком месте жить! А исправить настроение можно только банькой, растопкой которой я и занялся. Наша баня представляла собой маленький домик, стоящий у самой воды, чтобы не бежать далеко из парилки, а сразу же ухнуть в воду.

Баня за пару часов прогрелась, и я с удовольствием отдался приятным обжигающим ощущениям. Развалившись на полке, кожей чувствовал, как благодать настойчиво ломится в моё распаренное тело. А когда, стиснув зубы, с разбегу влетел в воду и заскулил от перепада температур, так уже и не думал о мёртвых волках.

Мне было хорошо. До тех пор, пока я не напарился и не собрался идти в дом. Слава Богу, что я не стал с разбегу открывать дверь бани, а, словно почувствовав неладное, посмотрел в щёлочку. Неладное находилось недалеко от меня! Волк, которого я отогнал выстрелами, неподвижно стоял напротив двери в дом, куда я собирался вернуться из бани.

Чертыхнувшись, осторожно отступил от двери, предварительно закрыв её на солидный засов. Вот так влип! У меня с собой ничего, кроме полотенца. Если волчара поймёт, что я здесь, хреново будет. Из полотенца оружие не очень-то и страшное. Против зверя не годится, даже если я волку в голову им попаду. Разве что он сам от смеху помрёт, глядя на мой голый зад! Но я не слишком-то отчаялся. Если что, лавку вон в предбаннике возьму и пробьюсь к дому. Мужик я здоровый, справлюсь с хищником.

Однако до этого, слава Богу, не дошло. Волк, постояв перед домом ещё минут двадцать, ушёл. А ночью я несколько часов слушал тоскливый, надрывающий душу волчий вой. Этот волк не пел, он страдал! Плакал своих детей и под-

ругу. Он думал, что их отнял у него я. Поэтому и приходил — меня искал!

В этот же день я понял, что волк начал целенаправленную охоту на меня. Уже стемнело, когда я закончил хозяйственные дела и, не изменяя привычке, сидел в кресле возле костра, смотрел на огонь и пил чай, думая сразу обо всём. Но наученный баннным опытом, в этот раз держал на коленях «Сайгу». Так, на всякий случай. Знал, что хищник на огонь не пойдёт, но всё же...

Это «всё же» произошло, когда меньше всего я ожидал нападения. Я и не думал, что это произойдёт. Волк не должен был напасть в таких условиях, не должен! Но он напал! В тот прекрасный момент, когда я допил чай и нагнулся вперёд, чтобы поставить кружку на чурочку, сзади в кресло что-то сильно ударило. Я, не удержавшись, подался вперёд и чуть не свалился в костёр. Однако умудрился удержать равновесие и, перескочив через огонь, быстро обернулся.

Рядом с креслом, сдвинутым с привычного места, стоял волк и глухо рычал, глядя мне в глаза. Рука у меня против воли дёрнулась, и я чуть было не перекрестился, когда увидел, как в отблесках костра вспыхивают волчьи глаза. Струхнул я конкретно, тем более что ружьё, свалившись с колен, лежало на той стороне костра, рядом с волком. Зверь рыкнул и одним мощным броском исчез в темноте. А я, осторожно оглядываясь, обошёл костёр и поднял ствол, дослав патрон в патронник. Одновременно с этим отгонял идиотскую мысль, что было бы, схвати волк ружьё и утащи его. Представив, как волк тащит мой ствол к лесу, я не выдержал и нервно рассмеялся.

Уяснив, что с расслабленными посиделками у костра пора заканчивать, я переместился в дом. И только потом, спустя время, понял, как мне повезло. А когда понял, дал себе слово, что по возвращению поставлю свечку за здоровье приятеля, сотворившего наше чудо-кресло! Или хотя бы бутылку! Меня спасла спинка изготовленного приятелем кресла. Мощная, толстая спинка, на которую так удобно было опираться спиной.

Волк, кинувшись сзади, просто не понял, что перед ним не моя спина, а деревянная спинка, в которую он с разбегу и врзался, вытряхнув меня с насиженного места. Перед тем, как лечь спать, я обошёл дом, закрыл ставни и запер дверь, для надёжности подперев ещё и лавкой, которая заменяла сразу несколько стульев.

Волк пришёл ночью. Сначала выл возле леса, зазывая меня. Потом переместился ближе и порыкивал, нарежая вокруг дома

круги. Я не отвечал ему, а то ещё в раж войдёт. Тогда вообще не отступит, и придётся его пристрелить, а я этого очень не хотел.

Он ушёл под утро. Дождавшись, когда туман рассеется и ничего не сможет скрыть, я собрался, загрузил нехитрыми штотками квадроцикл и поехал домой. Отдых эта зараза мне испортила.

Уже дней десять, как я вернулся из леса, и жизнь вошла в привычную колею. Я успокоился и подзабыл про встречу с волком, пока не позвонил Николаич и не спросил, как там наше место поживает. Вспомнив неудачный отдых, я попросил его зайти.

Николаича я знал давно, ещё с советских времён. Я только начал работать в милиции, а он уже работал там водителем. Время шло, я поднимался по служебной лестнице, пока не добрался до начальственного кабинета, а Николаич, получив наивысшее для него звание прапорщика, так и остался водителем. Но дружеские отношения между нами не прервались, тем более что наши жёны тоже дружили.

Николаич зашёл в кабинет и огляделся. Поняв, что я один, прошёл и уселся за стол, пристыкованный к моему. В таком положении они создавали стогую официальную композицию в виде буквы «Т».

— Здорово! Что-то у тебя голос какой-то напряжённый был! Случилось чего? — спросил приятель, с удовольствием откинувшись на спинку неудобного стула.

— Для начала ответь, пожалуйста, мне на один вопрос, а то я всё спросить забываю, — уставился я на Николаича, — как ты умудряешься с таким удобством расположиться на таком неудобном стуле? Спинка у этого стула кошмарная! Она, по-моему, имеет отрицательный наклон и давит на спину! А у тебя морда довольная!

— А ты вот, к примеру, сколько в этом кресле сидишь? — засмеялся Николаич. — Года три? А до этого у тебя сидячая работа была? Нет! — ответил он сам себе. — Ты со своими операми бегал! Нет у тебя опыта сидячей работы, поэтому и со стульями не дружишь. А я сижу, сколько себя помню. В школе сидел, в армию пошёл — и там за баранкой сидел, в полиции тоже в машине сижу.

— Понятно, — кивнул я, — значит, поэтому ты такие удобные кресла делаешь!

— А то! — хохотнул приятель. — И поэтому тоже.

— Кстати, вот насчёт твоего кресла, — пробормотал я, — жизнь оно мне спасло! Поэтому выбирай: или свечку за твоё здоровье, или пол-литра!

— А что тут выбирать-то?! — удивился Николаич. — Если водочка добрая, то, конечно, её, родимую.

Я кивнул.

— Может, расскажешь, что случилось-то, если не секрет, конечно, — любопытствовал приятель.

— Да нет, не секрет, наоборот, узнать бы об этом побольше!

И я подробно описал свои тёрки с хищником.

— Если бы не ты рассказывал, я бы, наверное, не поверил, — задумчиво протянул Николаич. — Не характерно это для волков. Не ведут они себя так. Начать с того, что волчица, как правило, в случае опасности оставляет выводок и уходит..

— А ты, я так понимаю, тоже собрался туда? — перебил я его.

— Ну да, собрался, и откладывать поездку из-за этого бандита не собираюсь.

— Ты вот что. Прямо сейчас садись и пиши рапорт на постоянное ношение ствола, — распорядился я. — Там всегда с ним ходи — от греха подальше! Да и свою «помпу» не забудь.

Николаич спорить не стал, хотя пистолет носить и не любил.

— Да, и ещё, чуть не забыл самое главное! — строгим голосом сказал я. — Я там окуньков наловил и в сенах вялиться развесил. Так что смотри, все не сожри, привези немного. Они уже должны были дойти до нормы.

Николаич уехал отдыхать. Я подписал ему отгулы в счёт отпуска, и он с двумя сыновьями загрузился в свой «уазик» и укатил. На их счёт я не переживал. Детей он вырастил здоровенных. Они и медведя-то, если вдвоём будут, затопчут, а тут какой-то волк. Справятся!

Прошло уже три дня, как приятель с сыновьями уехали к озеру. Он звонил каждый день, но у них ничего интересного не происходило. Волка они не видели и даже не слышали.

«Ну и слава Богу! — подумал я, в очередной раз переговорив с Николаичем по телефону. — Может, он, в конце концов, успокоился и ушёл? Или какую другую волчицу встретил».

Рабочий день закончился. Всё вроде в порядке, можно и домой. Я замкнул кабинет и потопал на выход, по пути кивнув маячившему за стеклом «дежурки» офицеру.

Ехать домой не хотелось. Семейство моё, разъехавшееся на лето по родственникам, домой ещё не вернулось. Я потоптался у машины, раздумывая, чем бы заняться, а потом купил бутылку воды в магазине возле отдела и поехал на аллею. Посижу там, может, кого знакомого встречу, поболтаем.

«Аллея Ветеранов» растянулась вдоль нашего городка на добрый километр. В центре аллеи была установлена стела с орденом «Победы» на самом верху. Вся аллея была выложена брусчаткой, обсажена кустами, которые периодически подстригались, а по краям стояли удобные скамейки.

Припарковав машину, выбрал самую удобную лавку, уселся и, откинувшись на спинку, осмотрелся.

Народу было много. В основном молодые мамы с колясками и без, у которых дети уже носились самостоятельно. По случаю тёплой погоды мамочки были одеты в лёгкие платья. Краем глаза засёк, что рядом из кустов вышла большая собака и уставилась на меня. Я мельком глянул и машинально отметил, что на ней нет намордника. Непорядок! Животина большая, намордник должен быть! Собака медленно пошла в мою сторону. Я уставился на неё и встал со скамейки. Какая к чёрту собака! Я только сейчас понял, кто это! Волчара собственной персоной, вот он, нарисовался! Я узнал его!

Зверь рванул ко мне, издав хриплый рык. Понимая, что не успею вытащить пистолет, я лихо, как в молодости, перескочил через скамейку и присел за её спинкой. Волк, не сумев затормозить, заскочил на сиденье и перемахнул через спинку, пролетев надо мной. Пока он приземлялся и разворачивался, я опять, как сайгак, перекинулся через скамейку уже в другую сторону и, вытащив пистолет, прицелился в него.

Волк замер, будто понимая, что уже я стал хозяином положения. Оскалившись, зверь постоял ещё несколько секунд, потом одним броском достиг кустов и исчез в них. Я судорожно оглянулся и, осознавая, что стал объектом внимания не только этой твари, но и случайных свидетелей, спрятал пистолет и опять уселся на скамейку.

Мыслей никаких, только сердце судорожно трепыхалось в груди и подрагивали руки, когда я приложился к бутылке с водой и одним махом осушил...

Минут через пять, уняв дрожь в руках, огляделся. Вроде всё в порядке. Гуляют женщины, орут дети, — всё, как всегда, кроме одного... Сюда приходил волк, у которого кто-то убил детей! И вот тут мне по-настоящему стало страшно. А что если он решит убивать детей того, кто расправился с его семьёй?.. Он просто начнёт убивать человеческих детёнышей! Мстить!

Эта дурная мысль была настолько дикой и ненормальной, что я нервно хохотнул, встал и осмотрелся. Ну а что! Выследил же он как-то меня, ждал, когда я появлюсь. Как он добрался до города, я уже понял — скорее всего, просто бежал за мной. На лесной дороге не очень-то разгонишься, так что

волк мог проследить до самого города даже человека на квадроцикле. А потом он меня просто ждал. Ждал на окраине, когда я появился, и дождался! Я послушно пришёл. Мистика какая-то!

Я позвонил дежурному и поставил задачу по охране этого участка аллеи, так как именно он почти примыкал к лесу. Аллею надо охранять от всех собак, представляющих опасность, до тех пор, пока на аллее находится хоть один человек. Дождавшись наряда ППС, проинструктировал их и поехал домой. Я уже знал, что надо делать.

На следующий день, с утра, я уже гнал по лесной дороге к нашему домику, но не усердствуя со скоростью. Перед тем, как направиться в лес, минут сорок колесил по лесу возле аллеи в надежде, что волк меня увидит. И он увидел. Надеюсь, что собака, мелькнувшая среди деревьев, — был именно он.

Доехал до озерка спокойно. По дороге волк на глаза не попадался, и я забеспокоился, что он мог и не побежать за мной. Николаич удивился, увидев меня. Когда я загнал квадрик под навес и наконец-то сполз с него, он озабоченно спросил:

— Ты, Сань, чего такой заполошный? Чё припёрся-то? Случилось чего-то?

— Случилось, — пробормотал я, — подожди, сейчас расскажу!.. Спину вот только на твоём кресле пристрою и расскажу!

И я направился к костру, возле которого на бревне сидели его сыновья и что-то пили из кружек.

— Что лакаете? — спросил я, подходя к ним. И уселся в кресло, со стоном распрямляя по спинке уставшую от квадроцикла спину.

— Смородины с травками заварили! Налить, дядь Саш?

— Наливай!

Я прихлёбывал терпкий напиток и рассказывал. Подробно, не упуская даже мелочи, — чем больше услышат, тем лучше. Это я по опыту знал. Дело пойдёт, когда выяснишь всё до мелочей, и чем больше их, тем яснее картинка. Когда я закончил, младший сын Николаича Егор вытащил из кармана сотовый и озабоченно сказал:

— Домой надо позвонить, мои часто там гуляют.

— Не надо никуда звонить... — хриплым шёпотом сказал вдруг Николаич и уставился мне за спину, вытаращив глаза.

Я уже понял, кого увидел приятель, и, не поворачивая головы, спросил:

— Пришёл?

Николаич кивнул и так же шёпотом ответил:

— Пришёл! Наконец-то сподобились увидеть! Прямо рады до невозможности!

А потом я, невзирая на близкое присутствие волка, натопил баню. Зря, что ли, приехал? И мы напарились. По очереди, по двое! Двое парятся, двое охраняют. Волк, видимо, понимал, что во время такого мероприятия, как баня, толпу голых мужиков лучше не злить, поэтому никак себя не проявил. А вот ночью бродил по кромке леса и выл, но к дому не подходил. В общем, ночью не спалось.

На следующий день утром, когда все собрались возле костра, Николаич спросил:

— Я так понимаю, мы на него охотиться будем?

— Точно, будем, если вы не против.

— Да мы-то не против. Но вроде бы и запрещено в это время.

— Я знаю. И буду откровенно рад, если сможете предложить какой-нибудь другой вариант.

Николаич задумался. Я не торопил, пускай подумает. И сам придёт к такому решению. Но он долго не размышлял.

— Да. Ты прав. Не дай Бог, в город опять придёт, и хоть один человек пострадает...

— Вот и ладно! — обрадовался я. — Собираем шмотки и через полчаса начинаем.

Начали. И продолжаем уже пятый день. Что только не выдумывали: и засады устраивали, и пытались загнать, разделившись на пары, и даже караулили возле логова с останками волчьей семьи. Видели следы, знали, где он может быть, но найти не могли. Волк держался на расстоянии. Не знаю, сколько бы это продолжалось, пока я в один прекрасный момент не догадался, что делать.

Когда пятый день подошёл к концу, наша дружная команда устраивалась на ночлег, разбирая надувные матрасы... То есть их разбирали молодые, а мы с Николаичем, как два дембеля, улеглись на двух кроватях, и до меня дошло!

— Николаич, а я ведь знаю, что надо делать и как его взять!

— Ну, давай обрадуй. А то я, честно говоря, задолбался уже по лесам бегать.

— Вот смотри, волк же за мной ходит. И в город за мной прибежал и из города за мной подался. Значит, я ему нужен. И пока кто-то будет рядом, мы его не возьмём. Не подойдёт. Умный, зараза.

— Ты что это удумал? — забеспокоился приятель, — Ты давай-ка брось это. Ты один собрался идти?!

— Да! Один, иначе никак...

— Иначе никак... — задумчиво повторил Николаич и прислушался к тоскливому вою, доносящемуся из леса.

На следующее утро собирали меня всем колхозом, как на войну! Николаич отрезал от брезента, который всегда с собой возил на всякий случай, полоску шириной сантиметров семь-восемь и заставил меня намотать на шею. Зачем, я спрашивать не стал, и так понятно. Немного обидно, что не я это придумал. Затем я напялил тяжёлую куртку из толстой кожи, хранившуюся у Николаича ещё с советских времён, поверх закрепил пояс с открытой кобурой, в которой покоился ПМ. Перед самым выходом младшенький притащил два журнала и предложил примотать их изолентой немного выше запястья, чтобы не сковывали кисть.

— Может, передумаешь? — спросил приятель, когда всё было готово. — Не ровен час, все приготовления могут прахом пойти!

— Да нет, пойду, пожалуй, — усмехнулся я. — А то плохо ему без меня, тоскливо.

— Мы следом потопаем минут через десять!

— Нет. Рано. Минут через двадцать, чтобы я успел уйти хотя бы на километр.

— Лады, — буркнул Николаич. — Всё, давай, топай!

И я отправился...

Шёл не торопясь, постоянно оглядываясь и прислушиваясь, но всё равно проглядел волка. Слишком уж много в лесу мест, из которых можно напасть. Да и охотник из меня так себе. Никакой, одним словом, охотник. И когда я почти дошёл до полянки, где была убита его семья, волк напал.

Зверь выпростался из-под куста, под которым неподвижно лежал в высокой траве, и, ударив меня лапами в грудь, опрокинул на спину. Всё произошло так неожиданно, что я выпустил «Сайгу» и, выставив руки вперёд, заорал! Волк вцепился в них и яростно затряс головой, стараясь оторвать кусок, но журналы не поддавались.

Пока волк был занят левой рукой, правой я вытащил пистолет и, мысленно вознеся хвалу Всевышнему за то, что надумил меня заранее дослать патрон в патронник, взвёл большим пальцем курок и выстрелил в грудь зверя. Волк взвизгнул и отскочил в сторону. Я встал на колени и, подобрав «Сайгу», прицелился в него. Но волк больше не нападал. Я поднялся с колен и несколько секунд целился в него, а потом опустил ружьё.

Волк стоял и дрожал крупной дрожью. Наконец, его лапы подломились, и он лёг на землю. Вытянул передние лапы и, положив на них голову, замер. Меня он больше не замечал,

будто я сделал то, что нужно, и теперь стал ему неинтересен. Не совсем осознавая, что делаю, я подошёл и опустился рядом с ним на колени. Он никак не отреагировал, только закрыл глаза. Я положил ладонь на большую волчью голову и почувствовал, как дрожит его тело. Он умирал. И тогда я начал говорить.

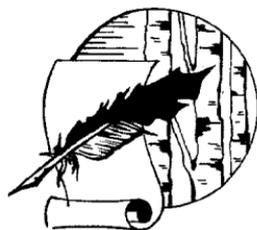
Волк открыл глаза при звуке моего голоса. А я всё гладил его по голове и говорил. Рассказал всё, как было. Что не я убил его детей, не я застрелил его подругу, что я никогда бы этого не сделал... Волчья голова под рукой вздрогнула в последний раз и бессильно склонилась набок... Всё...

Минут через пятнадцать меня нашли Николаич с сыновьями. Им не надо было ничего объяснять. Вот тело волка. Вот я, живой и здоровый, всё ясно. Единственное, что было необычным в этой ситуации, так это то, что я раскричался и потребовал похоронить волка!

Николаич, видимо, решил, что перечить убогому будет себе дороже. Отправил младшего за лопатами. Уже через час, выкопав яму, мы сложили в ней останки волчьей семьи, построили тело самого волка и закопали.

После этого случая прошло много времени. Мы продолжаем ездить отдыхать к озеру, но больше не встречали волков и даже не слышали их голосов ни днём, ни ночью. Наверное, я убил последнего, кто жил в нашей округе. И то, что это сделал именно я, не даёт мне покоя.

г. Сосновоборск Красноярского края

Валерия САЛТАНОВА

ИЗ-ПОД ГОСПОДНЕГО КРЫЛА

ДОНБАССКАЯ БЫЛЬ

Разрушенных улиц плаха...
Мрачней, чем сама печаль,
Старуха без слёз, без страха
Глядит, не мигая, вдаль.

Ей видится ход столетий,
Военных годин сырец —
Там в бешеном сорок третьем
Остался навек отец...

Померкла в груди разлука
За восемь десятков лет,
Но нынче убило внука,
Что в жизни дороже нет...

...А сзади за ней, под стрехой,
От гибели в двух шагах,
Вдруг, будто войне помехой,
Чирикнул апрельский птах.

Чирикнул, прочистил горло,
Вдохнул городскую гарь —
И светом таким попёрло,
Что сердца размяк сухарь...

В подглазьях темно и сухо,
Но, с болью идя вразрез,
Касаются трели слуха
Дыханьем самих небес.

Душа — матерьял разменный
В фашистской игре кривой:
Там фриц был — чужой, надменный,
Здесь — хлопец чубатый. Свой...

Ах, пташечка, Божья птица,
Кручину с души стирай!
Святая идёт Седмица:
Убитые — сразу в рай...

Повсюду разор, разруха,
Страдают и дух, и плоть...
И шепчет без сил старуха:
«Пошто не меня, Господь?»

БЕСПАМЯТСТВО

Он решил, что тебя он забыл.
Так забыл, что из памяти выжег.
Удалил из смартфона и книжек,
Погасил несговорчивый пыл.

Тьмой беспамятства вытеснил свет,
Амальгаму всех снов занавесил...
Стал здоров и как будто бы весел,
Осознав, что тебя больше нет.

Отовсюду — такие дела! —
В имярек превративши и в игрек,
Экстрагировал, выудил, выгреб —
Где дышала, смеялась, была.

Вот и ладненько. Скатертью путь —
Не судьба ты и вовсе не фетиш...
...Только светишь, по-прежнему светишь!
Даже ненавистью не задуть...

* * *

Жизнь такая долгая была,
Что пора бы жить её обратно,
Уходя в порталы многократно,
Где душа снегов белым-бела...

Где чисты молитвы и листы,
Где одно лишь будущее смутно,
Где душа болит ежеминутно
От любви, добра и красоты...

Через всех событий бурелом,
Сквозь ожог имён и нумераций,
Колоском топорщась, продираться,
Застрывать болезненным углом.

Ходуном заходят времена,
Перемешанные с именами...
Белые шары воспоминаний
Улетучатся, как пелена...

...Где-то там, забытый до поры,
Вешний птах старательно затенькал.
Прошлого щербатые ступеньки,
Вспокошённой памяти порыв...

Видеть всё, не размыкая вежд,
Дальше и пронзительнее взгляда.
Только не заглядывай, не надо
В окна заколоченных надежд...

АПРЕЛЬ. БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Что толку-то в словесном купоросе!
Бояться, ждать, терзаться, ворожить...
Господь управит и в беде не бросит,
Как будет, так и будет. Что блажить...

Как будет, так и будет. Не иначе.
Найдётся слово. Зашумит весна.
Подснежник расцветёт на чьей-то даче
И неба засинеет крутизна.

А на балконе сонно и неловко,
От солнечных оживши добрых рук,
Перебирает лапками коровка...
Конечно, Божья. Как и всё вокруг.

СОН ПЕРЕД БОЕМ

Наши воины дружат с высотами,
Спят, молитву в груди затая,
Чтоб не стать из трёхсотых двухсотыми,
Чтоб вернуться в родные края.

Их хранят бережные зайчики
И каракули детских чернил...
Спите, наши отважные мальчики,
Вам так много ещё нужно сил!

Города пусть приснятся вам с сёлами,
Детство, будто стихи, наизусть.
Сны, наверно, не станут весёлыми,
Но хотя бы бескровными пусть...

Обережек с зашитой молитвою
Защищает и душу, и плоть.
Спите. Сон вас хранит перед битвою.
И любовь. И, конечно, Господь.

Спите, наши бесстрашные мальчики!
Да не стать вашей милой — вдовой...
Пусть хранят бережные зайчики
Нашу Родину в час роковой.

ТУМАН

Такой туман, такая дымка
Спустились вдруг со всех сторон,
Как будто шапка-невидимка
С утра накрыла весь район.

И держит цепко всю округу
Туманной сырости конвой,
Мир спрятав будто бы во вьюгу
До видимости нулевой.

И ни углов, ни острых линий,
Вся жизнь до срока замерла...
Лишь взгляд Вселенной серо-синий —
Из-под Господнего крыла.

ГОЛОС СОВЕСТИ

В ком голос совести всё глуше,
Кто глух от западных беруш,
Тому одна шестая суши —
Всего лишь сушь, всего лишь глушь.

Так для глухого нет мелодий,
Журчанья вод и пенья птиц...
Хотя иной не слышит вроде,
Но из небесных пьёт криниц.

Но тот, кто сердцем глух, в ком память —
Рюкзак безжизненно пустой,
Кому коры вишнёвой камедь
Не детства зов, а клей густой;

В ком нет кипенья крови предков —
Как бы природы нет людской,
В ком честь ночует крайне редко
И никогда — вина с тоской;

В ком голос Родины всё глуше
И не разбужен ген любви,
Для тех одна шестая суши —
Всего шестая часть Земли.

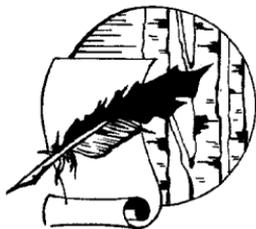
В контексте их духовных лоций
Не учтено — хоть нечем крыть! —
Ни вдохновенья, ни эмоций,
Ни счастья Родину любить.

ТОЛЬКО...

Ни обид, ни грубых прений, ни предавших рук
Я не помню: тлен на тлене — смертный круг разлук.
Взмах ресниц, заветный томик, горы, лес, прибор —
Только жизнь хочу запомнить, унести с собой.

Только лучшие на свете вспышки бытия,
Где наивнее, чем дети, были ты и я.
Только звуки вечной скрипки и — душе вослед —
Нереальный, нежный, зыбкий, бесконечный свет.

г. Ростов-на-Дону

Сагидаш ЗУЛКАРНАЕВА

ПРОСТОР И СВЕТ

* * *

Живу в глуши, от шума далеко,
Пишу стихи да печь топлю на благо.
Есть тишь и свет, есть мёд и молоко,
И два пути — до неба и продмага.

Пускай порой темно в краю ракич,
В пустом доме одна не заскучаю:
Под вечер Зойка сойкой залетит,
Расскажет все известия за чаем.

Зачем грустить, когда идут часы,
Полны теплом небесные ладони,
Горит герань и хлебом пахнет в доме,
Горьки слова, но помыслы чисты.

Чего мне ждать, каких высот хотеть
И обходить какие грани надо?
Ведь дальше неба некуда лететь,
А дальше бездны некуда и падать.

Мне б только жить без злости и обид,
Любить людей на свадьбе и на тризне.
А то, что Бог со мной не говорит...
Поговорит, быть может, после жизни.

* * *

Под бархатную пылью тишины
Лежала степь от края и до края,
Окутывал пространство вышины
Сиреневый туман шального мая.

А первого июня— небеса
Разверзлись окаянными мечами.
И дрогнуло оконце, как слеза,
Когда тебя не стало за плечами.

За окнами зима и снег кружит,
Усталый ветер кашляет надсадно.
Мне без тебя невыносимо жить!..
Дойдешь до Бога...
Поверни обратно.

* * *

Никого не слышу— мир закрыла кляпом,
Ничего не вижу— небо сыплет соль...
Ель седая машет еле-еле лапой,
Стала горше, старше прободная боль...
Провода замкнули от зимы на сердце.
Мамочка, мамуля, малое дитя...
Половица смолкла и заснула дверца,
Оголились окна в доме без тебя.
Не хожу на речку, не смотрю на небо,
Хлеб не ставлю в печку в выцветшем краю.
Мама золотая, мне попасть к тебе бы,
Где душа летает, ангелы поют.

* * *

Я помню: с мамой моем окна,
От чистоты визжит стекло.
И ваты хрусткие волокна
Меж рам кладём — беречь тепло.

И руки мамины, как птицы,
Летают с тряпкой по окну.
Ах, мне туда бы возвратиться
Сейчас, вот только дверь толкну!..

От осознания невозврата
В пространство детской скорлупы
Я цепенею, словно вата,
На подоконнике судьбы.

* * *

Врастая в небо корнями веток,
Деревья сдят целебность сини.
Горчичный пепел стяхнёт осина,
Луна на дынях оставит слепок.

По поворотам устав шататься,
Накрывшись дёрном, заснёт дорога.
Из всех пернатых одна сорока
Всё утро будет со мной ругаться.

Завязнут в прошлом деньки июля,
Как свет соломок в саманной глине.
Сорвутся листья за птичьим клином,
Истлеют стебли и стихнут улы.

Оставив четверть тепла и света,
Сентябрь выпьет всю жирность солнца.
То — завтра. Ныне с утра в оконцах
Расправив крылья, летает лето.

* * *

Хоть небо оловом луди —
Дожди сгущаются под вечер.
Забыта Богом и людьми,
Стоит изба, понутив плечи.

Жучки гнездятся на бревне,
И во дворе царит безмолвье,
И гвоздь навеки на стене
С кольцом ржавеющим помолвлен.

Висит, от времени сера,
Хозяйки сирая циновка,
Провиснув посреди двора,
Спит безрубахая верёвка.

Кругом осот и лебеда,
Заглохло время в доме старом.
Не брякнет конская узда,
Корова не бежит из стада...

Упала старая труба,
И опустились крылья ставней.
Нахолившись, стоит изба
Отставшей птицею от стаи.

* * *

Повесился месяц на сучьях.
Светаёт. Сажусь за весло.
На том берегу в заколүчье
Забытое дремлет село.

Дощатое тело деревни
Свой век доживает мирской.
В дворах одичалых сирени
Отчаянно пахнут тоской.

Здесь время как будто бы сбилось,
И дом от затишья оглох,
И бабочка в моль превратилась
В плену паутинных углов.

Завял на завалинке ветер,
Не слышится шелест ветвей.
И только в глуши о бессмертье
Поёт и поёт соловей.

* * *

Скудеют, глохнут сёла ныне,
Под вечер вовсе звуков нет.
Висит, как флаг, платок на тыне,
Закату отдавая цвет.

Исчезли пчёлы, бросив соты
На все четыре стороны.
Хиреет сад, лишь хрен с осотом
Берёт деревню без войны.

Сбежали в город все от Бога,
Отпала грязь из-под колёс.
Зима пришла, ушла дорога,
Расцвёл снегами сад и лес.

Бродячий ветер заметался
У хат стоящих без замков.
На всё село Иван остался,
Да пара древних стариков.

Бобыль Иван служил в пехоте,
Чудаковат и одинок.
А мимо окон снег проходит,
И не заходит на порог.

Деревню время валит набок,
Разруху не остановить.
Бобыль из снега лепит бабу..
И больше некого любить.

* * *

А ты не плачь, пусть дни твои лихи,
Под гору время катится монетой.
Переиначь все страхи на стихи,
Петлю и пули — на пилюли света.
Неси свой крест, храни любовь и дом,
Когда-нибудь ты станешь в ряд прощённых.
И в час беды не говори о том,
Что крест — не плюс, два минуса скрещённых.
Пускай тебя сжигает мир дотла,
И разрывает стих на звук и голос,
Ты не сходи с небесного седла,
В пургу лишь крепни, словно волчий волос.
Найди от зим судьбы лишь свой рецепт,
Дари любовь, твори, живи не постно.
Ведь из пустых нулей куётся цепь
Глухой тропы. Очнёшься — будет поздно.
А там— весна! В душе растает лёд,
И жизнь вокруг затеет перемены.
Апрельский ветер рекам вскроет вены,
И к водопою ивы поведёт.

* * *

Среди окраин и разрухи, где шифер мхом оброс на крышах,
Живёт иконная старуха — молись на лик, и Бог услышит!
Она месила век руками. Всё было: голод, униженье,
Почёт — ведь вровень с мужиками пахала до изнеможенья.

С супругом поднимала стены семьи и дома — было дело.
Душа в рубцах, а руки в венах, одна осталась, овдовела.
Сынок и дочка — всё богатство, чего желать душе без кожи.
Глядит старушка без злорадства глазами Бога на прохожих.
Хлопочет в доме спозаранку: то хлеб печёт, то кормит живность,
То прёт бидон с водой на санках. И так кружит по кругу жизни.
Чтоб от хлопот охолонуться включает телик: «Что там кажут?»
И здесь спокойно не сидится: глядит на мир страстей и вяжет.
А дети редки на пороге, с годами вовсе едут реже.
Из-под ладони на дорогу глядит она, надежду теща...
Мироточит окно наружно, дрожит осенняя осина.
И невдомёк святой старушке — на ней и держится Россия.

* * *

Серотонина нет и светлых красок тоже,
Сыреет серый снег, и вести всё страшней,
И от земных тревог болит душа без кожи.
Всё жёстче этот век сжимает свет клешнёй.
И всё бы ничего, но некого окликнуть,
Суммарно сходит мир с ума, с петель, с версты.
Покинув город N, вернусь в свою улитку,
Взрашу в своей душе жемчужину мечты.
Вернусь в свой старый дом, где пахнет печка хлебом,
Где яблоки в саду щекасты и сладки.
Через щербатый тын цветы глазают в небо,
Где я вяжу зимой с узорами следки.
На дне моём все дни поёт сверчок в запечье,
А осенью стихи спешат на огонёк.
Бывает, что взгрустнёшь, особенно под вечер,
Сорвёшься в город N, но только на денёк.
Устанешь от проблем, от дома и от быта,
Но куры — куд-куда! Да тут я, дуры, тут...
Пусть всё предрешено, и все пути избиты,
Но есть простор и свет — вовек не предадут.

г. Самара

ОБ АНТИСОВЕТЧИКАХ

Откуда они такие берутся. Был у нас писатель — Виктор Астафьев. Весьма способный. Пока в стране была советская цензура, он писал хорошие, даже добрые книги. Когда цензуру отменили — полезло дерьмо! Иногда в прямом смысле — со страниц его текстов. Почитайте его книгу о Великой Отечественной войне «Прокляты и убиты» (каково название?!). Это не просто «антисоветчина», это какое-то торжество «негативного мировоззрения»! Т.е. типичная антисистемность. Хотя нет, законченным антисистемщиком он не был, — где-то наполовину. Видимо — в папу.. Мама была хорошая, светлая, из старинной казачьей семьи (см. его биографию, до прадеда-раскольника, которого «деревня не приняла»). Короче — внутренний разлом, долго терпел, накопилось — и полезло!.. В итоге, наплевал в свой же колодец...

Пример современного антисоветчика из церковной среды — митрополит Иларион (Алфеев). Любимец римского папы и либерал-реформатор. Дня не проходило, чтобы он Сталина не пнул! Очень странно! Его дед, Григорий Дашевский, ученый-историк, был политработником на фронте, ба-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

бушка, Фима Дашевская, много лет на комсомольской и партийной работе, при должности. Папа — советский ученый, мама — писатель. Сам получил бесплатное музыкальное образование. Надо бы советской власти спасибо сказать...

А вообще-то, если внимательно посмотреть на дела митр. Илариона, то напрашивается вывод, что его антисоветчина напрямую связана с русофобией и неприятием православия, как это не парадоксально.

Ну, а про Солженицина и говорить нечего. Обыкновенный предатель. Как и генерал Власов, только с диссидентским уклоном. Недаром был арестован СМЕРШем на фронте. Перебравшись в США, он публично, в завуалированной форме («Надо ли ждать?!») призывал ударить по СССР ядерным оружием!.. Но главное его преступление перед Родиной в том, что его «Архипелаг Гулаг» глобалисты использовали как атомную информационную бомбу, которая помогла разрушить «Империю зла» — Советский союз, и таким образом, помогла захватить власть в России врагам народа, которые тогда назывались «демократами»!

Это про солженициных философ А. Зиновьев сказал: «Метили в коммунизм, а попали в Россию!» Кто-то говорит: дебилы! Нет. Предатели! Хотя, конечно, большого ума у них никогда не было... Так иногда бывает — литературные способности есть, а ума нет. Недаром в конце 90-х Солженицын спохватился и заохал: что сделали с Россией!.. Но каяться не стал. Он же гений!..

Зиновьев тоже был антисоветчиком, но у него хватило ума понять, кому это диссидентство 1960-70-х было выгодно. В результате он не только признал свои ошибки, но и объявил советский период вершиной русской истории! (Вообще-то, вершин у нас в истории было несколько, начиная с главной — сакральной (XIV—XV вв.), но если говорить о социальной защищенности, промышленности, науке и образовании, то да, XX век — это вершина!).

Было ли в названных писателях-антисоветчиках что-то хорошее? Да, было. Некоторые ранние вещи Солженицина вполне можно читать. И от ельцинского ордена он отказался. А Астафьеву, например, можно сказать спасибо за первую редакцию «Последнего поклона», и еще за его рассказ «Ловля пескарей в Грузии», где он зло и желчно, в своем стиле, но вполне справедливо пропесочил зажавшихся к тому времени грузин (середина 1980-х).

Все-таки они были российские писатели, при всём своем диссидентстве. Один, вероятно, с еврейской примесью, дру-

гой — с раскольничей. Их проблема в том (да и не только их!), что с этими своими внутренними надломами и трещинами они попали в Большой этнический надлом Русского мира (XX век!). И не просто в надлом, а в небывалый еще надлом, помноженный на безобразия эпохи глобализации (с XIX века).

Чтобы все эти перегрузки выдержать, не потерять голову и не обозлиться на окружающий мир, нужно быть очень цельным и умным человеком... Были ли такие среди русских советских писателей? Были.

И напоследок еще один антисоветчик из церковной среды — известный благодаря СМИ, старец Илий Ноздрин. Раньше, когда он нёс околесицу про Сталина и весь советский период, я закрывал глаза, думал: ну, человек просто не знает истории, не понимает ее законов. Бывает. (Даже с отдельными митрополитами, увы, бывает.) Все-таки — монах, его дело молиться, а не историософию изучать.

Потом оказалось — нет, всё гораздо проще. Приведу два факта. Первый: в его келье в Оптиной пустыни, недалеко от икон висел портрет, кого бы вы думали? Папы римского! Да-да — Иоанна Павла II, известного русофоба и жуткого антисоветчика! Почему? Да потому, что католики для отца Илия, как и для митр. Илариона, вовсе не еретики, а собратья... Только после того, как заходившие к нему (как духовнику) монахи стали возмущаться, портрет был убран.

Слава Богу, что большинство наших священников и епископов подобные взгляды не разделяют. Иначе бы наше православие давно переродилось в позорное униатство, как на Украине!

Факт второй: высказывание о. Илия о пособнике глобалистов и губителе патриотов в дни «путча» 1993 г. Борисе Ельцине: «Если б моя власть, я бы сделал памятник ему. Он как Георгий Победоносец, при всем синклите этом — ЦК — бросил билет партийный...» Как говорится, без комментариев...

О современности. Конечно, в Советском Союзе были свои недостатки. Эти недостатки, кроме главного, — ложной идеи коммунизма и отрицания религии — касались в основном «раздражающих» бытовых вопросов. Но!.. Но все-таки фундаментальные основы жизни в это время были человеческими, а не волчьими. И не крысячьими. Старшее поколение это хорошо помнит.

Поэтому если взвешивать на весах истории всё хорошее и всё плохое, что было в советский период, то хорошее, безусловно, перевесит! И потом, где вы видели идеальный общественный строй? Да еще в фазе надлома?..

Главное заблуждение «белых» патриотов состоит в том, что они не видят большой разницы между коммунистами-инородцами первой волны (после 1917 г.) и русскими коммунистами, пришедшими во власть в конце 1930-х. А между тем, это были непримиримые антагонисты. Одни — красные глобализаторы, т.е. разрушители, другие — патриоты-созидатели, в большинстве — из низов. Как вспоминал Д. Устинов, ставший наркомом (министром) вооружений в 33 (!) года: «Сталин убрал этих... и призвал нас, русаков». Именно они — пассионарные и талантливые русские мужики и вытащили на себе Великую войну и обеспечили послевоенный промышленный рывок СССР!

Это, кстати, был первый массовый приток во власть русских, украинцев и белорусов после долгого периода онемечивания элиты при «старом режиме» и приходе во власть после 1917 года евреев, поляков, латышей и прочих инородцев.

Беда в том, что к началу 1980-х недобитые Сталиным космополиты перехватили, с помощью Запада, власть у руководителей-патриотов (в т.ч. через серию странных смертей в 1970-х — нач. 80-х) и поставили у руля иуду Горбачева. Закончилась эта «смена элит» всероссийским погромом 1990-х, о котором «белые» как-то не любят вспоминать. Вот тогда-то враги народа и сменили масть с «коммунистической» на «либеральную»...

А теперь давайте внимательно посмотрим на те перемены, которые произошли в России после 1991 г. Советской власти давно нет. Что, лучше стало?.. Может быть, меньше стали воровать? Может, меньше стало разводов и абортотв? А может быть, русские женщины перестали рожать оттого, что «жить стало лучше, жить стало веселей»? А может, моральный уровень превысил советский?..

Тут можно еще много вопросов накидать. Особенно про социальную справедливость! Да, и еще! — какая там у нас ставка Центробанка? Неужели подскочила? А кому, простите, подчиняется Центробанк России? Никому?!.. Ну тогда мы точно всех обгоним и скоро станем второй экономикой мира, как СССР!

А что у нас с демографией? Вроде и репрессий никаких нет, а за тридцать лет «свободы» уже миллионов двадцать (!) вымерло по-тихому и продолжает вымирать дальше. Для сравнения: за тридцать лет сталинизма было арестовано 3,8 млн. человек (политических). Это факт, а не брехня солженицыных! При этом и в 1920-е, и в репрессивные 1930-е (во второй половине) в России был интенсивный прирост населения!..

А что у нас сегодня с «дружбой народов»? Беда! Такого нашего шествия иноплеменников Россия не знала никогда. За тысячу лет! Даже в период татарского ига.

А что у нас с культурой? Точнее с антикультурой?! Это даже не обсуждается. Динамика стабильно отрицательная, несмотря на СВО...

Сегодня мы имеем парадоксальную ситуацию, когда Русская Церковь, наконец, освободилась, что не может не радовать, но!.. Но при этом сатанизма стало больше, а нравственности — меньше! Это как?! — А вот так! Вы хотели капитализма? — Получите! Кто-то скажет: но мы же не такого капитализма хотели! Мы хотели другого, цивилизованного. — А другого капитализма не бывает! Тем более в эпоху глобализации. Изучайте матчасть, товарищи.

Ну что тут скажешь — заслужили!.. Как говорится, по грехам нашим!

Что дальше? Дальше будем расплачиваться за соблазн «свободой» и искушение «золотым тельцом». Опять по крупному! Второй раз за последние сто лет... И опять спасти страну придётся русским! В первую очередь — русским в будущей властной элите...

И еще один вопрос, касающийся далеких от нас событий — израильского геноцида арабов в Газе. Как вы думаете, товарищи антисоветчики, почему резолюция ООН 1975 года о признании сионизма формой расизма была отменена сразу же после развала СССР в декабре 1991 г.? Через восемь дней после Беловежского сговора! Или это простое совпадение?

МЕЩАНСКИЕ СКАЗЫ

ЧОПИК

Что-то пренебрежительное есть в этом слове. Как бы брезгливо, щелчком пальцев с рукава сбиваешь заползшую букашку. Чопик — кляп, временная затычка. Иногда этим прозвищем наделяется человек так же смачно, как ударом, сложенной в несколько раз газетой сбивают надоедливую осеннюю муху. Тут уж каким ни будь он, всё одно в глазах других низводится до чего-то мелкого.

И что странно, чаще всего такое прозвище соответствует мужичку мозглявенькому, верткому, с острой крысиной мордочкой. Головка чуть пошире шеи, напоминающая набалдашник на конце палки, выпирающие зубы, круглые, глубоко посаженные, не разберешь сразу какого цвета, увиливающие в сторону острые глазки. Могут быть и веснушки. Одним словом, невзабольшный человек. Сорвется такое слово один раз с зуба, и всё, прилипнет репьем до конца жизни.

В то время я работал в геологоразведке, на монтаже буровых. Радости особой эта работа не создавала. Однообразная, тяжелая. Не благодарная работа — награды и премии

ПРОЗА

нас стороной обходили. Очень уж часто залёты в бригаде случались: иной не вовремя напьется — с социалистического соревнования снимают, другой ногу подсунет под трубу — нарушение техники безопасности, снова в конторе склоняют. Жизнь, одним словом, была всё больше по темечку. Одни и те же лица, одни и те же разговоры. Всё примелькалось, устоялось, походило на бег по кругу. И даже всё обрыдло: карты, воспоминания о доме, работа и особенно бытовка-вагон — деревянная коробка с низким, закопченным потолком, в которой проводили всё свободное время, где свербело в носу от устоявшегося запаха солярки, портянок, насквозь пропотелой робы.

Ни телевизора, ни устойчивой связи, ни женщин. Даже повара, заботясь о состоянии морального духа или страшась разборок в сугубо мужском коллективе, нам старались выделить мужика. Заботилось о нас руководство, не дай бог снизится производительность труда...

Мы приходили на точку первыми, обживались, поднимали буровую и шли дальше, опять на необжитое место. Чопик или чудик, человек, которого стремились заполучить на смену, конечно, был не передовик производства, его, бывало, и на работу из-под палки выгоняли, и за тяжелое он первым не брался — по сути, это завуалированный лодырь, но вот держали его для атмосферы, вместо картины, что ли. От картины тоже прока нет, висит, а взглянешь, и что-то зашевелится.

У нас за чопика слыл Юрок Венецкий. Маленький, вертляво-дёрганый в движениях, но какой-то ухватистый, цепкорукый. Привычка у него была: эдак небрежно сплевывать с губы куда-то вбок и напористо, может, даже нахраписто картавить «цево ты, цево ты». Вдобавок Юрок косил. Осторожный, продуманный, «склизский» — так определял чопика Аркашка Янушкевич, прямодушный белорус, скажем мягко, недолюбивавший Юрка.

Наш «бугульминский» вагончик, чиненный-перечиненный, перетаскивался с одной буровой на другую на санях. Дорог, как известно, в тундре нет, так что на его долю выпадало достаточно передрыг: и пол набившимся снегом выдавливало, и крышу сворачивало, и стены таранило бревнами.

Вместо кроватей были сколочены двухъярусные нары. Пробовали ставить железные кровати, но они больше одного перетаскивания по тундре не выдерживали, сползали в кучу, разваливались на отдельные трубки, гнулись от мощи монтажников.

Юрок был чистым весом килограмм в пятьдесят, без жировой упаковки, с утонченной костной арматурой. Имел длин-

ную рубцеватую шею, похожую на рубель для катания поло-
виков. При такой комплекции он, тем не менее, любил по-
есть, да не просто похватать куски наскоро при нашей-то
походной жизни, а имел в этом деле обстоятельность.

Бывало, заскочит в бытовку, нюх имел абсолютный на
выпивку, быстро окинет взглядом стол, если съестного мало,
поморщится, вроде как брезгует.

— Садись, Юрок...

— Не, не пью... Бросил...

Это он бросил, потому что на столе соленые огурцы да хлеб.
А как положат мужики курицу или шмат сала, так Юрок
облизнет губы и руку к стакану тянет.

— Цево ус, увазу...

Вылакает налитое, крикнет. От курицы только треск.

Юрок не только косил и картавил, но был и великий спор-
щик. Другой раз завирался. Если уж его совсем заносило,
Аркашка Янушкевич обычно его осаживал.

— А ну-ка, в глаза, в глаза, смотри... Что они у тебя разбе-
гаются?! В каком из них правда?

Юрок аж, бывало, сдавливал виски ладонями.

В вагончике он обитал на втором ярусе нар. Тут были свои
преимущества. Тепло, спросонья никто не сядет на голову да
и подай-принеси всё больше нижнего просят. Запрыгнет
Юрок наверх, выставит босую ногу, как дуло гаубицы, и по-
лёживается себе, поплёвывает сквозь нижнюю губу, мурлыча
привязавшуюся с утра, надоевшую всем, мелодию.

Нижнюю лёжку занимал широкогабаритный под метр де-
вяносто с лысиной через всю голову украинец Семен Зин-
ченко.

Юрок вроде бы как невлюбил Зинченко, отыгрывался на
нем за свою не сложившуюся жизнь. Пакостил мелко. Чер-
воточина ему разбедала нутро, не давала спокойно жить. Ему,
женоненавистнику, половину зарплаты отдававшему на али-
менты, было тошно слушать, когда мужики расхваливали
жён. Он, слушая, сопел, морщил нос, ворчал что-то про себя.

Юрок рассказывал, что жена выгнала его после того, как
он чуть до инфаркта ее не довел. Такущая баба, въедливая
досталась. Зудеть могла часами, и всё-то ей мало было, и веч-
но недовольна. Сынишка как-то вечером игрался пингпон-
говским шариком, он возьми и отскочи к Юрку, а тот в раз-
дражении шарик разломил, да и надел половинки на глаза,
чтобы свою благоверную не видеть, да сдуру по ошибке си-
гарету в коробку спичек сунул. Спички вспыхнули. Юрок
закричал. Прижал ладони к глазам. Жена рот открыла, уста-
вилась. Юрок ладони разжимает, а глаза белые. С женой ис-

терика. В обморок хлопнулась, подумала, что глаза выжжет. Ну и выписала после отставку мужу. Заменяла его алиментами.

Зинченко же жену превозносил до небес. Это ли, размеры соседа или желчь, всегда наполняющая худосочных людей, подливали масло в огонь. Может, другие причины заставляли нутро свербеть, но желание цаарапнуть соседа у Юрка не проходило, этот зуд постоянно в нем жил.

Как-то вернулись мы с базы после отдыха, разлеглись по своим местам, только начался треп про хождения, Зинченко возьми и похвастайся ненадеванными тапочками, которые жена подарила. Юрок свесил вниз голову, скривился: было бы чего жевать, на три рубля приобретение, а ору-то, ору... Тапочки, вдобавок, оказались маловаты. На лапу этого медведя, Зинченко, впору приходились лишь обрезки с валенок.

— Цево, не лезут?! — радостно-деловито констатировал Юрок. — Баба, рази толковую вещь купит? У их всё в обзиму, с натаской, чтоб торчком стояло. Урвала от тебя, сэкономила два рубля на размере и на себя их потратит... А мозет, она перепутала, хахаля-то тапочки? А ему твои? А у него, поди, падают с ноги...

И отвалился на подушку, хихикая приглушенно.

Чего ждать от чопика, что мог придумать мозгяк, у которого складки серого вещества разве что на лбу проявлялись? У него, если обрить наголо, точно как у арбуза, на голове полосы открылись бы, наметки мозговых извилин.

Зинченко заснул, Юрок спустился на пол, отхватил ножом носки тапочек, да еще прикрутил шурупами тапочки к полу. Утром первым, от греха подальше, сбежал из вагона в столовую.

Зинченко проснулся, не открывая глаз, сел на нарах, ткнул ноги в тапочки. Пальцы вылезли наружу.

— Кто?

Вскочил, упал на соседние нары.

— Черт косоглазый, раздавлю когда-нибудь...

Вечерами, после вахты, делать, в общем-то, было нечего. В тундре хлеб не сеяли, огороды не разводили. Газеты и журналы, какие брали с собой, на сто раз были перечитаны. Кажется, рассказаны все истории, разложены по полочкам достоинства всех женщин в округе радиусом километров в двести. От тоски спасали карты. Играли всерьез, азартно. Не столько в очко, как в тысячу. Иногда на деньги, больше «на уши».

Игра в полутемном вагончике с нарами в два яруса, с дымящей печкой, отливавшей малиновым боком, сделанной из железной бочки, с отсветами теней на стенах была мистична.

Слова, произносимые с придыхом или зло, отрывисто, — всё это, наполненное таинством, было двусмысленно. Да и не во всяком словаре отыщешь значение слова, присоленного смачным добавлением.

Уважаемые отцы семейств независимо от возраста и общественного положения спорят из-за каждой взятки, каждого «болта», который, несведущему не понять, отчего-то не списывается. Все эти словесные, неведомо кем зашифрованные значения: «бочки», «минусы, плюсы», все эти, не сведущему ничего не говорящие: «хваленки», «прикупы» произносятся в помещении, где дым стоит коромыслом, где чад, где лица едва-едва различимы, где атмосфера азарта пропитала всё.

А что стоит только подсчет ударов по ушам или кончику носа, когда сей орган начинает пухнуть задолго до экзекуции. Ведомость, разлинованная, заполненная убористыми цифрами (в конторской бухгалтерии журнал, наверное, тоньше), внимательно изучается, столбцы цифр перепроверяются. Ритуал приготовления к битью картами, количество которых сам проигравший и определяет, — наверное, сроден, по ощущению, по атмосфере с тем, когда в Средневековье инквизиция сжигала еретиков на костре. По-детски радуется счастливец, когда вытащит Вальта, а если повезет сильно, то червового — амнистию для всех — это разговору на целый вечер.

Надо видеть, как багровеет, наливаясь кровью, нос или ухо, по которому с отяжкой победитель наносит, с комментариями, удары. Бывало, если рука у экзекутора сильная, и до крови били. Но не дай бог, если бивший ошибется и прочитается, перебьет лишнее. Вопль радости сотрясет вагон! Тут же будут усаживать только что бившего, который яростно оправдывается, что ему не правильно сказали счет. Правильно, не правильно сказали — это никого не волнует, сценарий изменился, а это новые впечатления. Победителю, по садистски, начнут готовить место экзекуции, убирать в сторону волосы, примериваться под комментарии всех, до этого пострадавших. Радость отмщения переполняет. Целой колодой карт азартно, с приговорками отбивают опростоволосившегося победителя. Когда же играли не на уши, то проигравший набирал в столовой всё, что попросит счастливец-победитель.

Повар, ведавший съестными запасами, подкалывал, что стыдно играть на деньги, хотя и сам был участником этого действия, и сам проигрывал, и сам выставлял причитавшееся. После окончания вахты повар составлял ведомость, кто и

насколько набрал продуктов, все расписывались, и из зарплат в конторе высчитывали. Всё по-честному. Так вот, Юрок залетел, потирая красное, оттопыренное ухо, нахлобучил шапку на голову, за дверную ручку взялся, буркнул:

— Цево принести?

Зинченко не играл, лежал, закинув руки за голову, но тут не смог утерпеть, приподнялся на локте.

— Одна нога здесь, другая там. Мухой... Тащи чего-нибудь...

Юрок потоптался у двери, держась за ухо и недобро поглядывая на соседа: может, из игравших конкретного чего попросят. Все молчали. Разносолов особых не водилось. Набирали одно и то же: сгущенку, тушенку, сахар, компоты всякие. Юрок ушел. Через какое-то время тащит мешок. Открыли — пшенка. До такого никто не додумывался!

— Ты, петух гамбургский, опупел? Зачем крупа? Кур нет...

— Так цево-нибудь просили... Вот, куропаток приманивать будем...

Кончилось всё тем, что Юрок засунул в спальник Зинченко, когда мы уезжали с вахты, женские трусы. Бог знает, где он их взял. Может, готовил эту пакость загодя, на вахту с собой привез. От такого чёрта все можно ждать было. Подложил, никому не сказал.

Прилетели мы на базу. Сходили в баню, это святое после вахты. Отмылись, оттерлись. Отоварились в магазине спиртным и вечером сели расслабляться. Имели полное право. Сидим, травим анекдоты, в открытую форточку в свободном полете летит освободившаяся тара, туда же отправляются и окурки, особый шик был попасть бутылкой в небольшой четырехугольник. Может, только-только первую стадию расслабухи прошли, как открывается дверь и заходит Зинченко. Чтобы семейный человек в первый вечер после приезда да в общагу пришел — это скорее земля перевернется. Чтоб жена отпустила от себя благоверного — такого на нашей памяти не было! Видать, что-то случилось.

Зинченко молча подошел к столу, поставил перед Юрком бутылку коньяка. У нас нижние челюсти отпали сами собой, как дужки капкана. Зинченко прижимистым не был, просто нас поразило то, как всё это проделывалось.

— Слушай, перестань. Богом прошу. Я ведь бить не буду, размажу просто по стене, — Зинченко возложил свою лапшу на затылок Юрка, подбородок того уперся в грудину, он весь сразу ужался. Зинченко показал, как будет возить шутника физиономией по штукатурке: головенка чопика болта-

лась, словно кукольная. — Видишь, что натворил. — Поднял шапку, а у него на лысине три борозды от ногтей. Багровые, кровавые.

МИМОЗЫ

Пурга надежно придавила наш самолет к взлетной полосе. Гомонливая толпа заполонила зал ожидания. Рядом со мной сидела пожилая женщина. Вокзалы быстро сближают людей, и мы, перекинувшись парой слов, разговорились.

Много нашлось общего, но вдруг в разговоре взгляд женщины, звали ее Марья Антоновна, как-то напрягся, она даже привстала со скамейки, присматриваясь к пересекающей зал прихрамывающей девушке. Проводив ее взглядом, Марья Антоновна прошептала:

— Ошиблась. Думала Наташа... Дай-то бог поправиться ей... Молоденькая... Беда, когда неладно что-то...

Женщина тяжело вздохнула, потупившись, заговорила:

— Мужик мой всю жизнь по экспедициям проработал, и меня всюду за собой таскал. Где нас черт не носил, и вспоминать не хочется. И замерзали, и голодали, и тонули. На всю жизнь остался у меня от этого ревматизм. Мучаюсь теперь, лечусь, скриплю всеми суставами. А что, жить-то надо, жить хочется. Раз, после очередного обострения болезни, весной, когда отлегло немного, выделили мне путевку в санаторий. Познакомилась там с девчонкой. Натальей ее звали. Горемыка... Беда у них приключилась: при перебазировке буровой провалилась Наташа с машиной под лед. И зачем только молоденьких берут в экспедицию? Там и крепкий мужик другой раз спасует.

Красивая девчонка, лицо чистое, а ни рукой, ни ногой шевелить не может. Парализовало. Я сразу на нее внимание обратила. Сдружились мы. Утром причешу ее, умою, зеркало поднесу, а ей, как любой женщине, всё хочется прическу поправить, лучше хочется выглядеть. Тянет руку к волосам — упавшую прядку волос подобрать, а рука падает, будто плеть. Отвернется, закусит губу и лежит тихонько, только слезинки по щеке ползут...

Экспедиция, где работала Наташа, газ искала. Базовый поселок маленький был, с десяток старых деревянных домов, оставшихся от звероводческого совхоза. Вагончики и рубленые «балки» тонули зимой до крыш в снегу, а в дождливые дни летом были окружены липкой болотной грязью. Деревянные тротуары связывали сухими дорожками жильё.

Кругом тундра, кочкастая, равнодушная. Летом зеленеющая багульником да щетиной осоки, украшенная мелкими цветами без запаха, зимой зализанная ветрами. Однообразная, пугающая.

Сотни раз до этого ездили по льду той безымянной речонки, то ли паводок где-то вверху, то ли еще что-то ослабили лед. При толчке ударились Наташа позвоночником о стойку крепления, да вдобавок искупалась в холодной воде. И началось: больница, выписка домой, снова больница.

Наташа думала, что вот пройдет неделя и станет легче. Но тянулись недели, месяцы, улучшения не было.

Первое время, в забытых снах, она видела себя танцующей. Ей часто снились цветы, все время кто-то протягивал огромный букет, и она тянула к нему руки. Иногда, казалось, вот-вот коснется его, и тогда, верила, все болезни исчезнут. Но ни разу не дотянулась Наташа до букета.

Потом эти сны прошли. Мать забрала ее домой. Рядом с домом был старый парк, в любую погоду мать вывозила ее туда в коляске и оставляла одну. Наташа слушала шорох листьев, смотрела на облака и всё бы ничего, если бы не страдальческий шепоток: «Ах, какая молоденькая, а инвалид, калека. Вот не повезло... Вот горе матери, мучается, бедная, с ней. Да лучше не жить, чем такие страдания...»

Марья Антоновна долго молчала. Живой гул набитого людьми помещения перекликался с гулом шипящего ветра. Потом она прикоснулась к плечу, продолжила:

— Наташа не раз говорила: «Я так люблю день. всё видно, всё дышит, шумит, а ночь... Когда остаешься один на один с мыслями, с собой — это ужасно. Не хочется жить. Всё понимаешь, что раз сразу не вылечили — надежды мало. Вот и лежишь, глотаешь слезы. Всё отдала бы, чтобы босыми ногами пройтись по траве. Так хочется заснуть и проснуться здоровой...»

Кому нужен надолго прикованный к постели больной человек? Только родной матери. Нас, здоровых, заедает обыденность, вечно спешим, вечно не хватает времени. Суета, сутолока. А для Наташи время остановилось. Время «до» и время «после». «До» — работа, друзья, ощущение нужности, радости жизни... И серое «после». Каталка, четыре стены комнаты, поседевшая мать и мысли, мысли, от которых не убежать, не спрятаться.

В санатории мы о многом говорили с Наташей во время наших прогулок по аллеям. Бывало, везу ее и поём тихонько вдвоем, у обеих слезы по щекам бегут. Она о своем плачет, я — о своем.

По вечерам изредка в санатории танцы устраивались: не все там лежачие больные были. Кто с чем. Так и объявляли:

«Вальс радикулитчиков!» И ходили они по площадке прямые, негнушиеся, важные. Так уж устроен человек: живым — живое.

Попросила Наташа свозить ее на танцы. Я ее причесала, умыла. Играла музыка, вечер был тихий. Слышно было не только, как лягушки плюхались в пруду, но и как открывали свои ставни далекие звезды на небе. И музыка плескалась.

Задумалась я. Жизнь-то на сворот пошла. Хорошего мало видела. И как током меня ударило, пронзило болью, когда я увидела глаза Натальи. Никогда не видела я, чтобы так смотрели на танцующих. В ее глазах было столько боли, отчаяния. Она вся в каком-то порыве тянулась к музыке, к танцующим: видно, представляла себя на площадке среди кружащих пар.

Жалость ворохнулась в груди. Я готова была унести ее куда угодно, туда, где бы вылечили. Правда, говорят, страшно матери пережить смерть ребенка, но как жить, когда он такой? До сих пор горечь виденного со мной.

А потом это лицо изменилось. Оно стало каким-то старым, измученным, злым. Словно туман напoлз, сгладил все черты, выцвели краски. Это было лицо состарившегося, одинокого, равнодушного к жизни человека.

— Увези меня, увези, — прошептала Наташа. — Не могу, не хочу, — ее сотрясала нервная дрожь. — Хоть бы умереть, хоть бы сойти с ума, чтобы ничего не понимать... Я же живая... За что? Я тоже могла ходить, танцевать, любить...

С этого случая Наташа замкнулась в себе. В любом деле, если веришь, всегда что-то сделаешь, а она перестала верить. Лежала молча. Не просила причесать ее, не просила зеркало. Врачи к ней и так, и этак. Говорили, что лекарства новые появились, операция разработана, ее готовят к ней. А она не верила. Посмотрит, бывало, широко открытыми глазами, скажет: «Не надо...» Да так скажет, что у меня слезы напoлзали. И почему так: больно тебе, а жизнь еще больше делает?

Когда гуляли с Наташей, она рассказывала, что и на Север ее потянуло за счастьем, всю жизнь мечтала найти что-то необычное. Первой хотела быть во всём. Говорила, что дружные ребята были в экспедиции. А при мне ни одного письма ей не было. Спросила я ее об этом как-то, а она засмеялась: «Этапом письма идут, по зимнику пешком. Погода нелетная... А про меня всё равно помнят...»

Видно, после случившегося Наташа посчитала, что забыли о ней. Никому не нужна, обуза для всех. У меня уж и срок лечения кончался. Я уже уезжать собиралась. Нянечка утром приносит в палату посылочный ящик. И к Наташе: «Па-

рень вечером приходил, передал. На обратном пути, сказал, заедет. Пусть извинит, мол, что долго молчали. Помнят и велики выздоравливать. На Яху какую-то перебираются...»

Долгонько, видно, этот ящик переходил из рук в руки. В потоках, захватанный пальцами, с запахом солярки. На крышке одно слово: «Наташе».

Ящик легонький был, вроде как пустой. Увидела она его, так и привставать стала, тянется. «Откройте!» — говорит, а глазенки так и прыгают с ящика на женщин. Сняли крышку, да так и ахнули. В посылке мимозы. Завернутые по-мужски в серую магазинную бумагу с карандашной цифрой «1 кг», с осыпавшимися желтенькими шариками цветков. К 8 Марта с севера на юг мимозы! Один килограмм.

Скольким теплом рук грелся этот увядающий, измеренный килограммом букет! А Наташа нашла меня глазами, полными слез, шепчет: «Только у нас мимозу килограммами продавали. Двенадцать рублей пятьдесят копеек за килограмм! Как я хочу туда... Помнят...»

Марья Антоновна замолчала. Пурга скрежетала по крыше железом, сыпала снегом в окно, врывается в открываемую дверь. Мы ждали вылет. На протяжении нескольких часов, провожая взглядом каждую проходящую девушку, я немо спрашивал у соседки: «Не Наташа?»

И думал: «Зачем жизнь ставит перед человеком преграды? Малюсенькая жизнь отмеряна человеку, и не поскупилась, не забыла, каждому отмерила жизнь свое испытание...»

ТАКАЯ ВОТ ВОЙНА...

Когда мой взгляд ненароком задерживался на руках соседки бабы Тани, то внутри обычно что-то съеживалось, каменело, и возникало непроизвольное желание погладить руки. У бабы Тани были высохшие, выработанные ладони с сухой, изрезанной морщинами кожей, искривленными ревматизмом и тяжелой работой пальцами. Словно на древесном листке набухли на них жилки синеватых выпуклых вен. Перехватив мой взгляд, баба Таня обычно убирала ладони со стола, прятала под передник.

— Что, страшные? — спрашивала она. — Страшные, — утверждала сама же и грустная улыбка чуть трогала кончики губ. — Страшные... Корявые, как яблоневые сучки... Руки-крюки, — добавляла она. — А как им быть другими? Кака жизнь — такие и руки...

Баба Таня не жаловалась на прошлую жизнь, спокойно, как должное, воспринимала и теперешнюю, как она говори-

ла, бешеную, перевернувшую всё с ног на голову. Она лишь вздыхала, отправляясь в магазин, пересчитывала перед этим деньги, горестно, недоуменно качала головой: «Это ж сколько по-старому на эти деньги купить можно? Это ж подумать: килограмм яблок стоит почти как машина... Авой, авой...»

И это ее «авой-авой» тягучее, безысходное, расставляло всё по своим местам.

В этот раз из магазина баба Таня вернулась сердитая.

— Он, видите ли, воевал, а мы дурью маялись, — ворчала она, перекладывая из хозяйственной сумки в холодильник пачку маргарина, десяток яиц, пакет молока да с полкило говядины. — Как танк, по очереди пропер... Да на нем, бугае, пахать можно. Ни стыда ни совести. В войну по нам, бабам, ездили и теперь... локтями, словами отпихивают в сторону... Герой, — ворчала она. — Сейчас все героини... И герои — герои, и негерои — герои...

— Да ладно тебе, что ты завелась, — попытался утихомирить я старуху. — Вот еще: из-за куска мяса ругаться... Ну, порода такая людей есть, мало им все: кажется, обделили, не достанется им при дележке...

— Вот-то-то и оно, — не останавливаясь, бубнила баба Таня. — Кто честно воевал, тот не будет старух из очереди выпихивать... Ну-к, скажи, скок этих юбилеев было? Четыре, аль пять? Он вот вернулся к своим детям, а мой нет... Так кому война боком вышла? Мои-то ни отцовской ласки, ни отцовских денег не видели. В рамках проходили. Все жилы я вытянула, поднимая их на ноги... А этот герой всех снабдил до пятого колена: и мебелью, и холодильниками, и квартирами, и книги, всё-то они под марку воителей тащили, а мы как были нищетою всю жизнь, так и под старость льгот не заработали, будто не гнули хребет, будто не робили для фронта... А для кого ж мы по двенадцать часов без выходных гнулись? Это не в зачет... Мы бумажки с печатью не заработали... Теперь все покрасившее да послезливее куда как захлебываются, а тех, кто мог осадить этих говорунов, нет, в земле давно лежат... А на нас — нахрапом, баба всё стерпит...

Баба Таня была отходчива. Немного успокоившись, выговорившись, села на табуретку, провела ладонью по клеёнке, собирая невидимые крошки.

— Вот, леший пронеси, и чего завелась, — осуждающе покачала она головой. — Всех не уравниешь. Солдатики, они под пулями ходили... Мы что, мы хоть и голодные, раздетые да под крышей своей хаты... А свистунов я повидала, знаю им цену...

В первые месяцы войны, когда немец проходом пер, нас эвакуировали за Волгу в рабочий поселок. Хорошо еще, что

до зимы на новом месте оказались. Успели оглядеться, кое-как подготовиться к холодам. Что захватила с собой, так по дороге на еду променяла. Поселок был при военном заводе, в четырех километрах от него. Пули да снаряды делали. Всё бы ничего, если б не эти проклятушие четыре километра. Они выворачивали душу. Дождь ли льет, ветер, мороз, снег, а ты утром к девяти будь добр на работу и вечером смена после девяти кончается, и снова эти проклятые километры меряешь.

Одежонка плохая, продувалась насквозь. Да двенадцать часов за станком. Ни выходных, ни проходных... Всё для фронта, всё для победы... Зимой в цехе ненамного теплее было, чем на улице. И в таких условиях мы умудрялись норму делать. Стахановкой ведь я была, а за это кроме килограмма хлеба еще талон на продукты давали.

В конце месяца, когда выдавали карточки продуктовые и продукты за ударную работу, было особенно обидно и тяжело. В лесу скрывалось много дезертиров. И хулиганье свирепствовало. Кому война, а кому она и мать родна была. Кто-то и на людском горе наживался. Идем, бывало, со смены человек десять-пятнадцать баб, а из-за деревьев то там, то здесь свист. Свистнут и замолчат, свистнут и замолчат. Дорога лесная, деревья да кусты близко подступают. Темно. И не знаешь, с какого бока свистят. Да еще на полпути овраг. Заросший, страхолюдный. А дорога в него ныряла. Ветер шумит, звезд не видно, а дома дети малые в нетопленной избе. А эти свись да свись... Бабенки от страха в кучу собьются и выходят из-за кустов человек пять-шесть с винтовками, а то и просто с кольями. Нехристи, чтоб им на том свете тошно было. Эти обируют, а другие по сторонам посвистывают. Какие там слезы, какие уговоры, что дети голодные, что муж убит, что старуха-мать с голоду пухнет. Начнем, бывало, увещевать их, стыдить: «Что ж вы, сволочи, делаете, мы ж свои, русские...»

А те: «То-то что свои, были б чужие — так не тронули, чужие не выживут, а вы привычные, дети с голоду не помрут, а помрут, так еще нарожаете... Без мужика соскучились, поди... Вы как кошки живучи... А мы на племя оставлены... Айда стряпухами к нам...»

Что насмехались — это еще ладно, а то стращали так, что и жизнь не мила становилась И не пожалишься. У каждого свое горе, как тут со своим к чужому примериться. Вот и отводили душу на детях, доставалось им. Когда и отлупишь, попадуться под горячую руку, а потом и плачешь вместе с

ними. У меня ведь двое было, как у голодных галчат рты вечно открыты, хлеба просят. Где ж им хлеба-то взять...

Местным еще ничего — обберут их, так в деревне у родни можно было хоть картошкой разжиться, да и коров иные держали, картошку забелить молочком можно было, хоть так стакан, пусть и без хлеба, выпить. А для нас эти поборы — беда бедучая. Доходило, что из отрубей лепешки пекли. Куда ж без хлеба-то. Крапивы туда подмешаешь, благо крапива до холодов росла, и ешь эти зеленовато-рыжие лепехи. Вот уж где животами-то помаялись.

Зимой совсем худо стало. Немец до Москвы дошел. План по выпуску снарядов увеличили. Свистуны совсем обнаглели, отбирали всё, чуть ли не раздевали баб. К этому времени на заводе начальство сменилось. Директора нового поставили. Полковника. Однорукого. Иван Васильевич звали, как сейчас помню. Не давал спуска никому. Раз по десять за день по цеху туда-сюда промелькнет. Как-то раз идет, а токарь, хорошая такая женщина, раз, и упала за станком. Отнесли ее в кабинет, отлежалась она малость. Врач и признал, что у нее голодный обморок. Полковник тут за голову схватился. Почему, откуда? Ведь всё делалось, чтобы поддержать рабочих. Стал расспрашивать. Женщина сначала молчала, а потом расплакалась, рассказала, как оно есть на самом деле. Полковник, говорят, помрачнел, выматерился, закурил этак нервно, заходил по кабинету туда-сюда. Спросил только, когда больше всего обируют.

Прошло какое-то время. Как раз за победу под Москвой выдали премию. Собрание было. Кому и материю дали, и продукты, талоны усиленные. Вот веселые да довольные, что и немцев поколотили, и продукты несем, пошли мы домой. Идем, чуть ли песни поем. Луна светит. И мороз нам нипочем, войны как бы и нет. А к оврагу подходить стали — опять свист, опять дезертиры да хулиганье. Опять сбили в кучу, обобрали. Опять бабы в рев, какая не хотела отдавать, так ей по шеям наkostenяляли... Вот тебе и вся радость...

Поплелись, рукавом сопли да слезы размазывая. Отошли метров на двадцать. Крики сзади, шум. «Бросай оружие. Руки вверх... Туды-т твою мать...» Выстрелы, ругань. Мы со страху опять в кучу... Кто его знает, что там такое, может, по нам палят... Потом глядим, бежит к нам мужик, солдатик с перевязанной рукой. Машет, мол, вертайтесь. Зовет. Подошли. От страху трясемся. Те свистуны из оврага под светом фонарей сбились в кучу, стоят испуганные. А уж их-то рожи нам до ужаста знакомые были. Свет прямо на них светит. Сумки наши, свертки на снегу брошены. И директор с наганом пе-

ред ними. А кругом солдатики. Полковник их из госпиталя собрал, какие выздоравливали. У кого рука, у кого голова забинтована, винтовки при них.

Полковник scomандовал свистунам, чтобы выстроились в шеренгу. Продукты велел положить в сторону. Те и стали. Кто в полушубке, кто в шинели. Закутанные не то, что мы, бабы. Молчат, озираются.

— Эти?! — спрашивает у нас полковник, показывая пистолетом на свистунов. — Эти вас обирали? Узнаёте? — А как их не узнать, когда их лица во сне мерещились, когда в голодной дреме, во сне, не раз просили о жалости, — всхлипнула от воспоминаний баба Таня, смахнула слезинку с глаз. — Видите подлецов? — говорит полковник. — Это их последнее дело. Они хуже фашистов. Эта мразь в спину, из-за угла, голодом...

Ты вот знаешь, — повернулась ко мне баба Таня, — а ведь он их всех застрелил. Никого не пожалел. Двое уж больно просили, на коленях ползали перед ним. А он опрокинул сапогом их в снег, процедил: «А вы их жалели? Баб наших жалели?»

Потом его от нас куда-то забрали, — помолчав, вздохнула баба Таня. — Не он, поди, и не выжила б... Нет-нет, да и вспомню, помолюсь за его душу.. Никто после этого нас не обирал...

А ведь иные свистуны выжили, мурло отъели за счет нас, баб. Может, где и очередь распахивают, в грудь себе стучат... Вот так-то, сынок, — баба Таня опять смахнула невидимые крошки с клеенки.

НЕ ПЬЮ...

Витёк Зинин, не подумайте, что он принадлежал какой-то там Зинке, это фамилия у него такая была, Зинин, проснулся. Минут пять полежал на кровати расхристанным, позевывая, почесывая как-то усладительно бок, медленно соображая, словно бы выползал из небытия. Этот процесс был ритуально отлажен. Сначала всё затягивало серым, потом, шелчком, рябью проявлялись просветы, затем шторка открывалась, и можно было вытянуть картину вчерашнего.

— Эх, пивка бы холоденького знатно испить было бы... — проговорил он, не относя ни к кому свою реплику.

Жена, Анна, обозвав его лодырем и лежебокой, ставя табуретку, демонстративно стукнула ею по спинке кровати, чем вызвала приступ тошноты и амнезии.

— Кваску, слыш, нет у нас, что ли? — продолжал гнуть свою линию Витёк.

— Может, тебе бочку вина доставить, — ядовито заметила Анна.

— Не, бочки много будет, бочку я не вытяну, да и где такого дурака найдешь, чтобы бочку выставил...

Витёк замолчал, задумался, смог бы он одолеть бочку вина, потом громко зевнул, конфузливо посмотрел на жену, которую раздражать не стоило.

Витёк отлеживался. Вчера была пятница, так мужики давно перекрестили пятницу. По заведенному правилу сбросились по червонцу на работе, посидели вечерком. Что три раза посыльного в магазин отправляли, это Витёк точно помнил, а вот финал, что в конце было, жена этой проклятой табуреткой, напрочь, вышибла из памяти.

«Стареть, не иначе, стал, — подумал он, — Раньше литровку заглотишь, и ни в одном глазу, во, проклятая перестройка до чего довела, во, что значит капиталистическое производство, кровососы, кошки чтоб их легали, радости жизни лишили. Дожил, силов на вечер не хватило... Ай, чтоб им всем издохнуть! Ну, перебрал, так самую малость, но домой ведь тихо пришел, и вообще, не заслужил такого обращения: по кровати табуреткой стучат, обзывают по-всякому».

Виски словно кто вилкой ковырял. Сушняк стянул нутро, проглотить слюну не было никакой возможности, будто рашпилем горло подрали.

«Нет бы, — продолжал размышление Витёк, — вместо того, чтобы табуреткой стучать, женушка воды подала. Не переломится же. Всё ж мужик я, не баран начихал. А еще лучше б стопочку лекарства поднесла, поправила б здоровье своего благоверного — она по-хорошему, и я, гляди, уважу... Куда там, фыркает, взбеленилась, навроде кошки».

Его отлучка на улицу длилась, может быть, минут пять. Что может случиться за пять минут с человеком, вставшим по нужде? А Витёк вернулся в комнату совсем другим. Какой-то тихонький, съезженный, вроде там за дверью его, как снежный ком, потискали со всех сторон. Опал мужик и лицом, и телом. Ни слова не говоря, Витёк доплелся до кровати, иначе и не скажешь, вытянулся поверх одеяла, бросил руки вдоль туловища, голова запрокинулась.

Анна удивленно-вопросительно, осуждающе-гневно наблюдала за этими манипуляциями, ничего не сказала. До нее сразу не дошло, не допетрило, что муж вместо того, чтобы помочь ей, опять демонстративно завалился на кровать.

Витёк лежал, молча уставившись в потолок, лишь на лбу прорезались, выдать, выжитые думами, мозговые извилины. Он почему-то только сейчас рассмотрел бурые разводы на потолке. Крыша весной протекала. Каждый год он выслушивал едкие замечания Анны по этому поводу и каждый раз обещал всё подлатать, но стаивал снег, и вместе с ним испарялись обещания.

Теперь разводы привлекли внимание. Чем дольше глядел, тем всё четче и четче выпячивались свинячьи рыла, за ними еще какие-то каракатицы с пятачками, рожками, мохнатыми ушами. И все эти рожи кривились, ухмылялись, ехидно подмигивали, словно подавали знаки.

Витёк тяжело вздохнул. Прислушался, как из него вышел воздух. Ему показалось, что внутри и правда всё набрякло, заболело, заныл даже давно вырезанный аппендицит, стрельнуло в правый бок, подступила тошнота, а главное, главное... улика была на улице.

Он замер. Сложил уныло руки на груди. Сквознуло, что прожил жизнь зря. Про героическое думать вообще не стоило, но выходило, что и вспомнить о нем будет некому. Когда вот он умрет, Витёк закрыл глаза и представил, что за гробом пойдут лишь те, кому он должен, долг, правда, невелик, рубль там, трешка... Человек пять-шесть наберется... А ведь Анна и это не отдаст, даже если список-завещание оставить. Она — сквалыга, не побеспокоится об его честном имени. Она, наоборот, и не заплачет...

Анна, между тем, вышла на улицу, вернулась с охапкой дров. Шумно бросила поленья возле плиты.

— Ты, что ль, чернила вылил возле крыльца? — недовольно сказала она. — Будут, на ногах носиться в избу... Чего лежишь? Чего лупишь зенки в потолок? Счас тоже вот всё брошу, тоже разлягусь. Кому я себя вверила, как проклятая живу! Кровосос, не только жилы, соки все высосал, радости лишил... Что ты из меня душу-то вытягиваешь? Ни денег, ни... Чего лежишь, говорю, хвачу вдоль спины... Водку лакал, небось, по-ученому, тогда ничего не болело, чуть живой приполз...

Витёк скосил голову, не меняя положения тела, сказал.

— Дура ты! Человеку, может, осталось жить кроху, может, и говорим последний раз, может, у меня всё нутро в студень разложилось... Чернила вылил?! — страдальчески выдавил он из себя, не замечая, что губы дрожат. — Это ж из меня такое вылилось... Понимаешь, дурья твоя башка... Может, мне и жить-то ничего осталось...

— Допился, ирод, страмоту выдумал, ты кому эти сказки рассказываешь?.. Мне, что ли? — всплеснула руками Анна,

присматриваясь к мужу, врет или правду говорит. — То-то гляжу, что на удивление тихий... Чего лежишь, в больницу надо...

— В какую больницу? — раздраженно взъерепенился Витёк, — в больнице унюхают, что с похмела, и аля-улю, гони гусей, в больнице этот нужен, как его, полис, а у меня он на старой работе остался... А без полиса деньги платить надо, а денег нет... Живи тут...

— Живи, живи, — ядовито заметила, передразнила Анна, скорчила при этом смешную рожицу, но тем не менее посмотрела на мужа жалъче, — меньше водку лакал бы, тогда и полис был бы и на работе ценили б... Опять, поди, тормозную жидкость или стеклоочиститель жрали? С кем бражничал, ирод? Может, и они загинаются? Мучитель, — Анна окрысилась из-за того, что, даже собираясь помирать, Витёк всё не по-людски делает, нашел время помирать, когда земля мерзлая, какие деньги за рытье могилы платить нужно, да и продукты к весне подъели, чем угощать на поминках. Так называемый муж одно расстройство и хлопоты доставлял. — Может, еще, кроме водки, чего пили? Вот нутро и выворачивает. Ты давай, вспомни, а я пока молочка принесу... Займу у соседки. Молоком всё отпивают, всякую отраву... И давно из тебя такая зелень лезет?

— Зелень я счас только заметил, может, и раньше бегло, там за углами не смотришь, что и куда лется... Накопилось дряни, прохутился мужик, — попытался робким шепотом пошутить Витёк, в то же время умиловивляя жену.

— Копилось-накопилось, — угрюмо-укоризненно передразнила Анна, — умные люди копят в банках деньги, а ты сразу копил в себе... Лежи уж, копильщик... Пойду, сбегаяю к Ваське, узнаю, как он... Вместе с ним приволоклись, значит, и пили вместиах... Уж если отравились, то... Васька послабже тебя будет. Если его скрутило, то он часика два наперед загинаться начал, может, ему какое лечение уже прописали, вот и ты тут без полиса причепишься... Лежи, уж не вставай...

Анна торопливо накинула на плечи пуховик, так она называла старую курточку, подбитую рыбьим мехом. Витёк запоздало подумал, что совсем не ценил жену, про ласковые слова и говорить не стоит, даже одеть прилично супругу не сподобился. Кроме «эй ты и Ань», разбавленных еще матерными словами, больше ее никак не называл. Тут был на хорошие слова, всё не к месту казалось, эх, как бы всё по-другому теперь сделал.

Витьке стало жалко и себя, и жену, и то, что жил не так. Вот надо бы крышу подлатать, и сарай подправить, и в подполье завалинку, нарушенную крысами, засыпать. Опять же ремонт внутри: там побелить, покрасить... Всё на бабу остается... И работу стоило подыскать более денежную, на этой выпивать можно, а денег не платят... И костюмчика приличного нет, чтобы на том свете предстать, чтобы место выделили не совсем уж завалившее и к должности приставили, не всё ж в грязи ковыряться, тоже, поди, по одежке встречают...

Витёк пошевелил ногой. В горле совсем пересохло, страсть хотелось пить. Но терпел, ждал молоко.

На крыльце раздались шаги. Распахнулась дверь.

— Лежишь, обабок трухлявый, пьяница... Ишь, выдумал... И язык как повернулся! Гниет он! Надо ж такое сморозить! А я поверила... Ты чем запивал вчера? Кому хвастал, что отстой из-под Тархуна выжрешь и тебе ничего не будет? Рожа твоя прокисшая! Поднимайся, а не то, правда, поленом вытяну. Урод окаянный...

Из-за спины Анны в проеме двери лыбилось круглое, лунообразное лицо Васьки. Живого и даже как будто подлечившегося.

— Витёк, да то не страшно, то осадок, как чернила красит, у меня так было... Шевелиться будешь, всё зараз пройдет...

Витёк Зинин решил бросить пить окончательно. Третий день не пьет.

ТЕЛЕФОННЫЙ РОМАН...

Я, Милка Струнцова, Людмила Ивановна, если хотите, так меня зовут на работе, женщина в какой-то мере взбалмошная. Авантюрная. От этого и попадаю в разные переплеты. Быстро зажигаюсь, вспыхиваю страстью и быстро разочаровываюсь. Умная; чего не отнимешь, того не отнимешь. Смазливая, говорят, на мордочку: русые волосы, скуластенькое лицо, зеленоватые с нахалинкой глаза. И рот сладостный такой, с короткой верхней губой, чуть припухшей, с чувственной нижней губой.

Не эталон красоты писаной, неотразимой фифочкой и в молодости не была, а теперь чего уж выдумывать, но многим нравилась, а еще больше самой себе.

Это, правда, было в пору цветения, сейчас же речь веду о времени сворота с магистрали, о времени, про которое говорят: укатали сивку крутые горки или: «приехали». Но главное, я считаю, что никогда руки опускать нельзя.

Оказавшись у разбитого корыта — годы к сорока подобрались, с мужем разошлась, сын вырос — времени, чтобы подумать и заняться личной жизнью, хоть захлебнись этим временем, предостаточно, но так уж вышло, что все более-менее путёвые мужики оказались прибранными оборотистыми особами к рукам. А оставшиеся не у дел, которые шарохоются, болтаются, как что-то в проруби, неприкаянными, которых, сама слышала от непривередливых женщин, что если отмыть, приодеть, «торпеду» или иное антиалкогольное средство вшить, можно приспособить. Глядишь, и сошли, сгодились бы для дела, кровь разогнать, только никакого резону мне, одинокой женщине, тратить на них время нет.

Без мужика, конечно, зрелой женщине тоскливо. Просто никуда! Настроение, болезни, даже раздражение не на ком сорвать. Урывками, то там жена у кого уедет в отпуск, то командированный на территории объявится, я заполняла свой досуг. Не без греха. Как говорится: не пойман, не вор. Конечно, это всё было не то. Не то! Кроху отщипнешь от чужого пирога — ни радости, ни удовольствия для тела, травмишь только себя и ничего более. Тело же, сбитое, ждущее, неуроботанное, полное томления, как податливое тесто, готовое лхнуть к рукам, только помани, и оно отзовется, поднимется, из него ласковыми руками слепить всё что угодно можно — требовало свое.

Одиночество тяготило. В последнее время наваждение прицепилось, страшно одной засыпать стало. Стала бояться темноты. И это я — женщина без предрассудков.

Как-то тут легла на спину, так сладко уснула. Почувствовала, как на живот кто-то теплый и мягкий улегся, тяжесть какая-то стала давить. И звук такой ласковый, как кошачье мурлыканье, и коготки кожу теребят. Блаженство по телу разлилось. Хорошо так стало. И тут мысль просквозила: какой кот? Отродясь в доме котов не водилось! Во сне ли, спросонья ли, рукой схватила и отбросила это нечто. Не поверите, услышала, как что-то шмякнулось об пол. Окончательно проснулась оттого, что оно навалилось на меня. Схватило за горло, душит. Затрепыхалась, рукой горло освободить стараюсь. Ничего не получается. Сложила щепоткой пальцы, понимаю, перекреститься нужно, молитву произнести надо, а оно не дает, схватило, за руку дергает.

После такого не только сон пропадет, и седые волосы на голове появятся, после этого ум за разум заскочит. Со светом спать стала. Предупреждение или знак какой это было?..

А тут как-то в субботу звонок телефонный. Поднимаю трубку. Голос.

— Мне бы Веру..

— Была, — отвечаю. — Вся вышла... А я ее не заменю?

— У вас голос приятный! Судя по голосу, лет вам тридцать, глаза большие, может быть, голубые или зеленые, лицо круглое... И росточка вы небольшого...

— Это что в трубку видно? — переспрашиваю я, а самой удивительно: по голосу обрисовал. Может, думаю, нравлюсь кому, рассмотрел на улице, в экстрасенса решил поиграть. Любопытно. — Ну-ка, — говорю первое пришедшее на ум, — дуньте в трубочку, может, и я чего учую, может, вы не только номером обознались, может, вы подшофе, и говорить с вами — время терять...

— В трубочку я, конечно, могу дунуть, — говорит он, — только наше мужицкое естество проявить на расстоянии себя не может... Женщина же так устроена: отдает, принимая, флюиды источает, а они, как нейтрино, для них преград нет...

— Ну, какой умный! А флюиды имеют запах? — разговор меня почему-то заинтриговал, прерывать его не хочется, хоть бы тот, на другом конце провода, подольше не клал трубку и говорил, говорил. Приятно слушать, когда тебя разгадывают вслух. Общение.

На мое замечание про умного собеседник не отреагировал, действительно умный, а про флюиды, про запахи выдал совсем заковыристо:

— Люблю, когда женщина баней пахнет...

— В каком смысле? Угаром, исхлестанными венками, слитой водой со стиральным порошком? Вы мазохист, что ли? Извращенец?

Мне-то что, я его не вижу, могу говорить всё, что на ум взбредет. Не понравится, так положит трубку, я-то его номер наверняка не наберу, это он, методом тыка может снова на меня выйти. Но нет, не кладет трубку, слышно, как в нее дышит.

— Чего сопите, как паровоз? Провода на улице болтаются, как от ветра, от вашего сапа... А вот если я вас обрисую? — А сама думаю: э-ка хватила! Потом соображаю, да им, мужикам, лей бальзам в уши — всё за правду сойдет. И тут опомнилась, чего это я перед ним соловьем разливаться должна? Мужик, он и есть мужик, как его ни ряди. Две ноги, на негибаемой шее голова, руки с кулачищами. Ладно бы у мужика теплой жилеткой отдушина была бы, куда поплакаться можно, выговориться, теплом откуда веяло б — так где найдешь такого? А нас, мерзлячек, погреть нужно...

А этот сразу прицепился.

— Ну, — говорит, — слушаю...

— Нукать на лошадь нужно. А я — женщина, — отвечаю. — Чего это вас от самовлюбленности распирает?— Зло отчего-то взяло. — Детям, — говорю, — своим носики утрите, сказочку на ночь расскажите, да жене лучше помогите картошку начистить...

— Так-так, — говорит, — комплекс одиночества! Серьезная болезнь. Да не злитесь вы на весь белый свет. Всё хорошо будет...

Я машинально кладу трубку. Тут же спохватываюсь, мне хотелось бы продолжить разговор. Легко разговаривалось. С другим начинаешь говорить, и тяжесть чувствуется, подбираешь слова, вымучиваешь, а с этим не так. Но, как говорится, сама виновата...

Попеняла себе. А настроение улучшилось. Много ли нам, бабам, нужно: погладит кто, доброе, участливое слово скажет, и вот она, радость. Солнышко обозначилось.

Закрутилась с домашними делами, завертелась, и из головы телефонный разговор выскочил.

Назавтра в это же время звонок. Снимаю трубку. Тот же голос снова Веру спрашивает. Вот прицепился. Свет клином на Вере сошелся. Нужна Вера, так и набирай ее номер.

— Уехала Вера, в Америку уехала... Вся уехала, — отвечаю.

— А, это вы! Здравствуйте, незнакомка. Зачем же вчера так некстати разговор прервали? Хотели меня обрисовать... Не передумали?

— Вы же не дули в трубку, — говорю, — а я только так могу угадывать: или глядя в глаза, или по дыханию...

— А в глаза, это как?

— А это, как в зеркало глядя...

— Я на себя, когда бреюсь, каждый раз гляжу... Мужик как мужик, ни молодой, ни старый, ни толстый, ни худой... Дунуть? Извольте, дуну...

В телефонной трубке послышался шум. Эге, — думаю, — я тебя заинтересовала. Попал на крючок... Как же мне тебя в таком положении как можно дольше держать?

— Мятной пастой зубы чистите, — говорю я уверенно, так как другой пасты в городе месяца два уже как нет...

— Надо же, — удивились на другом конце провода. — Вот тебе и женщина... Эй, вы, ясновидящая, как хоть вас зовут?

— Вообще-то не эй, вы, а Людмила Ивановна... Эй вы — это там, наверху... И что, у вас женщина вообще ничего не стоит?

— Хм, Людмила... Надо же...

— Что хмыкаете? Имя не нравится? Таким родители наградил... Не хуже, чем Юлия или Анжелика...

— Что вы, Людмила, — помялся, — Ивановна... Я почему-то сразу подумал, что у вас такое имя, вот у меня на листке записан ваш номер телефона и имя рядом — Люда! Не верите?

И он проговорил мой номер телефона.

— А номер кто вам дал? — спрашиваю.

— Так я вчера в баню звонил...

— Так вы еще и в баню ходите, — ерничаю я. — Лодырь вы, значит! Вам лень чесаться, облегчения хотите, легкой жизни...

— В бане, в парикмахерской, знакомая работает, ей звонил, попал к вам... А сегодня интуиция не подвела, метод тыка...

— Я ведь не стригу, массажем не занимаюсь... Понятно, почему звоните: спинку некому пошоркать...

— В некотором роде, — отвечает. — А вы, Людмила Ивановна, работаете или некоторым образом на пенсии? — прощупывает он ситуацию.

— Да вы что ж меня совсем в старухи записали? То определили возраст тридцать лет, то теперь на попятную, боитесь женщин в соку, в полном расцвете сил?

Мне что, я его не вижу, издевки мои, кажется, его не трогают. Хоть в баню ходит, а кожа задубелая. Такого словом не проймешь.

— Людмила Ивановна, так где вы работаете? Кем?

— Во-первых, прежде чем отчитываться, я должна знать с кем говорю, — запальчиво замечаю я. — А то расскажу, а вы донос настрочите...

— Ой, извините, — говорит. — Меня зовут Борис Алексеевич. Обижаете, чего-чего, а доносчиком не был... И в школе не ябедничал...

— Слава Богу, с грамотным говорю... Пай мальчик. А то теперь многие на девяти классах спотыкаются, остальное образование по тюрьмам добирают, правда, это не мешает им новыми русскими стать...

— Это хорошо или плохо, — уточняет Борис Алексеевич, — новым русским быть?

— В смысле денег — хорошо, — отвечаю, — а в смысле, что их отстреливают — плохо... Я не хочу, чтобы сын сиротой остался...

— А у вас и сын есть, — сразу цепляется за опрометчиво высказанное упоминание про сына Борис Алексеевич. — Я о том, что женщина без детей вызывает настороженность своей расчетливостью... Ну, подтвердите, что хотя бы один раз в жизни человек, как в омут, бросается в ситуацию, чаще это с любовью связано, и результат — ребенок... Любимый или

нелюбимый, это другой вопрос... Просто, имея ребенка, женщина умнеет...

— А рождаемся мы дурами? Это вы, переспав с бабой, делаете ее умнее? Ваш сперматозоид буровится до мозга и что-то там настраивает, так что ли? С ребенком и ум заталкивается в нас, серое вещество густеет...

Мне что, я его не вижу, и на фиг я перед ним расшаркиваться должна. Получи всё, что думаю о мужиках. Если и не все они, то через одного — самцы одноклеточные с одним инстинктом и желанием проникнуть в женщину. Хорошо если попадется, который в женщине женское естество разбудить может, а в основном только травят, диверсанты чертовы! И этот думает, что особенный какой... Хлыщ, наверное, плешь через всю голову... Это я про себя думаю, а вслух, словно бы размышляя, говорю:

— Конечно, голова у мужчины крупнее, но зато у нас грудь есть, а в груди душа, есть где ей поместиться... А у вас что, бицепс или как его зовут? Всё железное, всё холодное... И вообще мы все мяконецкие, лапочки... Да и, следуя вашему размышлению, все женщины, а я читала, что сношений в среднем около шести тысяч, так это получается, что столько мозговых извилин нам добавляется, а вы, мужики, к старости маразматиками становитесь... А, не слышу комментариев!

— Да-а-а, — протянул на другом конце собеседник. — Вот и поумничай с этой женщиной... Под корень срубила... Что-то в этом есть! Женщина и правда моложе с годами становится, и сил больше сохраняет, и живет дольше...

В трубке установилась продолжительная тишина, ни сапов, ни вздохов. Мёртвая тишина. Я уж и забеспокоилась, не случилось ли чего. Может, паралич мужика разбил или ступор. Я слышала, что такое бывает от расстройства, человек как бы костенеет...

— Борис Алексеевич! Ау! Вы там живой?

Молчание затягивалось. Как-то даже нехорошо стало. Думаю, угробила мужика своей умностью. Разговорилась. Жалко мне его стало. А еще больше себя, в кое-то время попался подходящий собеседник, и на тебе, довыпендривалась... А у него мой телефон записан, начнут таскать в милицию... Разборки, нервотрепка... Может, стоит самой в милицию позвонить? Так не знаю номер...

Наконец в трубке послышалось шевеление, какие-то звуки. Сразу стало легче. Отлегло от сердца. И возникло какое-то чувство, как я всегда говорю, на три «со» — сопереживание, сострадание, сочувствие — интеллигентская тоска, преддверие поступка. Ну, думаю, хана тебе, баба.

— Людмила Ивановна, вы еще слушаете, вы извините меня, ваше высказывание меня так поразило, ваша мысль, что я решил записать ее. Ради Бога простите меня, — бормотал в трубку Борис Алексеевич. — Я твердо решил, что нам необходимо встретиться, посмотреть глаза в глаза... Я просто сгораю от любопытства... Знаете что, давайте встретимся хотя бы...

— В Москве у Большого театра, а лучше у Главпочтамта, на худой конец можно у памятника Пушкину... Эх, Борис Алексеевич, я ж не молоденькая девочка, чтобы бегать опрометчиво на свидание на скамейку в парк, неизвестно к кому, может, вы маньяк, я же только и знаю, что зовут вас Борис Алексеевич, может, это и не ваше имя. А мужчина, назначающий свидание, должен быть самостоятельным, обеспеченным, хотя бы на мороженое, свободным, что подразумевает наличие машины и квартиры, — гну свою линию. Ничего, милоч, не в лоб, так окольно я всё выпытаю. — Я должна знать ваши координаты, чтобы оставить записку в случае, если со мной что случится, куда милицию вызывать... Вот видите, какая я предусмотрительная...

Ну, думаю, что ты на это ответишь, как проглотишь мои умозаключения? Вот сейчас и выяснится наличие жены-мегеры, кучи детей, коммуналка, долги, стонота про болезни, что кроме той скамейки в парке, ему и пригласить больше некуда. Я вообще-то не переносу, когда мужики жаловаться начинают. Это уже и не мужик — «оно», что-то средне-неопределенное. Все они, мужики, горазды наобещать, а потом в кусты. Соловьем разливаться где-нибудь в овраге, где тебя не видно, мастера, а довести до дела... Но всё же интересно, пригласит к себе или нет? Но, думаю, дура, в чем же ты на свидание пойдешь, у тебя ж ничего стоящего нет... Лихорадочно начинаю считать, сколько нужно потратиться на прическу, маникюр, массаж, купить обнову, духи свои любимые и выясняется, что я не потяну свидание. Ну, просто не по-тя-ну!

И на фига нужно было всю эту канитель разводить, пудрить мозги мужику, самой заводиться... Для адреналина, что ли? На кой это в моем возрасте, когда карман дырявый? Еще нервный срыв заработаешь... Ну а если приглашу к себе в однокомнатную хрушевку, с кухней в пять квадратов, продавленным диваном, хотя и застланным красивым пледом? У меня ж ни ковров, ни стенки, сервиз — и тот некомплект, пять рюмок, пять чашек... Всё пять, пять... Хорошо — еще сынулька учится, каникулы не скоро...

А всё ж интересно, что за мужчина. И мой мозг начинает рисовать обворожительные картины. Полыхнули

щеки, ощущение прикосновения мужских ладоней на коже, дыхание греет кожу за ушком, и томление в груди, и скатывающийся жар, словно обруч, сдавливает всё ниже, ниже.

С трудом избавляюсь от наваждения. Вот тебе и Борис Алексеевич! Ввел женщину в грех! Как паук заплел в тенёта. Даже вспотела от напряжения. В трубке тишина. Соображает что-то. Затаился. А что, поставила его перед выбором, нечего волынку тянуть, сопли на кулак крутить, ходить вокруг да около. Думай, думай, милоч.

Завожу себя, хотя прекрасно понимаю, что положит вот он сейчас трубку, и больше ничего о нем я не узнаю. Останется купить очередную рамку, вставить в нее белый лист ватмана, написать снизу «Борис Алексеевич» и повесить на стену. Сколько же у меня таких портретов-невидимок по стенам развешано?

И на себя злюсь и на него. Молчание затягивается. Слово он там, на другом конце провода, решает теорему или задачу со многими неизвестными, хотя нас, по сути, двое. Он и я, не считая телефона. А может быть, только я, и только он. Все равно, чтобы ни случилось дальше, я своего достоинства не уронила, и женщин не опозорила, не кинулась сразу в объятья, выдержала паузу. Женщине нужно уметь держать паузу. Нас и ценят за паузу.

Но, думая про паузу, хорошо, что время течет медленно, меня саму червячок гложет. «Да что же молчишь, экий тугодум, решайся. Мужиков за порыв, за страсть, безрассудство ценят. Не будешь же, — думаю я, — подсчитывать, во что встреча обойдется. Тебе же, Борис Алексеевич, кроме галстука и менять в обличии ничего не нужно».

А саму зуд забирает, подтолкнуть собеседника хочется: рожай наконец. Не мучай женщину.

Наконец в трубке снова послышались шорохи. Я замерла. Жду.

— Людмила Ивановна! Вы как всегда правы. (Отлегло от сердца) Я не изменил своего решения. (Он не изменил! Ха! Это я выдержала паузу. Заставила выдавить решение.) Я приглашаю вас к себе. Записывайте мой телефон и адрес... Позвоните... (Еще чего не хватало. Лихорадочно записываю номер телефона, адрес. И как я после этого буду выглядеть? За кого он меня принимает? Я ж не навязываюсь... Я самостоятельная женщина. Я не какая-то там дамочка по вызову... В чем же я пойду? Ну, право, нечего надевать. Может быть, то красное платье?.. Говорят, я в нем шикарно выгляжу?)...

— Боря, налей чайник! Давай кофейку попьем... Знаешь, а ведь уже год, как по нашему телефону посторонних звонков нет... Даже удивительно, никто не ошибается...

КОМАНДИРОВКА

Весной, хотя в марте морозы и за сорок градусов бывают, и бураны такие заворачивают, что света белого не видно, нас, пять человек во главе с инженером Вертопраховым, в аккурат накануне восьмого марта, отправили на Ярудей подготовить жилье и присмотреть площадку для приема грузов. Туда буровую собирались перетаскивать.

Место заранее выбрали, рядом заброшенная железная дорога проходила и стояли старые полуразвалившиеся бараки, бериевские дачи, как у нас про них говорили. И, что не мало-важно, вода рядом, речка Ярудей протекала. Так вот, нам один из барakov под жилье и котлопункт, столовую, нужно было приспособить, более-менее привести в приличный вид: вставить стекла, двери навесить, печки, которые лет пятнадцать не топились, наладить. На всё про всё сроку три дня дали.

Наши ворчания, что хорошие люди будут праздновать, поздравлять женщин, пить водку, действия не возымели. «Надо лететь! Вертолет по пустыкам (наша командировка, оказывается, была пустыком) в другое время выкроить не представится возможным!»

Оно правильно, послать вертолет за цветами, мимозу привезли, продавали по двенадцать рублей за килограмм, это можно, а перенести вылет на день — преступление. Но бурчи, не бурчи, у начальства уши воском залиты, лететь надо. Да и три дня — это суший пустык, тем более нас уверили, что за всё потом отгуляем. Привыкать, обживать неизвестное, нам всем было не впервой. Как говорил Аркашка Янушкевич, белорус в пятом поколении, но покоритель севера в первом: «Было б где и чем, а остальное по обстоятельствам».

Бродяге собраться, что нищему подпоясаться. Спальник — он всегда уложен, ложка, кружка, мелкий инвентарь — в рюкзаке. Инженер наш рассчитал потребность в еде. Ружья взяли. Когда Аркашка заявил, что берет удочку, на него замахали руками, не на пикник едешь, там лунку во льду долбить три дня, лед толщиной больше метра, какая рыба, вон на барже солдатики, унесенные в океан, сорок дней плавали и рыбу не словили, обошлись без рыбы Зиганшин с Поплавским. «Эдак, — заявили нам, — вы не работать будете, а рыбачить да охотиться, но знайте, работу не сделаете, вывозить не будем».

Злые, без настроения, закидали в вертолет МИ-4 фанеру, доски, походные печки-буржуйки, в общем, всё, что требовалось взять для ремонта. На складе выдали продукты: тушенку-сгушенку, борщи, рассольники, на пекарне затарились хлебом. И везде нас подкалывали, везде над нами издевались, в конце концов мы этот проклятый вертолет готовы сломать были.

Накануне в клубе вечером организовали танцы, и те же вертолетчики, короли воздуха жеванные, незаменимые, самые-самые, по-королевски тихо увели из-под носа у Аркашки экспедиционную утешительницу — Надежду Чупрову. С ней Аркашка «ходил». С Надькой многие «ходили», но так нагло, без выкупа, без объяснений никто не поступал. Вышло, что Надька заранее знала о командировке и продана на праздники.

У Аркашки из-за этого, само собой, не было настроения, и у меня настроения не было: письмо получил, благоверная грозила, что подаст на развод, если буду присылать такие крохи. Знала бы, как эти «крохи» зарабатываются. Дура, не соображает: отстегнут четверть заработка, это все равно больше не будет, чем посылаю. Но попробуй, убеди! Вертопрахов тоже чего-то хмурый ходил. Про вертолетчиков и говорить не стоило. Умотала их Надюха, такую бабу только и снимать в складчину.

Лететь приходилось с посадкой на фактории, где производилась дозаправка не только вертолета, но и наших рюкзаков. На фактории всегда затаривались спиртным.

Забрались в вертолет, предварительно с тоской оглядев поселок. Диспетчер пересчитала нас по головам. Тут в кабину заскочил пес наш поселковый, Мишка, кобелек черной масти, большой любитель летать. Вот уж кто побывал на всех буровых, все вахты сопровождал.

Закрутились винты, наше настроение передалось машине, с первого раза взлететь не удалось, «четверка» немного приподнялась, да и сунулась вниз, и второй раз такая же оказия, у меня и мыслишка промелькнула, что добром это не кончится, если живые вернемся — свечку Богу ставить придется.

С третьего раза взлетели. Сидим, трясемся, дремлем или делаем вид, что дремлем. Виллюминаторы поглядываем. Внизу снег, серый лес, очерчивающий русла рек. Ведь на севере только слеза по щеке течет прямо, а вся остальная вода в речушках закручена-перекручена.

Скоро внизу показались засыпанные снегом домишки, емкости с топливом, прямоугольник вертодрома. Сели. Ко-

мандир погнал техника проверить заправку. Я до этого не понимал выражения: «Побелел лицом», а тут сам убедился, что такое бывает. Когда техник, выпучив глаза, сказал, что баки сухие, вот я и узрел, как побелело лицо командира. Это вам не баб чужих умыкать — почему-то подумал. Ну, маленько поругались короли воздуха, этого никто из наших и не заметил.

Мужики сразу ломонулись в магазин. Пес наш, кобель Мишка, выскочив из вертолета, сделал два разведочных круга на радостях, что долетел живой, и насел на подвернувшуюся сучонку. В общем, все делали свои дела. А у меня в голове крутилась мысль, что впереди что-то случится.

За час все управились. Правда, Мишка сбежал, мы и не горевали, так как кормовой пай на него не брали. Нагуляется, вернется на базу попутным вертолетом.

Аркашка, переложив четыре бутылки водяры в рюкзак, отрешенно смотрел в окно, Вертопрахов вертел в руках меховые бурки: видать, выменял на пузырь у ненца. Пятой бутылки, нас ведь пять, не было. У ненцев на бутылку всё можно выменять, им, бедолагам, водку просто так не продавали.

— Слышь, Андреич, — окликнул я Вертопрахова, — вот, купил ты бурки, а на фига они: думаешь, этого хватит для счастья?

— Для какого счастья? — непонимающе посмотрел на меня Вертопрахов, я отвлек его от мыслей. — Про счастье молоденькие болтают, шутник ты, для счастья мешок денег надо, да и глупо про счастье говорить в вертолете... А чего такой разговор завел?

— Не знаю, взбрело чего-то в голову, больно выражение лица у тебя глупое было.

Мы все между собой в экспедиции говорили на «ты». Спросив Вертопрахова про счастье, я сразу осознал, что не подобает мужику даже произносить эти женские слова, которые ни под собой, ни за собой ничего путного не несут. У каждого свое счастье. Мешком денег, по первости, можно обойтись, а в нашем положении главное долететь нормально да на базу вернуться, а там, за столом, можно уже и про счастье поговорить.

Да и чего про счастье других спрашивать, если своя благоверная ехать на север не хочет. Ей вполне хватает денег, которые высылаю каждый месяц. Подозрительно, с чего это она повела разговор, намеки появились дурацкие, что я тут шикарную, с белыми медведями в рестораны хожу, прожигаю жизнь с кем-то. Сунуть бы ее в этот вертолет, который неизвестно долетит ли до места, да на пару деньков зимой туда, куда нас

везут, где нет ни света, ни тепла, ни-че-го, вот тогда бы поговорили! А то... Мало денег стало, значит... Значит, хахаль появился, эту двойную топку я не потяну. Тут можно тоннами топлива подбрасывать — всё мало будет.

Хлопали лопасти винтов, трясся вертолет, уткнув нос в воротник полушубка, дремал Васильевич, хороший мужик, мой постоянный напарник.

Три года, как я стал перекасти-полем. А как иначе назвать бродяг из геологоразведки? Вроде и прикипел к такой жизни, всё до лампочки: деньги платят, работы невпроворот, ценят, в отпуске шикаешь, как король. Человек — такая скотина, везде приживется. Вот только обшага надоела, особенно когда сходятся две вахты, когда выясняются отношения, идет дележ холостячек, и когда просто пьют. Пьют, как татарин Анур, который сейчас клюет носом, а когда переберет лишнее, спит даже летом всегда в меховых рукавицах, надетой зимней шапке с завязанными ушами, но в трусах.

Вот и в этот раз перед праздником на базе сошлись две вахты. Трудовые победы, смешно говорить о них в такой день, — их еще предстояло увековечить на торжественном собрании, посвященном Восьмому марта, а деньги за километры, тонно-километры, за ожидаемые кубы уже выдали, и гудеж покорителей севера по этому поводу набирал силу.

В марте полярный день уже здорово прибыл. Это в декабре в десять часов утра еще темно, а в два часа дня уже темно, там не разгуляешься, а в марте благодать. И солнце пригревает, в затишке где-нибудь можно подставить задубелую физию под его лучи, правда, без черных очков, если не хочешь слепоту схватить, не обойдешься.

Наконец вертолет завис над полянкой в стороне от засыпанных снегом барakov. Выбросили в снег всё, что было в кабине, выпрыгнули сами, присели: смерч, поднятый лопастями, засыпал нас снежной пылью. Вертолет улетел. Через три часа он будет на базе, и Надька, ждущая восьмимартовского счастья, свое получит.

Постояли, провожая взглядами улетевшую машину. Каждый думал о своем, но у начальства на базе в этот момент точно икота началась.

— Стой, не стой, а определяться нужно, — изрек Васильевич. — В небо пялиться — без толку. Господь сигнал не подаст и не поможет. Пусть пока всё полежит, пошли с крышей определимся...

На открытом месте снег был плотным, и наши широкие охотничьи лыжи совсем не проваливались. Светило солнце, мороз градусов двадцать — это всё было привычным. День

стоял — загляденье, редкостный день, даже обычный ветер-северок не тянул. Подрост березняка, буйно разросшийся на территории заброшенного лагеря, в куржаке инея гляделся фантастическими цветами.

Тот, кто выбирал место буровой, наверное, был здесь осенью, наверное, облазил все бараки, коль так уверенно определил объем работ в три дня.

Четыре заваленные снегом барака, выстуженные не хуже замороженной насквозь земли, серые, с устоявшимся запахом прели, были одинаковы. В двух сохранились печки, целехоньки были рамы, а двери можно было переставить. Мы для себя выбрали барак с выгороженным перегородкой закутком, который проще было прогреть.

Аркашка с Вертопраховым начали стаскивать отовсюду дрова, ломали для этого нары, свалили пару сушин, распилили их на чурки. Мы с Васильевичем притащили на листе фанеры печки и инструмент, из снятых дверей в соседнем бараке сколотили нары, затопили буржуйку. Выгребли лишнюю грязь, соорудили стол. Пока возились, и сумерки напоззли. Васильевич заварганил обыкновенные макароны по-флотски, не пожалел тушенки. Зажгли пару свечек.

Лес, что подступал с одной стороны к баракам, засыпанный снегом, молчаливый, насупленный, в предвечерней, сумрачной дымке как-то походил на раскинувшего огромные мосластые руки, высунувшегося из земли великана, готовящегося смять неказистое строение вместе с его обитателями. Не знаю, далеко ли был виден мерцающий огонек свеч в запыленных, пепельных окнах. Да и кому было наблюдать за нами. За весь день нам не попались на глаза не то что птицы или звери, а даже следочка не видели.

Постояли в вечерней тишине на крыльце, прожгли снег горячими струями. Дым столбом утыкался в небо, где-то высоко расплывался, растягиваясь полосами.

— Хватит мерзнуть и пугалами крыльцо давить, — заявил Аркашка. — Добрые люди давно за столами сидят. День приезда — святой день. Заставить работать никто не может, а мы уже напахались. Выбросить в тундру на праздник — это садизм. Я им наработаю, сучкам кастрированным. И так радости в жизни не осталось.

Эмалированные кружки заменили нам хрустальные рюмки. Правда, звук при чоканье, получался глухим, зато налитое не расплескивалось. Сегодня мы заливали обиду, что некоторые лишили нас радости провести вечер в клубе среди женщин, красивых, некрасивых, молодых, старых, но женщин. Там звучит музыка.

Мы же пили в полной тишине. Лишь потрескивали в печке поленья да скрипели под весом Васильевича доски.

В окно светила луна, светила холодно, промороженно. Пламя свеч колебалось, и наши тени шевелились на серых стенах барака. Страх, он, конечно, был. Страх всегда живет в покинутых человеком жилищах, и здесь мы прислушивались к каждому шороху.

Неловко потянувшись за ножом, Аркашка спихнул в ведро с водой четвертинку буханки хлеба. Серdito забурчал, выловил ее и выбросил за дверь.

— Ты чего разбросался? — укоризненно сказал Васильевич, — ты гляди, в первый день... Примета есть... Хлебу не место за порогом...

Но он не сказал про примету, да и какое нам в тот момент дело было до примет.

Мы знали, что вертолет будет, когда трактора притащат оборудование, лишь тогда нас вывезут. Поэтому, нисколько не напрягаясь, мы за два дня управились со своей работой. Третий день решили посвятить осмотру окрестности. С вечера проверили ружья, вспомнили разные байки про охоту, помечтали: может, лось попадется или олень, на худой конец дюжину куропаток не мешало б настрелять.

Все-таки дурацкая местность нас окружала. Бог его знает, какой метлой повымело всё зверье. Километров пятнадцать проползли по просеке, сворачивали в стороны. Снег искрился, засыпанные коряги походили на чудных зверюшек. Спустились с берега на реку, где обычно в кустах ивняка кормились куропатки. Даже следов куропаточьих не было. Часов шесть ползали на лыжах, и всё впустую. Уставшие, притащились в барак.

Вертопрахов спал. Дрова в печке прогорели, чайник был едва теплым.

— Что, инженер, таблицу периодическую открываешь? — буркнул сердито Аркашка. — Доверь вот такому... Иди, тушу лося притащили, разделявай, пока не замерзло мясо.

Вертопрахов с ножом пошел на улицу.

— Сейчас от задней ляжки кусман отхватит, помочь пойти, что ли, — усмехнулся Васильевич. — Первый раз такое, чтобы не только зверья, но и следов не было... Поди, какие-нибудь испытания проводили здесь, потравили зверье... Бежать отсюда нужно...

— Так вы впустую проходили, что ль? — спросил, поеживаясь, вернувшись, Вертопрахов. — Стоило ноги бить. Куропатки, видать, на север улетели, а по такому глубокому снегу, кроме человека, и ходить некому. Ну ничего. Завтра трактора

придут, а там, глядишь, и прилетят за нами. День-два потеряем, оно и хорошо, раз в лесу никого нет, то и смысла нет туда ходить. Нужно быть наготове.

Прошло два дня, три, ни тракторов, ни долгожданного вертолета. Прошли пять дней, неделя. Продукты, как мы их ни экономили, кончились. Из последней банки тушенки сварили в ведре жидкий супчик. Всё. Приехали.

Уже несколько дней мы не вставали на лыжи, не обходили окрестности. Всё опостылело. Лежали на нарах, прислушивались к каждому звуку на улице, попивали пустой кипяток.

— Вертопрахов, ты куда нас завез? — приставал к инженеру Аркашка. — Люди праздновали, мы здесь палец сосали, люди теперь в тепле, деликатесы кушают, а мы... Ты знаешь, я сутки без еды могу пробыть, у меня запаса нет. Вертопрахов, если завтра тракторов не будет, мы тебя есть начнем. Я, наверное, никогда такой стерильный не был, на сто раз кипяченой водой промыт.

Вечером седьмого дня Аркашка занес ту, откопанную из снега, выброшенную в первый вечер четвертушку хлеба. На нее страшно было смотреть. Насквозь замороженная, похожая на ком грязи, оттаивая, она начала вонять.

— Ты ее за каким хреном принес? — спросил Васильевич. — Совсем того, — повертел он пальцем у виска. — Гляди, отравишься. Лечить некому...

— Аркадий, ну потерпи еще денек, завтра трактора придут, чует мое сердце! — умоляюще попросил Вертопрахов. — Мы ж терпим...

— Терпите! Вы с детства закармливаемые, слой жира по ребрам, наверное, в палец толщиной, а у меня накоплений внутри нет. Я есть хочу! Понимаешь ты, инженер! Хо-чу есть! Тут вот в этом лагере люди тоже с голода сдыхали, я про это слышал, а я не хочу сдыхать. Меня Надька ждет. Я ей, дистрофик, не буду нужен...

К утру кусок подсох. Васильевич аж сплюнул на пол, когда Аркашка, заслонившись от нас, стал колдовать над четвертушкой. Он обрезал грязные корки, обрезки не выбросил, нет, он их завернул в бумагу, ломоть хотел положить на стол, но Васильевич, привстав на топчане, побелев лицом, заорал.

— Куда кладешь! Ты! Это тебе не корыто в хлеву!

Не знаю, но у нас не текла слюна, когда Аркашка, запиная водой, ел этот кусок.

Еще двое суток мы лежали на топчанах, прислушиваясь к окружающему. Любой звук, похожий на пролетающий самолет или вертолет поднимал. Лишь к вечеру десятого дня приползли трактора.

— Живые?! А нам наговорили, что тут совсем плохо... Ну, голодающее Поволжье, — сказал тракторист, вылезая на гусеницу, — принимай гостей! Где вы тут берложничаете? Где нам кости на ровное место кинуть? Утрясло так, что, думали, и не распрямимся... Считай, в целик двое суток ползли...

— Почему так поздно? — спросил Вертопрахов. — Договор был, что на третий день вывезут...

— Мы ни с кем не договаривались, — сказал тракторист, отплясывая на снегу, разминая тело. — Мы и пришли на третий день. Как снарядили, так сразу и двинулись. Раньше никак не могли. Груз готовили, сани варили. Так и праздник был! Вот после праздника, как положено, и двинулись.

— Охерели! — блестя голодными глазами, сказал Аркашка. Губы его скривились, он по-собачьи сморщил нос: — А нас чего тогда отправили?

— Отправили, потому что вертолет срок отлетал, в Ухту улетел. «Аннушка» забирать будет. Завтра.

— Завтра... Я им, на хрен, завтра революцию устрою... Тут жрать нечего, с голоду мрем, вон инженера схватить хотели, а они завтра... Не, так оставлять это нельзя!

Тракторист сочувственно оглядел наши жалкие, исхудавшие физиономии.

— Вы, мужики, словно первый день живете! Ружья с собой взяли, удочку, так и валите всё, что на глаза попадетсЯ! За эти дни лес прочесать можно было б...

— Какое, на хрен, вали! Нет ничего, следов даже нет!

Этот митинг не митинг в заброшенном лагере, где девять человек высказывали обиды, посылали всевозможные кары на голову начальству, закончился ничем. Ведь и мы, и трактористы, и такелажники ничего изменить не могли. Просто накипело, вот и выговаривались. Вертолет подвернулся, отправили, а за остальное полевое довольствие платят, должны соображать. Здесь Север, и навар к зарплате не зря идет.

— А если б что случилось? — плаксиво выкрикнул Аркашка. — Да понос пробрал или аппендицит? Мы б сдохли!

— Ты чего плывешь? — осадил Аркашку тракторист. — Мог бы и не ехать. Закон есть... А?.. Тогда начальству побоялся говорить, а теперь гундишь... Мужики, что случилось? Живые! Голодали, так это хорошо, это пользительно для организма. Забирайте продукты в мешке на санях, там и тушенка, и сгущенка, и хлеб. Всё есть, только сразу не набрасывайтесь на еду. Чаю со сгущенкой попейте. А мы отоспимся. Разбудите, как самолет прилетит.

Трактористы отсыпались сутки, а мы эти сутки отъедались.

Самолет закружил над нами где-то во второй половине следующего дня. Ярко-оранжевый полярник. Он долго примеривался, а потом сел на засыпанный снегом лед. Проскользил на лыжах вперед, развернулся, еще несколько раз, взрывая мотором, прополз по снегу, накатывая след. Наконец остановился. Раскрылась дверь. Высунулся пилот.

— Чего вас так много, — проговорил он, когда мы, как тараканы, увязая в снегу, со скарбом, подбежали к нему. — Ну всех я не увезу. Перегруз. Я ж попутно еще вахту взял. Не знаю...

Он пересчитал нас по головам, ткнул ногой ближайший рюкзак, когда мы, торопливо протиснувшись в салон, расселись кто где.

— Да разве шестнадцать человек я подниму? Четыре человека вылезайте...

Какое там вылезать! Все шестнадцать человек сцепились, утрамбовались, как одно целое. Вылезать! Семь суток ждали этот самолет. Почувствовав молчаливый протест толпы, пилот в досаде сплюнул.

— Ну и черт с вами. Разобьемся, я не отвечаю!

Послышались тихие успокаивающие голоса.

— Да ладно, чего там...

— Уж как-нибудь вези...

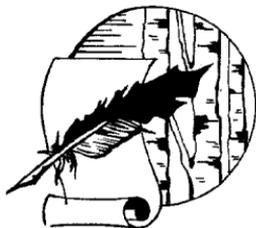
— Оно, дай бог, пронесет...

— Аннушка, как русская баба, у ней запас немерян, она, родимая, мужиков уважает...

Два раза самолет, ревя мотором, пробегал всю короткую полосу, почти утыкался в прибрежные кусты высокого берега. На третий раз пилот отогнал его на самый конец поворота реки, включил полный газ и на месте двигатель долго набирал полные обороты. Стонущий на одной ноте рев заполнил всё кругом. Наши мольбы, упования на бога и черта, призывы ко всем потусторонним силам, казалось, внесли недостающую лепту, добавили мощности. Самолет дернулся, ускоряясь, заскользил, оторвался от снежной полосы и, дрожа, ревя, начал по сантиметру карабкаться вверх, ощутимо трамбуя воздух, ощутимо преодолевая сопротивление. Почти цепляясь за макушки елок, в окна иллюминаторов были видны засыпанные снегом ветви. Надрывно воя, самолет преодолел кручу. Вдох облегчения колыхнул воздух. Аркашка, мучаясь животом, забился в самый зад салона.

В поселке нас первым встретил пёс Мишка.

г. Боровичи Новгородской обл.

Анатолий ВЕРШИНСКИЙ

НАСЛЕДСТВО

СВЯТОЕ

Вовек такому не забиться —
нам память эта дорога:
совпали Светлая седмица
и сдача лютого врага.

Их совмещение по датам
считать случайным не могли
в победоносном сорок пятом
бойцы воспрянувшей земли.

В чужие варварские дали
из отчих мест ушли они,
но Пасху помнили — и ждали
приход её в страстные дни.

Страстные годы смертной сечи!
Без похоронок — чья родня?
Горят во имя павших свечи
и пламя Вечного огня.

И к чуду вновь душа готова,
и День Победы — снова он
от Воскресения Христова
неотделим, не отдалён.

МЕСТО КАЗНИ

В концертном зале имени цветка
земля от гари мертвенной горька,
земля от крови жертвенной черна:
там правил бал реальный сатана.

Ни Троица Святая, ни Аллах,
простите за жаргон, не при делах.
Тут явны козни Божьего врага,
утратившего вовсе берега.

На месте казни надо мастерам
поставить многоцветный русский храм —
во имя избавления страны
от новых злодеяний сатаны.

Собор, подобный Спасу на Крови,
московская земля, на свет яви.
Пусть этот мир, который так жесток,
смиряет храм, похожий на цветок.

12 АПРЕЛЯ

Отец и мать вставали рано
и шли на службу в должный час.
И медный голос Левитана
без них озвучил новость ТАСС.

Что знал дошкольник о вселенной?
Где мог о космосе прочесть?
Но помню тот восторг смятенный,
с каким воспринял эту весть.

В обычный будний день апрельский
я был один в избе родной,
но мир, и городской, и сельский,
всё то же чувствовал со мной.

И, как бы ни был измытарен
полётом, шедшим тяжело,
людской надеждой жил Гагарин
«закону подлости» назло.

ОДА ЛАМПЕ

Ученье — свет. Затёртей штампа,
пожалуй, в целом свете нет.
Но керосиновая лампа
и впрямь несла ученью свет.

Луну и звёздные светила
оставив ночью не у дел,
она горела — не коптила:
фитиль подрезать я умел.

Зима в Сибири дольше лета,
но всем для чтения и письма
хватало лампового света,
когда зимой сгущалась тьма.

Мы запасались керосином,
ведь электричество в село
шло шагом истинно гусиным;
в конце концов и к нам пришло.

Отец, механик лётной части,
бомбившей немца на войне,
лишая тьму остатка власти,
с проводкой справился вполне.

Когда же экстренный рубильник
источник тока отрубал,
то керосиновый светильник
в избе, как прежде, правил бал.

В послевоенную годину
та лампа мирный быт спасла.
Не снились даже Аладдину
её волшебные дела.

РАДИОЛА

Родители купили радиолу,
охрипший репродуктор не в чести,
и старший брат, оканчивавший школу,
отцу помог антенну провести.

Известиям, и добрым, и печальным,
по радио внимала вся семья,
но слушателем самым пунктуальным,
скажу без ложной скромности, был я.

В ту пору, за полвека до трезвона
навязчивой рекламной чепухи,

мне грели слух «Театр у микрофона»,
рассказы о науке и стихи.

Конечно, мы выписывали прессу,
но с тем, что я по радио узнал,
поспорить не могли по интересу
ни местная газета, ни журнал.

А в праздник, чтобы не было заминки
ни с танцами, ни с песней удалой,
крутила радиола грампластинки
«вертушкою» с корундовой иглой.

Она почётный угол занимала,
и, завершая глаженьё белья,
её скатёркой, хрусткой от крахмала,
принаряжала бабушка моя...

ДОБРО

Служили не одно десятилетье
и таз, и рукомойник, и ведро,
ведь все они — один, второй и третье —
семейное наследное добро.

Рачительностью рода взятый в клещи,
таким же бережливым рос и я
и лишь вконец изношенные вещи
сдавал мальчишкой в лавку вторсырья.

Взамен тряпья и бросовой бумаги
не деньги там давали ребятам,
а цапки, недоступные в сельмаге,
но очень даже надобные мне.

Там были пистолеты жестяные
и к ним пистоны, свитые в мотки,
свистульки и машинки заводные
и даже рыболовные крючки!

Для нынешних мальцов большая тайна,
как ценны были нам вещицы те.
Не могут однодневки «мэйд ин Чайна»
простор давать ребяческой мечте.

Осыпанный подарками с пелёнок,
безделицу, теряющую вид,
бросает избалованный ребёнок
и новою разжиться норовит.

УХОД

Вещаем об умершем: «отошёл»,
как будто верим: скоро возвратится.
Но путь назад безвыходно тяжёл,
душа ведь не кочующая птица.

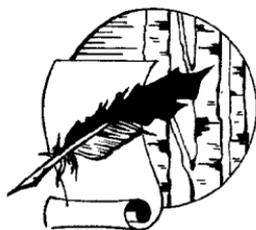
И каждый отошедший в мир иной
навек оставляет за собою
сквозную брешь в обители земной,
на время предоставленной судьбою.

С годами всё дырявей ближний круг:
любой уход — потеря без возврата.
Ушёл и не вернётся старый друг.
Никто не заместил родного брата.

В краю, куда живые ни ногой,
по слухам, есть блаженная обитель.
Душа туда отправится нагой:
для крыльев мал пиджак и тесен китель.

Почувствует ли кто-то пустоту,
внезапно появившуюся рядом,
когда уйду и я в обитель ту?
Проводит ли меня хотя бы взглядом?

г. Москва

Сергей ЛУЦЕНКО

КАК ВОЛЬНАЯ ВОДА...

* * *

Руси великой и живой
Во мне слились потоки плавно:
Я волхв, о Русь, извечный твой —
И песнопевец православный.

Я посох древний свой беру,
Ещё беру немного хлеба, —
И возле Дуба, на юру
Творю помин Бориса, Глеба...

Во мне слились потоки все,
Дороги все сошлись упрямо:
Я песни числю по росе,
Веду их семо и овамо.

Вот, речью кликнута святой,
Садится на плечо Жар-птица;
На колеснице золотой
Илья-пророк навстречу мчится...

Я руку протяну свою,
Чтобы достать немного хлеба,
А достаю — а достаю
Обломки радуги и неба!

* * *

Птицы, звери алчут гнёзд и нор...
Рыбы залегают в тёплый ил...
Только Дуб стоит, как Святогор,
Полон древних, изначальных сил.

Напитавшись изглубинных струй,
Дотянувшись до седьмых небес,
Стой — тысячелетия свяжуй:
Ты не странник, ты хозяин здесь.

Наготове — гусли и мечи,
И столетья у тебя — в строю...
Ты былины-старшины шепчи,
Рокочи — тебе я подпою!

Ну а коли доведётся лечь,
На кону — иные времена...
Не замолкнет, знаю, наша речь —
Живы корни, живы семена.

Ветры, мхи залечат слом и срез,
Запоют из бездны родники,
Божьи струны зазвучат с небес —
И в века потянутся ростки...

* * *

Овсы. Вечерняя роса.
Благоухающие дали.
Распахнутые небеса
Роняют солнце без печали.

О как природа хороша!
Как сладостно влечёт и лечит!
Она, младенчески свежа,
О чём-то ласково лепечет...

Стою — молитву ли творя
Или от счастья напевая?
Что не дослушала заря,
Звезда запомнит кочевая...

РЫЖИКИ

Мой урожай на половинке,
Но не спешу ронять слезу:
Я чудеса несу в корзинке,
Я рыжики домой несу!

День неуютный, непогожий,
А под рукой — попробуй, тронь! —
Такой весёлый и хороший,
Необжигающий огонь.

Мне это диво жаль немного,
Но не уйти нам от судьбы...
Меня простите ради бога,
Родные рыжие грибы!

Молчат и смотрят несурово
И даже — озаряют путь,
И средь круженья городского
Не обижаются ничуть.

Сниму приставшие хвоинки,
И будет ясен вечер мой...
Я рыжики принёс в корзинке,
Я солнышко принёс домой!

* * *

Родич тех незапамятных пуш,
Старый лес по буграм и оврагам,
Замирая, следит, всемогущ,
За моим отдыхающим шагом...

И тревог, и раздумий — не счесть...
Но чудесно, божественно мудро,
Что для сердца усталого есть
Вольный путь и прозрачное утро!..

В золотой колыбели земли,
Полной древних предвестий, преданий,
То ли колокол дрогнул вдали,
То ли вдруг журавли зарыдали...

Всё родное: зверьё, и быльё,
И напевы, и сны, и невзгоды...
Откликается сердце моё,
Словно листья, срываются годы...

* * *

На перекате бродит жерех,
А наверху, на жесты скуп,
Сам держится и держит берег
Непокорённый старый Дуб.

Его изранило железо
Войны и мирного труда.
Мужал он встарь в охвате леса
И с ним дружна была вода...

В стремнину все упали братья,
Надвинулся бурун шальной...
Стоит он, распахнув объятья,
Но нет вблизи души родной.

Не зарыдает о потере
Окрест никто наверняка,
Хотя ему в какой-то мере
Должны и чаща, и река...

А Дуб, иной томимый жаждой,
Стоит, не ведая обид,
И всё мечтает, как однажды
Взмахнёт ветвями — и взлетит!

Среди корней кузнечик скачет,
Кружится ворон над главой...
Никто не знает, как он плачет
До срока вымершей листвою.

И не признается он сроду,
Что листьев тех напрасен лёт,
Что, жёлуди роняя в воду,
Напрасно весточки он ждёт.

Что снится полночью бездонной
Ему касанье плавника,
Что мощь и память он, морёный,
В иные понесёт века...

* * *

Отчего, не опасаясь злого,
Сумрачного таинства времён,
Я бросаюсь в омуты былого —
В отражённый бездной небосклон?

Я, наверно, зря не знаю страха,
И не радость это, а беда,
Что так мило восстают из праха
Все мои погибшие года...

Пусть от боли не найдётся средства —
Только бы увидеть хоть на миг,
Только бы почувствовать у сердца
Дорогих потерянных моих!..

* * *

И Божий глас, и тихий мой ответ,
И звёзд наказ на миллионы лет,
И тучи вскачь, и молний остря,
И горький плач забитого зверья,
И сумрак смут, и тёплая ладонь
Во мне живут — и запоют, лишь тронь!
Я жёг мосты, хмелея через край...
О Память, ты меня не покидай!
О Песня, ты во мне живи всегда
Как свет звезды, как вольная вода...

г. Павловск Воронежской области

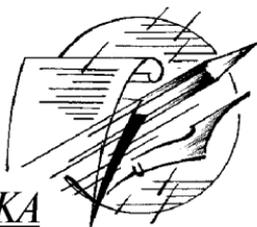
Зиновий ХМЕЛИЧЕНКО,
доктор исторических наук

ЧТО БУДЕТ ПОСЛЕ УКРАИНЫ?

(Окончательное решение украинского вопроса)

Близится конец территориально-политическому образованию (можно даже сказать, недоразумению), известному как украинское «государство». Но что придет на смену на территориях исторической Малороссии и Новороссии, Галичины, Буковины и Карпатской Руси?

Украина, как территория и государство, была сформирована из политических соображений заинтересованных кругов разных стран. Украинцы, как нация, создавались под украинскую государственность. Но эксперимент по превращению Малороссии в Украину на сегодняшний день не увенчался успехом. Провозгласить создание на определенной территории исторической России независимого государства — не значит стать государством. Объявить несколько десятков миллионов малороссов (т.е. ветви единого Русского народа) новой нацией — не значит быть нацией. Запись в паспорте национальности «украинец» еще не делает человека украинцем. Украинцы — это ветвь Русского народа. Другое дело, что некоторые из украинцев представляют собой тупиковую ветвь. Но это решаемый вопрос. Перманентный кризис

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

украинского «государства», начавшийся буквально с момента его появления на свет в 1991 году и который перешел в особенно острую фазу в 2022 году, продолжается и будет продолжаться, пока существует Украина.

Однако ликвидация Украины как «государства» еще не будет означать окончательного решения украинского вопроса. Этот вопрос существует уже полтора века и резко обостряется всякий раз, когда в России кризис и внутреннее неустroение. Украинство — это весьма затяжная болезнь, от метастазов которой может спасти лишь самая эффективная хирургическая операция. Так как же окончательно решить украинский вопрос?

Не скрою, что специально использовал определение «окончательное решение». Потомки комбайнеров, рабочих, учителей, врачей и всех нормальных русских людей советской Украины, победителей нацизма, вдруг начали корчить из себя «арийцев», покрывать свои телеса свастикой и рунами, поклоняться Одину и размахивать флагами с символикой третьего рейха. Но ведь, неуважаемые хохлы, фюрер этого рейха считал украинцев унтерменшами! (Untermensch в пер. с немецкого языка — недочеловек). Следовательно, используя свастику и вопя нацистские кричалки, вы согласны, что вы — унтерменши! И тогда вы должны ожидать и соответствующего к вам отношения.

Ликвидация т.н. украинского «государства» есть самое простое в ликвидации украинства. Это дело техники (военной техники). Но вот решение украинского вопроса не сводится лишь к территориальным изменениям. Решить украинский вопрос можно лишь путем рерусификации (возвращения русского легкого и тем более быстрого варианта решения этого не ожидается. Но в целом рерусификация является возможной. В самом деле, кто такие украинцы?

Так кто же является украинцем в современном мире? Подавляющее большинство (вероятно, 90%) украинцев — это «украинцы по анкете». Иначе говоря, в советское время малороссов записали в украинцы, и те привыкли к этому. Большинство из них говорят или на русском языке (пусть даже с особым произношением), или на суржике (смешанном языке, представляющем собой смесь русского с местными диалектными особенностями и произношением). Напомним, что согласно социологическим исследованиям американского Института Гэллапа, посвященным отношению к русскому языку в постсоветских государствах, 83% населения Украины выбрали русский язык для заполнения анкеты при про-

ведении опроса. Институт обозначил этот раздел исследования как «Russian as the Mother Tongue» («Русский как родной язык»). Кстати, из тех 17% граждан Украины, которые предпочли пользоваться не русским языком, далеко не все стали использовать именно украинский. Венгры в Закарпатье, болгары в Одесской области, поляки на Житомирщине отвечали на своих языках. Вот вам и уровень украинизации украинцев! Итак, рерусификация для таких украинцев произойдет безболезненно и даже незаметно для них самих.

Весь украинский сепаратизм всегда был делом местных начальников, которые хотели стать начальниками большими, но были слишком бездарны, чтобы делать карьеру в масштабах всей России. Словом, гетман-предатель с челядью — вот это и есть движущие силы украинства. От Выговского до Зеленского все столпы самостийничества были не революционеры-подпольщики, а люди из малороссийской элиты, которые хотели повысить свой социальный статус путем отделения от России. Короче говоря, это были профессиональные украинцы. Их, естественно, всегда было мало. Вряд ли более 1% от всех малороссов. Впрочем, среди украинских деятелей всегда было мало «национальных кадров» и их восполняли профессиональные украинцы самого разного происхождения.

Не может не поражать то обстоятельство, что среди столпов украинского национализма стояли поляки (С. Гошинский, Б. Залеский, В. Антонович), великороссы (Н. И. Костомаров, Н. Сумцов, Д. Донцов, С. Хвильевой), молдаване (С. Бандера), евреи (В. Н. Перетц, Л. Ребет) и даже греки (Н. Аркас) или люди совершенно смешанного происхождения (А. Крымский, сын белорусского татарина и польки, или Р. Ярый, полухех-полуеврей). Характерно, что один из основателей «украинства» В. В. Антонович на все намеки о своем польском происхождении, вроде бы не вписывающемся в украинское движение, отвечал, что украинец — это не национальность, а политические убеждения. В наше время украинцами являются евреи В. Зеленский («президент» республики, давно утративший легитимность), прежний президент Петр Порошенко (Вальцман), а также олигархи, ставящие президентов и губернаторов. Среди влиятельных деятелей украинского режима были армянин из Азербайджана Арсен Аваков, к тому же открытый гомосексуалист. Александр Сырский, главком украинских войск с 2024 года, — кондовый москаль из Владимирской области. Виталий Ким, гауляйтер Николаевской области, — этнический кореец. Лидером фракции большинства в парламенте Украины является грузин из Сочи Давид Арахамия.

Подобное явление — преобладание в украинском самостийничестве лиц не украинского, а нередко и неславянского происхождения — будет повторяться вновь и вновь. Когда речь идет о державном патриотизме, то преданность общему государству представителей этнических меньшинств выглядит естественной. Более того, национальные меньшинства ценят свои достижения в единой стране и готовы проявлять особенное рвение в борьбе за ее интересы. Но в этническом национализме (а украинское самостийничество претендует на то, что является национальным движением украинской нации) преобладание инородцев — это нонсенс. Факт сей может означать только искусственность такого националистического движения.

Но, повторим, профессиональных украинцев немного. Поскольку эти люди абсолютно продажны, то при случае свою «неньку-Украину» они продадут даже не за 30 серебряников, а за 15 — по дешевке. Поэтому при предъявлении им весомых аргументов в виде кошелька или револьвера они моментально перестанут быть украинцами и заделаются тем, кем вам будет угодно. Идейный девиз профессиональных украинцев прост: «Чего изволите»? Разумеется, после ликвидации Украины главари режима и их спонсоры должны на себе испытать сущность правила социальной справедливости: «Каждому — свое!» Зато остальные профессиональные украинцы моментально превратятся в патриотов Великой России. Они немедленно рванут во все структуры новой общероссийской администрации. И немедленно начнут составлять списки врагов русской нации.

Гораздо большую проблему представляют примерно от 10 до 30 процентов от всего населения Украины убежденные «свидомые» украинцы, которые действительно верят в древних укров и поклоняются Мазепе и Бандере. В принципе, все они являются не сторонниками политического движения, а членами тоталитарной секты. По мнению религиоведов, к основным признакам тоталитарной секты и деструктивного культа можно отнести:

- 1) наличие харизматического лидера (живого или мертвого);
- 2) наличие методик контроля сознания: мышления, поведения, информации, эмоций;
- 3) культовое знание (схема счастья). Это тот метод, с помощью которого вы якобы будете достигать богатства, здоровья или единения с Богом;
- 4) черно-белая доктрина «мы — они»;
- 5) индоктринация фобий членам группы, например патологическая неприязнь к москалям;

б) максимальный отрыв от мира, от реальности, разрыв старых контактов и связей;

7) эзотерический разрыв. Вас приглашают в одну организацию, вы попадаете в другую. Проще говоря, организация оказывается совсем не такой, какой казалась на первый взгляд;

8) смещенная система ценностей. Имеется в виду, что любые средства пригодны и оправданны для достижения цели. Для достижения желаемого можно обмануть и убить врага;

9) прозелитизм. Для того чтобы секта существовала, необходимы новые люди — приток «свежей крови». Без прихода новых последователей любая секта быстро хиреет и угасает;

10) особый культовый язык (новояз). Широкое применение слов и понятий, которые непонятны окружающим, но по которым сектанты всегда отличают «своих»

Абсолютно всё это свойственно украинскому движению за всё время существования. Именно поэтому «свидомые» украинцы мало восприимчивы к любым логическим аргументам. На все доводы об искусственности украинского языка или фантастичности украинской истории они неизменно отвечают, что украинцы говорят по-русски из-за того, что их, оказывается, русифицировали, а украинский язык запрещали цари и советские вожди. По поводу истории самостийники с гордостью говорят, что, на самом деле, все было не так, и настоящую историю переписывали опять-таки русские цари и генсеки, и вот только они, истинные украинцы, знают настоящую историю. Как видим, никакой разницы между доводами «свидомого» украинца или свидетеля Иеговы вы не найдете. Вот именно эти «свидомые» фанатики и являются главным препятствием рерусификации Украины.

Как пишет блогер, уроженец территории украинского «государства»: «Украинство — как болезнь, от которой хорошо помогает лечебное голодание, оздоровительное замерзание и физкультурное копанье окопов под ударами русской артиллерии. А те, кто выздороветь не захочет, не пройдут естественный отбор, нарушив основное правило эволюции. Перефразируя классика, отказывающиеся исправляться украинские граждане будут жить плохо, но недолго».

Так что перевоспитание фанатиков украинства также возможно.

Исторически территория северной и средней части современной Украины является колыбелью русской нации. Само название «Малороссия» означает, что именно она была малой Родиной всей исторической России. Зато название «Великороссия» (которую теперь пытаются объявить собствен-

но Россией) исторически объясняется тем, что ее территория являлась колонизированной переселенцами с Малой Руси, вобравшими в себя немного финских аборигенов («чуди»). В большинстве индоевропейских языков историческая метрополия называется Малой родиной, а колонизированные земли — Великой. Так, Великой Грецией (Эллада Мегали) назывались греческие колонии в Южной Италии и на Сицилии. Великой Индией (Маха Хинду) называли земли Юго-Восточной Азии, которые осваивали купцы, миссионеры и переселенцы из собственно Индии.

Малороссия воссоединялась с Великороссией в несколько этапов начиная с 1667, 1772, 1793, 1795, 1939 годов и в 1945 году. За века отдельного существования под властью иноземцев в различных регионах Малороссии накопились отдельные особенности языка, быта и повседневной культуры. И враги России постарались максимально использовать эти особенности, «лепя» некие «отдельные нации» из этнографического материала населения юго-западных российских губерний и австрийской Галиции.

Особенность Малороссии в языке, народной культуре, фольклоре, никогда не отрицалась в Российской Империи. Более того, все эти особенности вызывали интерес у «просвещенной публики». В самом конце XVIII века возникли «хохломания» и «украинофильство». Это не было каким-то «национальным движением». Просто в ряде губерний возникло литературно-художественное движение, увлекшееся местной культурой. В 40—50-е годы XIX века литература на малороссийском наречии стала весьма модной, причем занимались ею сплошь дилетанты. Вообще, учитывая отсутствие литературных норм в малороссийском языке при богатом словарном запасе сельских наречий, многие графоманы кинулись «творить» новую литературу. Разумеется, большинство таких украинских литераторов рассматривали свое творчество как баловство, не ставя перед собой никаких политических задач.

В вышедшем в 1856 году романе И.С. Тургенева «Рудин» описан такой персонаж, как потенциальный «дияч» (деятель) украинства Пигасов:

«Вот мы толковали о литературе, — продолжал он. — Если б у меня были лишние деньги, я бы сейчас сделался малороссийским поэтом.

— Это что еще? Хорош поэт! — возразила Дарья Михайловна. — Разве вы знаете по-малороссийски?

— Нимало; да оно и не нужно.

— Как не нужно?

— Да так же, не нужно. Стоит только взять лист бумаги и написать наверху: «Дума»; потом начать так: «Гой, ты доля моя, доля!», или: «Седе казачино Наливайко на кургане!», а там: «По-пид горою, по-пид зеленою, грае, грае воропае, гоп! гоп!», или что-нибудь в этом роде. И дело в шляпе. Печатай и издавай. Малоросс прочтет, подопрет рукою щеку и непременно заплачет — такая чувствительная душа!

— Помилуйте! — воскликнул Басистов. — Что вы это такое говорите? Это ни с чем не сообразно. Я жил в Малороссии, люблю ее и язык ее знаю... «Грае, грае воропае» — совершенная бессмыслица.

— Может быть, а хохол все-таки заплачет. Вы говорите: язык... Да разве существует малороссийский язык? Я попросил раз одного хохла перевести следующую, первую попавшуюся мне фразу: «Грамматика есть искусство правильно читать и писать». Знаете, как он это перевел: «Храматыка е выкусусьго правильно читаты ы пысаты...» Что ж, это язык, по-вашему? Самостоятельный язык? Да скорей, чем с этим согласиться, я готов позволить лучшего своего друга истолочь в ступе...»

Конечно, тургеневский Пигасов является комическим персонажем. Но всё же появление такого персонажа у Тургенева, глубочайшего знатока русской жизни, по романам которого можно судить о пореформенной России несравненно глубже, чем давали все социологические и статистические данные, было не случайным. Увлечение украинским фольклором и образным певучим языком Малороссии стало масовым среди самых разных слоев Российской Империи.

Однако «укаинофильство» быстро перешло из литературно-фольклорного в политическое движение. И возглавили это движение вовсе не малороссы, а польские помещики. После разделов Польши польские магнаты, помня о своем господстве на Украине, пытались восстановить Речь Посполитую в прежних границах. С этой целью предпринимались попытки привлечь на сторону польского дела малороссов, для чего и возникла украинская теория. Расчет в создании украинского движения поляками был прост: «украинство» способствует ослаблению России, что, в свою очередь, способствует восстановлению Польши. Кроме того, украинцы с радостью станут частью Польши. Или, по крайней мере, не останутся украинцы русскими. Эту мысль не без цинизма выразил известный польский историк, ксендз Валериан Калинин: «Иную душу нужно влить в русина — вот главная задача для нас, поляков... Та душа будет с Запада... Тогда, быть может, возвратится Русь к братству с Польшей. А если

бы и не сбылось, то лучше Малая Русь, чем Русь Российская... Если Гриць не может быть моим, то пускай, по крайней мере, не будет ни моим, ни твоим».

В дальнейшем украинским движением заинтересовались власти Германии и Австро-Венгрии, в составе которой находилась Галиция. Именно она и стала «Пьемонт» украинства. Напомним, что Пьемонт — название исторической провинции Италии, которая стала центром объединения Италии. Но и здесь не обошлось без плагиата: украинские самостийники, совершенно не способные придумать чего-нибудь самостоятельного, естественно, позаимствовали понятие «Пьемонт» у поляков. В самом деле, польские деятели в Австро-Венгрии, получив от династии Габсбургов довольно широкое самоуправление над угнетенной русской Галицией, именовали эту провинцию Пьемонтом, которое вскоре объединит в одну страну все прежние земли Речи Посполитой. Весьма странно понималась «национально-освободительная» миссия «украинского Пьемонта»: «освобождение Украины за Збручем от московского ярма», но не своей земли от Австрии. Возникает простой вопрос: какой смысл навязывать освобождение другим, которые вовсе не считают себя отдельной и к тому же угнетенной нацией, при этом самим оставаться несвободными? Но, разумеется, «национально-сознательных украинцев» такой вопрос не смущал.

К чему эти исторические напоминания? Ответ прост: смысл бытия Украины — вредить России. В результате сохранения территориально уменьшенной Украины там опять образуется очередной «Пьемонт». Нет, России нужна вся Украина! И не нужны никакие «Пьемонты». Бессмысленно надеяться на то, что раз от Украины отпали Крым и Донбасс, то отойдет и вся Новороссия, после чего можно спокойно дружить с оставшейся страной. Некоторые российские патриоты говорят, что необходимо вернуть в состав России те украинские территории, что находились в составе Российской Империи и СССР (в границах 1939 года), а вот пусть Галицию (Галичину) забирают поляки. Про Карпатскую Русь и Буковину патриоты в Москве и Питере чаще всего не имеют представления. Но повторим, если мы хотим очередного обострения украинского вопроса, то недопустимо существование «Пьемонтов» украинства.

Украина почти не имеет общеукраинской истории. Есть отдельная история территорий, которые пока еще входят в состав нынешней Украины, и есть общая история Руси (России). Даже «общеукраинские» политики, литераторы и «герои» всё равно были деятелями отдельных регионов. Распад

Украины на отдельные регионы есть самая ближайшая и самая реальная перспектива этой несчастной страны. Исконных украинских земель не было и не может быть по определению, поскольку Украина — это окраина территорий исторической России.

Украины как единого целого никогда не существовало. Даже в Украинской Советской Социалистической Республике и Украине 1991—2024 годов существовало подспудное противоборство между регионами. Таким образом, Украина представляет собой лишь совокупность регионов. Регионализм является самой главной чертой политической жизни Украины. При этом, как бы ни кричали украинские самостийники о «единой украинской нации», ее не было и нет (и, похоже, не будет)! На самом деле, украинцы, включая тех, кто воспринял украинскую идентичность, остаются совокупностью различных землячеств и кланов. Даже среди «западенцев», которых на востоке и в РФ считают поголовно «бандеровцами», есть карпатские русины, бойки, лемки, покутяне, гуцулы. Все они отличаются культурным своеобразием и тесной групповой сплоченностью. Они в первую очередь «местные», а уже потом украинцы.

Притом что, согласно конституции, Украина — унитарное государство, регионализм на Украине является более серьезной проблемой, чем партикуляризм в Германии или Канаде. Речь идет не просто о сепаратистских настроениях в ряде регионов, а о полной противоположности взглядов буквально по всем проблемам жителей различных городов и областей республики, многие из которых открыто противопоставляют себя друг другу. Заметим, что при этом регионализм на Украине лишь в отдельных случаях носит характер этнического сепаратизма (венгерский — в Закарпатье или румынский в Буковине).

Как же выделить эти регионы? Сразу скажем, что современное административное деление Украины мало отражает деление на регионы. Только Крым, первым оторвавшийся от Украины в пользу русского единства, в силу своей географии был самым «очевидным» регионом Украины.

Европейский союз еще в 1988 году принял «Хартию регионализма». Этот документ дает достаточно полное обоснование региона как особой единицы в государстве. Регион — гомогенное пространство, которое устанавливается на основе общности физико-географической, этнической, языковой, культурной, хозяйственных структур или религиозной населения определенной территории, а также общего прошлого. Разумеется, не обязательным является наличие всех

этих факторов. Если рассматривать регион с позиций этнологии, то главный критерий для выделения региона — общность исторической судьбы!

Итак, исходя из перечисленных выше признаков, можно выделить следующие исторические регионы Украины:

1) макрорегион Малороссия, включающий регионы: Среднее Поднепровье, Северская земля и Слободская Украина. Все эти регионы вернулись в состав России достаточно давно, советская украинизация имела здесь незначительные результаты. Тем не менее каждый из перечисленных регионов имеет свои особенности. В этом смысле сложно говорить о Восточной Украине как о чем-то едином;

2) макрорегион Западная Украина, состоящий из регионов: Галиция, Волынь, Буковина, Карпатская Русь (Закарпатье). Западная Украина считается и в России, и на востоке Украины единым регионом. На самом деле между Галицией и Карпатской Русью различий несравненно больше, чем между Россией и Украиной в целом. Если Галиция славится своим «жовто-блакитним» самостийничеством, то Карпатская Русь сохраняет свою исконную русинскую идентичность. При этом Западная Украина имеет больше сходства с Северным Кавказом, чем с Европой. Любое ослабление искусственной украинской государственности и ослабление навязанной украинскости стремительно приведут к самому настоящему племенному разделению жителей края. Собственно, свою «самость» отдельные группы «западнцев» демонстрировали всегда. По этой причине, помимо описания этнической истории регионов, необходимо изложить еще существующие здесь особые этнические группы, такие как бойки и гуцулы;

3) макрорегион Новороссия, состоящий из регионов: Запорожье (Нижнее Поднепровье), Донбасс, Одесса, Южная Бессарабия, Приднестровье, Крым. Хотя Новороссию часто объединяют с Восточной Украиной в одно целое, используя понятие «Юго-Западная Украина», но этническая история Новороссии слишком отличается от земель исконной Малороссии. К этнической истории Новороссии будет логичным добавить также историю Приднестровья, части Новороссии, в советское время оказавшейся в составе Молдавии, а затем первой восставшей за единую Россию. Наконец, в Новороссии, помимо русских и малороссов, проживают также представители других этносов;

4) особняком стоит столица — Киев. Город остается русскоязычным, однако он одновременно наиболее продажная часть Украины. Именно в Киеве делаются большие деньги. На незалежности киевляне весьма разбогатели. Киев в пост-

советские времена превратился в самостийный вариант лужковской Москвы. И неслучайно именно в этом городе, где почти никто не говорит чисто по-украински, самостийники имеют серьезную поддержку.

Сразу скажем, что провести границу между регионами бывает весьма затруднительно. Например, границу между исторической Поднепровской Малороссией и Волинью установить трудно: она весьма менялась в разные эпохи. Поэтому и придется в основном исходить из территориального расположения областей современной Украины.

Таким образом, после ликвидации украинской государственности ее территорию необходимо разделить на исторические регионы с разным характером управления. Донбасс и Новороссия десятилетие сражались за право войти в Россию. Сложнее с Киевом и центральной территорией Малороссии, жители которой идентифицируют себя как украинцы, но традиционно не отличались звериной русофобией. Думается, здесь будущее российское управление должно сохранить в качестве языка документов местную «мову» (наряду с русским языком). А вот с «западнцами» придется возиться долго. Перестрелять всяких бандеровцев будет лишь вопросом техники, а вот вернуть русское самосознание — это задача для целых поколений. Но край, который целое тысячелетие был русским, должен русским и остаться. Украинские «историки» и «политики» постоянно говорят о том, что Украина была колонией России. Что ж, необходимо, чтобы «западнцы» на своем опыте поняли, что такое колониальное управление.

Но самое главное должно заключаться в том, что нельзя оставлять существование псевдо- или квазигосударственных образований типа республик или автономных краев. Должны быть только регионы — субъекты Российской Федерации, отличающиеся только определенной системой управления. И, разумеется, нельзя запрещать украинство грубой силой. Не надо создавать вкус запретного плода для малороссов и наживать себе врагов в виде религиозных фанатиков.

Но ведь мы то и дело слышит: «Украинцы никогда этого не простят! Поколения будут ненавидеть москалей! Украина навсегда потеряна для России! Украинцы никогда не смирятся с поражением!» Эти и подобные выкрики слетают с уст не только прозападных либералов, но и некоторых патриотов. Откровенно наплевательское отношение к жизни украинского вояка со стороны командования и политического руководства этого недогосударства объясняются не только цинизмом и грубостью последних. Кураторы украинских дея-

телей явно надеются на то, что чем больше восточных русскоязычных граждан Украины падет на полях сражений, тем лучше. Их потомки, полагают на Западе, вырастут с ощущением чувства мести за погибших «героев». И придется согласиться с тем, что немалые успехи в этой подлой политике Запад добился.

И всё же вспомним о том, что империя способна интегрировать самых злейших врагов, сделав их друзьями и верными сынами империи. Вспомним, что не было более опасных врагов для России в XIII—XVII веках (на протяжении пяти веков), чем прибалтийские (остзейские) немцы — прямые потомки «псов-рыцарей» Тевтонского ордена. После присоединения Остзейского края к России при Петре Великом на протяжении двух веков они были самой лояльной категорией российских подданных. Более свежий пример — чеченцы. Народ, покоренный силой оружия при царе, депортированный при Сталине и подвергавшийся бомбардировкам при «демократии», сохранивший традиционную клановую структуру, должен был стать самым ярким ненавистником России. Но чеченские бойцы в рядах российских федеральных сил — полностью лояльные стране граждане. Так что и малороссы, при проведении, конечно, разумной политики со стороны Кремля, способны влиться в российский социум и русскую нацию.

Некогда наиболее богатая и развитая часть Советского Союза превратилась в постоянную угрозу нашей безопасности, в гноящийся источник ненависти, лжи и насилия. Первейшей задачей России является объективная задача возвращения Украины в культурно-ценностном, ментальном смысле к русской цивилизации. Конечно, рерусификация украинцев будет процессом длительным. Украинцев создавали на протяжении полутора веков. Вероятно, не меньше времени потребуется для того, чтобы понятие «украинец» стало чисто историческим термином типа «древлянин» или «улич». Но сохранение Украины в каком-либо виде есть великая опасность для всей исторической России и всех русских, включая тех, кто считает себя украинцем. Не надо запрещать украинскую мову — она постепенно исчезнет сама, как это случилось в Крыму, не выдержав конкуренции с русской речью. Но вот что надлежит выполнить немедленно — это покончить с бандеровщиной и всеми агрессивными формами украинского национализма. Перефразируя высказывание знаменитого римского сенатора Катона: «Бандерштадт должен быть разрушен!»

ТУСЕР

РАССКАЗ

1

Когда его, распластанного, подняли на канатах и стали раскачивать, он закричал:

— Но в чем же моя такая уж особая вина?

Ему сказали:

— Ты нарушаешь все до единой заповеди!

Он возопил:

— Да Господи, ни единой никогда не нарушал!

— Одну из них, — ответили ему, — нарушил прямо сейчас: произнес напрасно имя Господа твоего!

— Ну, это случайно вырвалось! Но больше-то не нарушал!

И ему начали предъявлять:

— Как же! А других богов насоздавал себе?

— Каких богов? Вы что, ребята?

— А многих! Тщеславие, гордыня, самолюбование, самодовольство... Можно продолжать. У тебя уйма других богов. Ты разве сам не понимаешь?

— Ну, с этой вашей точки зрения, оно, может, и так... Ну пусть так!.. Но ведь я...

ПРОЗА

— А кумир? Создал себе кумира? Создал.
— Да нет же! Нет у меня кумира!
— А тусовка? Это твой кумир! И субботный день не соблюдаешь!
— Это да! Да! — кричал он, летая по дуге маятником из стороны в сторону. — Но и только!
— Не-ет, не то-олько. А мать свою ты почитал? Не забывал о том, чему она учила?
— Не забывал!
— Забывал, еще как! Ты нарушал и «Не убий»!
— Ну, это слишком! Никогда не убивал! Клянусь!
— О-о! Вот и заповедь не клясться нарушаешь! А убивал ты время — время тех, кто клевал на твою приманку! Да-да! Ты нарушал и заповедь «Не кради».
— Ложь!
— Ты воровал энергию души. И нарушал святую заповедь: «Не пожелай жены ближнего твоего». Можешь это отрицать? Если честно!
— Честно... Не могу..
— Так, значит, и прелюбодействовал! Кто смотрит на женщину с непростым интересом, уже прелюбодействует! Плюс к тому, ты лжесвидетельствовал!
— Да на кого?!
— А хоть бы на себя! Иль, может, скажешь: не писал о себе то, чего не было, не выдавал себя за другого?
— А что мне оставалось? Выдавал.
— Ну вот. А как добром-то ближнего владеть хотел!
— Это было, да! Но — чуть-чуть. Не так уж многого-то и хотел... Но ведь что-то же я все-таки не нарушал! — кричал он в отчаянии, продолжая летать туда-сюда.
— А всё, — ответили ему. — Заповеди исчерпаны. И все ты нарушал. Так что принимай заслуженное!
И ему пришлось смириться и ждать, когда выйдет назначенное время наказания, весьма действенного, ибо в эти минуты болезненных ощущений, когда суставы рук и ног, казалось, кто-то с силой выворачивает при каждом лётном проходе, он, Андрей Лопатин, не раз поклялся самому себе больше не лезть в то, во что влез настолько глубоко, что уже начинал видеть в этом свое предназначенье на всю будущую жизнь — взамен того, к которому был призван изначально. *Что ж напишешь, раз так вышло!*
А призван был к конструкторскому делу — с детства, чуть не с колыбели. Была у него мать, был дед, была бабушка. Отца не было, о нём он только и знал, что тот ушел, исчез из их семьи в районе двух- или трехмесячного его младенчества.

И за отца был дед. Его руки — первое воспоминание, да не просто руки (чистые, с длинными тонкими пальцами, как у музыканта), а руки на фоне чистойшей белизны большого ватманского листа на доске кульмана, и одна рука двигает расположенные под прямым углом желтовато-прозрачные линейки чертежного прибора, окрапленные по краям черными тире делений, а другая карандашом наносит на бумагу прямые линии; и тянется Андрейкина крохотная ручка, силясь ухватить карандаш, и раздается его пронзительный писк, словно бы напоенный жаждой немедленно начать чертить. Но право это было предоставлено ему только через пять лет, когда дед усадил его за свой накрытый толстым стеклом стол и положил перед ним лист ватмана одиннадцатого формата, размером с обложку классного учительского журнала, дал карандаш и велел нарисовать прямую линию и окружность. И как только на бумаге возникла безукоризненная в своей прямоте линия, а потом окружность с пятикопеечную монету такой правильности, что ее, казалось, провели с помощью циркуля, дед, довольно приглаживая усы и бороду, почти один к одному скопированные с портрета русского инженера и ученого Николая Аполлоновича Белелюбского (проектировщика мостов, в том числе и Царского железнодорожного моста через реку Иртыш в их городе), произнёс с хрипловатой лаской в голосе: «В меня!» И добавил: «В перспективе — шикарная графика». И тут же взялся обучать его этому делу, а когда Андрей учился в пятом классе, начал ставить его к своему кульману — делать чертежи мелких деталей ровок к своим рацпредложениям и изобретениям.

Работал дед на крупнейшем в стране машиностроительном заводе, возглавлял проектную группу в центральном конструкторском бюро, его неоднократно двигали на должность начальника этого ЦКБ, но он отказывался, не желая расставаться с техническим творчеством, зная, что согласие отсечет его не только от заводского кульмана, но и от своего, того самого, к которому был допущен одиннадцатилетний внук и который стоял в маленькой комнате их с бабушкой двухкомнатной квартиры, — отсечет по той причине, что должность эта отнимет все свободные часы и вечеров, и выходных.

Он вел внука в профессию себе на замену, используя для этого все возможности, в первую очередь, конечно, дом «Юный техник», где за четыре года Андрюша прошел через все кружки, собирал радиоприемники, научился фотографировать, ремонтировал картинги и гонял на них; пускал наперегонки в специальном водоеме радиоуправляемые модели судов, выписывал круги, восьмерки и прочие фигуры на фоне

голубого неба и белых облаков жужжащими авиамоделями на кордной нитке, но поскольку это все-таки был спорт, он, равнодушный к лидерству (передалось от деда), не только не прикипел к этому, но и сколько-нибудь весомым интересом на заразился, — интерес был только к самому процессу познания и созидания, и больше всего тянуло его на завод, куда дед впервые привел его еще раньше, чем поставил к своему кульману, и потом водил регулярно, а когда внук учился в старших классах, устраивал его работать подсобником на летние каникулы в разные цеха, таким образом уже школьником он знал завод доподлинно, пребывал в стихии, снабжавшей его мозг идеями, которые он претворял в чертежи, что позволило ему стать самым юным членом заводского общества изобретателей и рационализаторов.

Дед в возрасте шестидесяти трех лет, когда умерла бабушка, поменял их однокомнатную и свою двухкомнатную на трехкомнатную квартиру в девятиэтажном доме окраинного микрорайона Новосёлровка, и с тех пор кульман стоял в одной из этих комнат, и остался стоять после смерти деда, когда Андрей учился на первом курсе машиностроительного факультета политехнического института, учился с удовольствием, легко, поражая всех своей осведомленностью, как и своей впрямь шикарнейшей чертежной графикой, впрочем, не все пять лет учебы, поскольку к ее завершению чертежи стали выполнять на компьютерах, и благо, если бы только эта перемена произошла в отечественном техническом пространстве, — увы, перемены грянули и другие: остановка заводов, развал промышленности, — в результате крупнейший в стране завод, которому всю свою жизнь отдал дед Андрея, превратился в один из самых хилых в городе. Естественно, исчезли рабочие места, ни один из выпускников машиностроительного факультета не нашел работы по специальности; и когда Андрей бродил по городу с полученным на бирже труда листком поиска работы, заходя во все подряд организации (где ему ставили в этом листке одну и ту же снабженную подписью и штампом запись — «Мест нет»), он то и дело наталкивался на своих однокашников.

— Андрюшка, здравствуй! — кричала ему, вскидывая вверх руку в черной резиновой перчатке первая красавица группы, одетая в серый халат и в синюю косынку, моющая пол у стеклянной стены офисного здания, сквозь которую с высоты восьмого этажа раскидывался чудесный вид на центр города.

— Привет, Андрюха! — хлопал его по плечу в автобусе высокого роста классный волейболист и любимец группы с сумкой кондуктора на животе.

— Андрей! Андрэ! Айда к нам! Сюда! — весело орала на разные голоса четверо крепких парней во всем черном, дурачась и подпрыгивая, но быстро опомнились и, вмиг умолкнув, понуро побрели среди людей с подернутыми печалью лицами, к стоявшему на табуретках у подъезда гробу — закрывать его и вносить в катафалк.

В один из тех дней мать Андрея, войдя в комнату с кульманом, увидела сына сидящим на стуле с прижатым к груди портретом деда и горько плачущим. Обняв его и, в свою очередь не удержавшись от слёз, она сказала:

— Что ж, Андриюшенька... Понимаю тебя... Я тоже тоскую по дедушке...

Он подумал, что на самом-то деле мать не поняла его, верней, подумал, что поняла лишь отчасти. Откуда, подумал он, ей, бухгалтеру ЖКО, а ныне управляющей компанией, знать, что такое полет творческой мысли, восторг и вдохновение даже от простой незатейливой находки, не говоря уж — от неожиданного открытия. В слезах его, конечно, была доля скорби и по деду, но большей частью скорбь эта терзала его сердце все-таки из-за утраты еще и другой, огромной: дедом же вложенной в него мечты, ставшей вдруг недостижимой, и ему ужасно жаль было накопленных за многие годы знаний и навыков, дававших ощущение безграничной силы в любимом деле — ощущение, исчезнувшее, как и мечта, сменившееся бессилием и тяжелейшим чувством своей никому ненужности.

Однако он ошибся, решив, что мать его не поняла. Она его поняла, и очень даже хорошо, ибо знала, что чувства, переживаемые сыном, сродни тем чувствам, которые когда-то испытала она: той боли из-за отвергнутой любви и предательства, хотя предательством она это не считала, да и вообще никогда не думала плохо о своем муже, отце Андрея, и не только потому, что слишком его любила, но и потому, что он никак не заслуживал плохого о себе мнения, был по-настоящему хорошим человеком; но так уж вышло, что ему, столяру того же самого ЖКО, не просто плотному и крепкому, а какому-то даже кубическому на вид, с головой так же не округлой, а больше похожей на куб, поросший жиденькими песочными волосами (настолько в этой своей крепкой кубической сбитости непривлекательному, что ее подруги с того момента, как только стала она с ним встречаться, и чуть не до самой их свадьбы шептали ей: «Ну зачем тебе, такой милостивой, нужна эта колода?»), — так вышло, что ему совершенно случайно где-то в городской сутолоке, то ли в универмаге, то ли в автобусе встретилась женщина, буквально сва-

лившая его наповал, возможно, едва ли не идентичной схожестью с ним: такая же абсолютная внешняя непривлекательность и такая же плотная сбитость, правда, при необычайной и очень женственной пышности форм, — и он убито просил прощения у жены, качавшей на руках трехмесячного Андрюшу, и говорил, что выбор у него один: или уходить к ней, уезжать с ней куда подальше, или отправляться на тот свет, — и она, сгибаясь от боли, отпускала его с миром и желала ему счастья, зная, что это самое правильное, что может сделать она в эту минуту, правильное больше для нее, чем для него, как бы трудно ей не было и как бы сильно не продолжала она его любить. Любила и по сей день и, глядя голову плачущего сына, чуточку похожую на голову отца, но с волосами густыми и русыми, как у нее, вспоминала и ту свою боль, и его, бывшего мужа, почему-то на работе, в столярной мастерской, в запахе свежей древесной стружки и в шарканье рубанка, — и очень остро чувствовала, как та ее утрата отразилась и на судьбе сына, стала для него утратой не только отца, но и его дела: отец непременно приобщил бы Андрея к своему столярному ремеслу, — дед не стал бы перечить, и была бы сейчас у сына в руках надежная, способная всю жизнь кормить профессия.

А так — профессии не было. Мать понимала, что всё дело в этом, но ей не хотелось, чтобы сын догадался, что она понимает, не хотелось ни единого слова проронить на эту тему, чтоб не добавлять ему боли, и она говорила:

— Что ж поделать, мы все любили деда... И твоя бабушка тоже...

И ей самой было больно еще и оттого, что сыну приходится устраиваться дворником, другого места так и не нашлось. Единственное, что было неплохо: работа рядом, здесь же, на Новосёловке; разбросанная по разным точкам, всего их семь, но и они недалеко одна от другой: киоски частного торгового предприятия, вокруг которых и надо было убирать территорию, крохотную, требующую не более десяти минут труда, так что основное время уходило на передвижение пешком от одной точки до другой — с лопатой, метлой и ведром в руках; в общей сложности на все требовалось около двух часов, да и то без спешки, а если поспоровистей, и за час-полтора можно было управиться. Зарплаты на жизнь хватало — на жизнь худую, но не голодную — и он не собирался больше никуда устраиваться, и всё остальное время — уйму времени! — проводил в своей комнате за ноутбуком, в Интернете. В комнату с кульманом больше не заходил и даже хотел опечатать ее, но вовремя спохватился: к матери частенько приходят в гости

коллеги-бухгалтерши, — увидят, что подумают? Он помнил когда-то давно услышанный на улице разговор деда и встретившегося им по дороге бывшего начальника крупного отдела их завода, вынужденного уволиться из-за каких-то распрей с руководством, который рассказал, как сумел всё это пережить, разъезжая целый год по санаториям и профилакториям, — главное, говорил он, переменить обстановку, чтоб вытеснялось и забывалось всё набившееся в сознании за долгое время интенсивной работы; и Андрей прибег к этому способу, правда, никуда не выезжая по причине отсутствия такой возможности, но изо дня в день мотаясь по всему миру виртуально: часами неотрывно глядел на экран ноутбука, где можно увидеть всё что угодно, всё происходившее когда-то и происходящее сегодня в любой точке земного шара. Это помогало постепенно возвращать внутреннее равновесие, но оставался фон, от которого он не мог избавиться: постоянно тяготевший и временами противно, как зазубренным ножом скребуший душу вопрос: куда теперь приложить свои бушующие силы, свой живой изобретательный ум?

Однажды в мае, подметая мусор вокруг киоска с газированной водой, жвачкой и прочей мелочью, он услышал, как одна из двоих проходивших мимо девчат не намного моложе его, сказала со смехом: «Там така-ая туса!» И эта фраза неожиданно отозвалась в нем импульсом, похожим на те, что возникали, когда он и школьником, и студентом (на еще заставших его практиках — ознакомительной и технологической) ходил по заводским цехам, выискивая, что можно улучшить, — импульсы эти всегда выталкивали его в творческий полет, бросая к чертежной доске, и он в горячечном, порой даже в полубессознательном состоянии стремительно изображал на бумаге то, что потом находило одобрение и воплощалось в металле. Нечто подобное было и в этот раз: он почувствовал толчок внутри, и сразу что-то там, к его собственному удивлению, знакомо зажглось, — и пока он торопливо доделывал свою дворницкую работу, а потом чуть не бегом спешил домой, в голове у него сам собой складывался план, полностью готовый к тому моменту, когда он сел в своей комнате за ноутбук, и дальше уже делал все автоматически, даже не подумав о том, что надо бы хоть разобраться, понять, во что это он так стремительно влетает, толкаемый все той же загадочной внутренней силой. Он натурально конструировал подборку своих фотографий, ваял из разных изображений других людей облик интеллигентного молодого человека с придуманным сразу именем — Игнатий Ресфейдеров. Вот он у интерактивной доски с прической на прибор, в строгом

костюме и при галстукe, с указкой в руке что-то объясняет невидимой аудитории. Вот на теннисном корте в белой тенниске и в красной кепке-волане, на фоне сетки, с ракеткой в руках, которую держит бережно, как младенца. Затем — на берегу реки, в штормовке, взлохмаченный, что-то налаживает у костра в безынерционной катушке спиннинга. И наконец — на трибуне перед микрофоном, с крайне серьезным видом, явно отражающим серьезность того, о чем он говорит.

Всего один день понадобился ему, чтобы с этой подборкой фотографий, от имени Игнатия Ресфейдерова, через социальные сети и сайты знакомств войти в контакт с огромным количеством людей, именуемых неприятным для него словом «пользователи», а затем отобрать девять человек, тем самым создав своего рода конструкцию, составленную из личностей, схожих, как ему представлялось, по уровню интеллекта и образования.

Девять — почему-то именно такая цифра пришла ему на ум. Пять девушек, четыре парня. Все они прислали ему свои электронные адреса.

И уже через день он разослал этим девятерым, — по отдельности, а не рассылкой, — такое сообщение: «Внимание! Приглашаем на тематическую встречу! Тема: «Ретро-музыка и ее место в современном обществе. Нужна ли такая музыка молодежи?» Вас ждет увлекательная туса! Она состоится в субботу у торгового центра возле открытого кафе «Лотос». Организатор — Добровольное сообщество «Абстрактный выбор». Председатель — Игнатий Ресфейдеров».

А в пятницу вечером он написал по одному из девяти адресов: «Анна, у меня к тебе большая просьба. Неожиданные обстоятельства не позволяют мне присутствовать завтра на тусовке. Проведи ее, пожалуйста, за меня. Игнатий». Эта Анна зачисляла четвертый курс гуманитарного факультета технико-экономического университета по специальности «Связи с общественностью». Расчет оказался верным. Анна сразу ему ответила: «Проведу, Игнатий, не беспокойся. Это будет и хорошим тренингом для меня. С уважением — А. Снегиркина».

2

И на следующий день около пяти вечера он сидел за крайним столиком открытого кафе «Лотос», попивал любимый зеленый чай с любимым поджаристым слоеным язычком и смотрел на людей, что ходили по выложенному квадратными бетонными плитами обширному пространству у торгового центра, на белые косые стены которого щедро лился свет до-

вольно еще высокого солнца в белой дымке. Людей было много, ходили они в основном торопливо и суетно, кто в торговый центр, кто обратно, к подземному переходу через запруженный машинами перекресток, но некоторые и просто прогуливались, а кто-то сидел на скамейках у каменного барьера на фоне проспекта. Теплый майский ветерок оведал стены торгового центра, закручиваясь возле них и неся с газона опьяняющий запах сирени сюда, в это открытое кафе под белым навесом в форме опрокинутого цветка лотоса.

Андрей волновался, по правде говоря, не очень-то веря в успех своей затеи, к тому же его теперь удручала и даже вызывала глухое раздражение зыбкость созданной им конструкции, ее нематериальность, ведь в ней ничего нельзя было поправить, он не мог внести в нее приходящие на ум коррективы, что всегда было доступно, когда он корпел над чертежами. Но тем отрадней было ему видеть, как эта конструкция вдруг начинает обретать очертания в этой пестрящей лицима, шаркающей подошвами и стучащей каблучками по бетону, шумной, издающей пронзительные сигналы автомобилей и бубнящей на разные голоса живой жизни; как она медленно проступает подобно снимкам в ванночках с проявителем фотографов былых времен — с того момента, как откуда-то появился высокий и тощий, с пышными светлыми кудрями парень в белой рубашке с коротким рукавом, в джинсах и кроссовках, и, остановившись возле кафе, стал оглядываться по сторонам, время от времени ссутуливаясь и шурясь от солнца. Был он молод, на вид чуть за двадцать. Его Андрей узнал сразу, как узнавал и тех, кто подходил следом: всех он запомнил по их подборкам фотографий, конечно же, не смонтированных, как у него, а подлинных. Вторым подошел человек такой же молодой, но ростом пониже и с кудрями не светлыми, а черными, с лицом постоянно улыбающимся, отчего узким полумесяцем широко растягивался его рот и шариками округлялись блестящие, как у целлулоидной игрушки, щечки; и очень сильно блестели его глаза. «Неадекватный малый, — с легкой мимолетной досадой подумал Андрей. — Будь у него хоть на одном из снимков такая улыбочка, не выбрал бы...» Потом подошел невысокий крепкий парень серьезного вида, лет около тридцати, в черных брюках с ремнем и в белой в тонкую оранжевую полоску рубашке с тоненьким оранжевым галстуком.

Наблюдая, как проявляется конструкция, ее разработчик вместе с приятным изумлением испытывал и радость, и гордость. Он вновь начинал чувствовать себя творцом, созидателем! Все трое стояли и глядели по сторонам, не обращая

внимания друг на друга. Но тут стремительно подошла хрупкая девушка с простенькой прической темных прямых волос (мечущийся сзади хвостик), в ситцевом, белом в синих незабудках платье, больше похожем на сарафан, и остановилась у ограждения газона, подняв медную тросточку с белой картонной табличкой, на которой было начертано тушью: «Абстрактный выбор». И тут же Андрей увидел, как на той стороне площадки со скамейки поднялась та, которую он ждал больше всего, и грациозно, покачивая сверкающей на солнце лакированной лимонной сумочкой, пошла сюда на фоне ползущих по проспекту машин, среди шагнувших в обе стороны людей; и он не сразу заметил, как через несколько секунд с той же скамейки поднялся человек в форме полицейского и пошел за ней. А на девушку с табличкой, на Анну Снегиркину, уже смотрели все подошедшие, в том числе и мужчина лет сорока в джинсовом костюме из «варёнки», с торчавшей грифом вверх, как ружье, гитарой за плечом, подошедший секундой раньше, чем та, которую Андрей ждал больше всего и на которую смотрел сейчас заворожено, нежно произнося про себя ее имя: Всеслава. Умопомрачительно хороша была эта Всеслава, и взгляды всех, когда она приблизилась, поневоле притягивались к ней, к ее изумительным густым вьющимся каштановым волосам, спадавшим на красивые оборки лимонного платья, к ее золотисто-карим глазам с длинными мохнатыми ресницами, к ее лицу с беломраморной кожей и безукоризненно правильными чертами. Но тут же снова все повернули свои взгляды к Анне, громко и бойко заговорившей:

— Прошу внимания всех, кто пришел на тематическую встречу! Объявляю ее открытой. Тему вы, конечно, знаете...

— Странная тема! — воскликнул парень с оранжевым галстуком. — Я не очень понимаю...

— А чего тут не понять? — перебил его человек с гитарой. — Ничего странного! Тема важная. Вы посмотрите, чем нас сегодня кормят, какой музыкой! А ретро — это...

— Скажите, — перебил его неожиданно высоким и тонким голосом, обращаясь к Анне, беспечно улыбавшийся чернокудрый парень с блестящими, как целлулоид, щеками, которого Андрей назвал про себя неадекватным. — А представитель правоохранительных органов, — кивнул он на подошедшего и остановившегося за спиной Всеславы человека в форме, — он что, для охраны?

— Скорей, для контроля, — засмеялся светлокудрый. — Со стороны государства!

— Нет-нет! — с каким-то даже испугом поспешно сказала Всеслава. Голос у ней был низкий, но красивый. — Это мой муж! Он просто со мной!

— Считаете, если милиционер, то и потусить не может? — мягко улыбнулся муж Всеславы и слегка покрутил почти наголо остриженной рыжей головой. Свою форменную фуражку он держал в руке.

— Я предлагаю вернуться к теме нашей встречи! — сказал человек с гитарой. — Вот послушайте...

И он, сняв с плеча гитару, перекинул ее ремень назад через голову и, медленно и умело перебирая струны, запел: «Старый клен, старый клен, старый клен стучит в окно...» У него был приятный баритон. Ему сходила подпевать подошедшая в этот момент женщина его же примерно возраста, лет сорока, по профессии учительница, как сразу вспомнил погрустневший Андрей. А погрустнел он, конечно, от того, что Всеслава оказалась замужем. Он надеялся, что придет еще одна приглянувшаяся ему, самая молодая, но она не пришла, как не пришел и самый молодой из выбранных им парней — вопреки его ожиданиям: он-то думал, что не придут, скорей всего, вот эти двое сорокалетних. Но они были здесь, и у них получался неплохой дуэт, их слушали, им даже поаплодировали.

— А круто! — резюмировал светлокудрый. — Я это вроде даже где-то слышал...

— И я вроде... — подхватил чернокудрый.

— Ну что же вы, мальчишки! — с укоризной сказала Всеслава. — Это песня из знаменитого фильма! А вот еще давняя песня, в ней тоже — клен... Подыграйте, пожалуйста, — попросила она гитариста и запела под его аккомпанемент своим низким красивым голосом: «Там где клен шумит...» Ей подпевали муж и учительница.

Только они закончили, парень с оранжевым галстуком сказал:

— А мне нравится «Мокрый клен за окном»... Знаешь? — спросил он гитариста.

Тот кивнул:

— Туристский гимн, — и спел под ритмичный бой пару куплетов.

— Хотя мне больше нравится другое... — сказал парень с оранжевым галстуком.

— Современное, наверное? — улыбаясь, предположил полицейский. — Что-нибудь вроде «Стильный оранжевый галстук», да?

— Мой галстук хоть и оранжевый, но не стильный! — несколько заносчиво сказал «оранжевый галстук». — Такие

носили в шестидесятые годы прошлого столетия. И я ничего не имею против ретро-музыки...

— А я думаю, — хихикая, сказал чернокудрый, — ретро оно и есть ретро, и ему место в прошлом...

— Ну, не скажи-и! — слегка даже возмутился светлокудрый.

— Не надо так категорично! — поддержала его учительница.

И тут подала свой громкий голос Анна Снегиркина, стоявшая все так же с поднятой табличкой:

— Дорогие друзья! Это очень хорошо, что у нас всё так оживленно идет, но я думаю, надо бы наше мероприятие как-то систематизировать...

— Очень правильное замечание, — отметил гитарист. — И начать надо с самого начала. А именно: поясните, пожалуйста, что означает «Абстрактный выбор»?

— Тут всё просто, — уверенно ответила Анна. — Полная отвлеченная тематическая свобода. Бесконечное разнообразие содержания тусовок, свободное парение в интеллектуальных просторах...

«Во шпарит!» — подумал Андрей. Он вообще-то сам толком не знал, почему дал такое название, и ему бы немалых трудов стоило выпутаться, окажись он сейчас на месте Снегиркиной. «Что ни говори, — думал он, — а с этой Анной я попал в точку». Он уже и забыл о своей грусти по Все-slаве, ему становилось весело. Он любовался созданной им конструкцией. Ему очень нравилось, как она работает.

— И кстати, — продолжала Анна, — любой из вас может предлагать на будущее свои темы. Мы не намерены повторяться. Новая встреча — новая тема. Все, что предложите, примем к сведению, обсудим...

— С Ресфейдеровым? — поинтересовалась учительница. — А где он? Покажите.

— Игнатий не смог прийти. Я за него. Итак, продолжим...

— Но лучше не здесь, — сказал «оранжевый галстук». — Что мы, в самом деле, стоим-то? Вот же кафе. Пойдемте, сядем. Кто хочет пива? Или чаю, кофе? Угощаю всех.

— О! Так ты состоятельный! — засмеялся гитарист.

А чернокудрый, подхихикивая, выдал своим тонким голоском:

— Типа олигарх!

— Нет, я не олигарх. Я простой скромный предприниматель. Но угостить товарищей могу.

— Товарищей? Очень к месту, — с иронией сказал полицейский. — Тоже из категории ретро.

— Не согласен, — сухо отреагировал «оранжевый галстук». — Для меня это то, что необходимо как раз сегодня! Ну, пойдемте, пойдемте...

И все восемь человек один за другим потянулись в кафе, входя из солнечного света в тень опрокинутого цветка лотоса, и Андрей быстро переместился на другой стул, чтобы лучше их видеть. Он мелкими глотками допивал остатки чая и украдкой наблюдал за ними из-под низко надвинутого козырька кепки из тонкой фиолетовой материи. А они расселись на белых пластмассовых стульях, за двумя белыми пластмассовыми столами, которые с грохотом сдвинули полицейский и светлокудрый, и пока «оранжевый галстук» носил от стойки бара пиво в бутылках, пить которое согласились только двое — гитарист и Всеслава, а затем тарелки с бутербродами и пирожными и чашки с кофе и чаем, Анна начала беседу по всем правилам круглого стола, задавая вопросы и давая возможность отвечать на них каждому по очереди, что, впрочем, не мешало то и дело вспыхивать полемике, и даже уходить в сторону, порой и в острую проблематику; и когда прошли в вопросах и ответах на несколько кругов, гитарист спел пару старых добрых песен, и ему подпевали, а затем он поставил гитару у стула и крикнул бармену:

— Юноша, нельзя ли включить музыку?

И добавил, как бы подводя черту, а точнее, выражая общее итоговое мнение, консенсус, выработанный в ходе встречи:

— Только ретро, пожалуйста!

И тут же зазвучала красивая мелодия «Манчестер-Ливерпуль». Гитарист пригласил учительницу и повел ее возле стола в медленном танце, а чернокудрый, улыбаясь, блестя глазами и щечками, бросился к Всеславе и пригласил ее... Глядя, как к тусовке подключаются и те, что сидели за другими столами, а потом и просто проходившие мимо, как всё это ширится, выплескиваясь за пределы кафе на площадку, как медленные танцы сменяются быстрыми под бешеные битловские ритмы, Андрей чувствовал мощный внутренний подъем, и насторожился лишь когда к «Лотосу» свернули двое постовых, но тут же и успокоился, поскольку к ним сразу подошел муж Всеславы, на ходу надевая на голову свою фуражку, и после короткого его пояснения и дружелюбного обмена рукопожатиями и улыбками эти двое пошли дальше. Андрей поднялся из-за стола, прошел между танцующими и разговаривающими в кафе и вышел из него к танцующим и разговаривающим на площадке.

— Вы позволите пригласить вас? — тронул его кто-то за плечо.

Он обернулся. На него с интересом смотрела снизу вверх Анна Снегиркина.

— Да... Конечно...

И они медленно закружили среди танцующих.

— А то, я смотрю, вы один... — сказала Анна, всё глядя на него, так что ему становилось не по себе, но вместе с тем хотелось получше рассмотреть ее вблизи, и он не отводил взгляд. Ее глаза искрились в свете наливающегося желтизной солнца, а лицо сияло счастливым довольством человека, успешно завершившего свое дело. — Вы тоже здесь по приглашению Игнатия Ресфейдерова? — спросила она, и Андрей почему-то не смог возразить, ответил:

— Да.

— И как вам? Нравится?

— Очень! — воскликнул Андрей и подумал: «Еще б не нравилось мне такое изобретение!»

— Неудивительно, — сказала Анна и вдруг спохватилась: — Ой, я же совсем забыла! Мне надо отсалютовать нашему главному! Подождите, я на секунду... Мой планшет в сумочке... Я вернусь...

И побежала в кафе, как сразу понял Андрей, отчитываться перед ним по Интернету.

Он повернулся и быстро пошел к подземному переходу, оставляя позади ретро-музыку и наслаждаясь небывалым ликованием в душе, — наслаждался и по пути к остановке, и в автобусе, и дома, когда читал на экране ноутбука сообщение от Снегиркиной: «Игнатий, привет! Ура-а-а! Первый блин не вышел комом! Всё прошло без задоринки и очень даже презентабельно! При встрече расскажу подробно. Надеюсь, продолжение будет на той же высоте!»

3

А он еще и не думал ни о каком продолжении, для него это было чем-то вроде случайного эксперимента. Теперь же решил продолжать. Внутреннего подъема ему хватило на целых пять дней, отсюда он сделал вывод, что тусовки следует проводить не реже одного раза в неделю, а иногда, пожалуй, и два раза в неделю. И надо, не обнаруживая себя, присутствовать на каждой из них. Он позвонил одной из своих политеховских однокашниц, сумевшей устроиться лишь распространителем билетов в театр, и вскоре она передала ему в родной студенческой столовке пластиковый пакет, набитый списанным театральным реквизитом: парики, бороды, усы, бакенбарды и брови. Всё это он тщательно прочистил, прочесал, отреставрировал. И на вторую тусовку пришел борода-

тым, с густыми бровями, и ему сразу бросилось в глаза напряженное и даже несколько встревоженное ожидание на лице Анны Снегириной, — она всё высматривала и высматривала кого-то среди собравшихся на Центральной набережной у киосков и открытых кафешек и пивнушек. Он почувствовал, что высматривает она его, но себе сказал: «Ерунда, с чего бы? И разглядеть толком не успела, и не помнит скорей всего».

Анна снова была ведущей, он попросил ее по электронке, сославшись опять же на неожиданные обстоятельства, понимая, что сослаться на них до бесконечности не выйдет, и сослался только еще один раз, а уже в следующий, перед четвертой тусовкой, написал: «Анна, мои обстоятельства связаны, к сожалению, с невозможностью вообще присутствовать на наших мероприятиях — по той причине, что я прикован... Прости, что не сказал сразу. Надеюсь на твое понимание». Многоготчие после слова «прикован» он поставил дабы не наговаривать на себя ненужного, фразу же закончил мысленно: «к своей судьбине» — в расчете, конечно, на то, что Анна подумает: он прикован к постели. Так и вышло: после не очень длинной, но очень тягостной для него паузы она ответила: «Игнатий, сочувствую! И понимаю! Готова продолжать наше дело. Я уже им живу. О твоих обстоятельствах никому говорить не буду. Давай расширять круг наших тем и участников!» Он глубоко, с облегчением вздохнул, откидываясь на стуле и чувствуя благодарность Анне за ту внутреннюю свободу, которую она ему только что подарила; в памяти мелькнуло ее лицо, ее глаза, глядевшие на него с интересом, и только сейчас до него дошло, что они красивы, эти глаза, темно-карие, искристые, под остро поблескивающим коричневым мехом бровей; и защемило на сердце довольно приятно, он перевел взгляд от монитора влево к окну, вплотную к которому стоял его стол, и посмотрел с высоты седьмого этажа на улицу Льва Толстого, на машины, обгонявшие одна другую по землистого цвета старому асфальту мостовой, на людей, что копошились, как муравьи, у прилавков и киосков мини-рынка; ему подумалось, что среди них, возможно, есть те, кто станет деталями его конструкций, и внезапно увидел в этом мельгешении, представлявшемся ему не чем иным, как стихийной тусовкой, один из его многих и многих нереализованных замыслов: свою собственную модернизированную конструкцию пневматического выталкивателя для винтового фрикционного пресса; увидел, как из воздухораспределительного крана в виде вон того грузного мужика, выливающего себе в рот остатки пива из бутылки,

воздух идет в цилиндр в виде двух упитанных юных подруг, плотно обнявших друг друга за плечи и что-то рассматривающих на лотке с какой-то разноцветной летней одеждой, а сам выталкиватель, длинный лохматый парень, скользит по направляющей втулке, за нее сойдут вон те четверо женщин, меж которых этот парень проталкивается; и выбрасывает из штампа после каждого хода ползуна детали, а это выходящие и выходящие с мини-рынка люди.

Его поразила точность этого сопоставления, перед глазами, пульсируя, сменялись конструкция механическая и конструкция людская, накладывались одна на другую и снова сменялись, веселя и доставляя, как говорил он в студенчестве, «летучий грифельный кайфец». И тут его осенило! Он подумал, что неосуществленное в том угасшем деле его жизни он может трансформировать в *тусерное дело*, получая если не точно такое же, то хотя бы схожее удовлетворение, но главное — избавляя себя от груза нереализованных замыслов, которые странным образом день ото дня продолжали накапливаться, всё больше отягощая нутро, так что приходилось изо всех сил сопротивляться: он запрещал себе думать об этом, но не мог запретить, — мозг работал вопреки его желанию, выдавая и выдавая новые идеи. Конечно, были сомнения в том, что смешение двух дел принесет схожее с прежним удовлетворение, но когда он выстроил очередную тусовку на основе своей конструкции авто-смазчика для гильотинных ножниц, а на другой день после тщательно отслеженного мероприятия ощутил, что этот замысел отстал от него, ушел бесследно, освободив нутро от своей части груза, словно был внедрен в производство, то и в самом деле почувствовал почти аналогичное прежнему удовлетворение. И дальше уже строил тусовочные конструкции только на основе конструкций инженерных.

За весь период этой своей деятельности, без малого год, он организовал около полусотни тусовок, вложив в них почти столько же конструкторских проектов, — *почти*, потому что некоторые конструкции использовал не по одному разу, улучшая их, либо что-то добавив, либо что-то отняв. Ядром участников оставил тех семерых, которые пришли в самый первый раз, и приглашал их всегда. Но лишь на одной тусовке были только они: в январе, в самый лютый мороз, когда он решил проверить прочность ядра и назначил встречу на тему «Адаптация к погодным условиям» на неасфальтированном перекрестке окраинного частного сектора, среди деревянных домишек, где не ходил городской транспорт и откуда до ближайшего кафе было не меньше трех километров. Его порази-

ло, до чего крепким оказалось это ядро, ведь пришли все семеро. Он чуть не отморозил ноги, наблюдая за ними издали в бинокль.

На остальных тусовках участников было больше, и все они проходили в людных местах, так что у него всегда была возможность, оставаясь неизнаваемым в разных гримах, пребывать в самой тусовке, в ее плоти, прохаживаясь среди собравшихся и чувствуя себя, что называется, в своей тарелке, уверенно и спокойно, должно быть, точно так же, как чувствовал себя в людской гуще *человек толпы* Эдгара По. Периодически он наращивал число участников и даже довел его до пятидесяти. Это был аналог поточной линии для высверливания отверстий и фрезеровки пазов в картерах малолитражных двигателей, которая не была его собственной конструкцией, но которую он сумел запустить, когда проходил ознакомительную практику на автозаводе, где его направили в техотдел и прикрепили к инженеру средних лет, внедрявшему эту линию, да как-то всё безуспешно: она уже была собрана, а работать почему-то не могла. Андрей двое суток безвылазно проторчал в цехе, то ползая по разложенным на полу чертежам у той поточной линии, то забираясь на нее и начиная орудовать гаечными ключами и отверткой, то наспех перекусывая в столовой или на час-полтора укладываясь подремать на лавочке в раздевалке, чтобы потом с новыми силами броситься в работу. В конце концов он во всём разобрался, нашел неполадки, устранил их, и линия пошла. Начальник цеха горячо благодарил его лично в своем кабинете — за чашкой чая и рюмкой ликера. А начальник техотдела уговаривал немедленно начать работать на полставки по совместительству с учебой. Инженер же был расстроен и поглядывал на него недовольно, хоть и тоже благодарил.

Позже Андрей, бродя по городу с листком поиска работы, зашел на этот завод, и в отделе кадров ему сказали, что функционирует теперь только цех ширпотреба, где выпускают алюминиевые ложки, латунные браслеты и прочую мелочь, а почти все остальные площади сданы в аренду торговым организациям, в том числе и цех, где работала поточная линия, которую он запустил; саму же линию размонтировали и увезли за границу. Разумеется, слышать это было горько, но именно в тот момент ему в голову пришла мысль, как изменить эту линию, чтобы скорость прохождения по ней картеров возросла минимум вдвое.

Ему стало еще горше от того, что у такой ценной мысли нет будущего, и только здесь, только для него она работала — на просторной прямоугольной заброшенной танцплощадке пар-

ка культуры и отдыха, куда привлеченные расторопной Анной Снегиркиной спонсоры притащили столы и стулья и расставили на выщербленном и усыпанном осенней листвоной бетонном полу, соорудили из таких же столов и пивных ящиков нечто вроде буфета с напитками и закусками, которые тут же начала продавать девица под два метра ростом в коротеньком зеленом атласном платье, белом кружевном фартучке и белом чепчике.

Притащили и музыкальный компьютер, и колонки с микрофоном, развесили по высоким ромбовидным реечным ограждениям гирлянды цветомузыки. И началось действие, которое все так же уверенно и четко, взяв микрофон в руки, повела Анна — по своему сценарию на спортивную тему; Андрей и собрал здесь в основном спортсменов, из пятидесяти человек их было не меньше тридцати; именно они, решил он, должны наиболее достоверно воспроизвести поточную линию, и не ошибся: мощные мастера силового экстрима, перекидывая за скобы с места на место пятипудовые железные кубы и вскидывая на стойки едва не своего роста не менее тяжелые железные шары, олицетворяли запуск, а потешная эстафета акробатов с кувырками, кульбитами и перебежками по полу на руках с задранными на плечи ногами воссоздавала само движение деталей по линии, как и лихие пляски любителей спортивного рок-н-ролла; ну а выход прошедших через все операции картеров он видел в армрестлинге, когда и мужчины, и женщины, сидя друг против друга и сцепившись руками, силились прижать к столу руку противника.

Он с удовольствием взирал на все это из затененного угла. На нем был длинный парик и пышные усы, обвисшие, как у запорожца. Особенно радовало его количество участников, заполнивших столы у ограждений с обеих сторон танцплощадки, ибо в этой пестрой массе виделись ему склады, куда поступала готовая продукция; и он наслаждался, отчетливо представляя, как поступает она в полном соответствии с его рационализаторской мыслью — минимум в два раза быстрее, чем прежде.

И вдруг он увидел Всеславу. Она одиноко сидела за одним из столов, с пивной кружкой в руке. Вид у ней был неожиданно потерянный, несчастный. Ноги сами понесли его к ней.

— Не желаете потягаться на руках? — весело спросил он, садясь за стол напротив нее и выставяя растопыренную пятерню.

Она подняла на него взгляд своих красивых карих глаз, и он увидел, что в них нет теперь золотистого оттенка, вместо него — мутноватая пелена и хмельной блеск.

— Давай! — пьяно сказала она, тряхнув своими великолепнейшими каштановыми волосами, сделала глоток из кружки, поставила ее на стол и выставила руку.

Он нежно взял ее двумя руками и спросил:

— Вы сегодня одна? Без своего супруга-милиционера?

— Он бросил меня, гад-деньш...

— Да вы что? Не понимаю, как можно бросить такую женщину!

— А потому что я, видите ли, попивала... — Она отняла свою руку от его рук, взяла кружку и сделала крупный глоток. И тут же опустила голову на стол и затихла. Андрей осторожно высвободил из ее руки кружку и понюхал. Коньяк.

— Всеслава, что с тобой? — подскочил к столу мужчина в джинсовом костюме, тот самый, что играл на гитаре и пел на первой тусовке. Гитара и сейчас торчала грифом вверх из-за его плеча. Он снял гитару, поставил на пол, прислонив грифом к стулу, и осторожно приподнял голову Всеславы. Она что-то промычала с закрытыми глазами и как-то не по-женски всхрипнула. Гитарист бережно опустил ее голову и, скользнув по Андрею чужим взглядом, повернулся к подошедшей учительнице, которая на первой тусовке пела с ним дуэтом: — Оля, она опять перебрала!

— Кто ж повезет-то ее теперь, Володя? — со вздохом сказала учительница.

— Я отвезу! — вызвался подошедший чернокудрый паренек, беспечно улыбающийся, отчего всё так же округлялись его целлулоидно блестящие щечки, а глаза опять же блестели так сильно, что Андрей подумал: «И все-таки он неадекватный!»

Неадекватный полез в карман за телефоном, всё улыбаясь и говоря:

— Отвезу ее на такси. Сейчас вызову.

Но гитарист осадил его:

— Стоп, Славик! Не надо. Тебе не доверим.

— Ребята, что у вас там?! — крикнула в микрофон Анна Снегиркина сквозь загремевшую музыку. И быстро подошла с микрофоном в руке. — Ой, кошмар! А где Виталий?

— Мент сбежал от нее, — сказал гитарист. — Ты еще не в курсе, что ли?

— Теперь в курсе. Ну, мы тогда вот как сделаем, — деловито сказала Анна и крикнула в микрофон в сторону группы, собравшейся в центре танцплощадки: — Саша! Иванов!

От группы тут же отделился светлокудрый паренек, тот, что пришел на первую тусовку самым первым, и быстро подошел.

— Значит, так, — сказала ему Анна. — Поможешь Антону... Сейчас он закончит, — кивнула она в сторону центра площадки.

А там стоявшие кружком участники тусовки смотрели, как отжимается от пола «оранжевый галстук». Он и сейчас был в оранжевом галстуке, повязанном на белую рубашку с оранжевыми полосками. Только поверх рубашки на нем была легкая ветровка. Вот он закончил отжиматься, и Анна позвала его в микрофон. Он подошел и, тяжело дыша, довольно сказал:

— Восемьдесят семь! Похоже, я всех сделал!

— Антон, — сказала Анна. — Приз получишь на следующем мероприятии...

— Правда, когда я играл в регби, то отжимался больше, — говорил «оранжевый галстук» Антон, раскатывая рукава ветровки. И присвистнул, увидев спящую за столом красавицу. — А это еще что такое? Всеславка-то наша...

— Отвезешь ее домой на своей машине, — сказала Анна. — Саша тебе поможет.

— Есть! Позвольте, молодой человек, — посторонил Антон встающего со стула Андрея, обошел стол и взял под локоть Всеславу: — А ну-ка, дорогая... Вставай, вставай...

С другой стороны Всеславу взял под локоть Саша Иванов. Андрей стоял среди этих семерых, одновременно и гордясь собой, ведь это он создал такое славное, такое дружное ядро, и вместе с тем досадуя от того, что нельзя им об этом сказать. Для них он посторонний, и даже Анна, подумалось ему, скорей всего, не узнала бы его сейчас, будь он в своем естественном виде, без грима. Он смотрел, как Антон и Саша уводят с танцплощадки Всеславу, как усаживают ее в красную иномарку, а потом садятся сами и уезжают, и на мгновение, на одно только мгновение ему очень захотелось, чтобы и у него была такая машина, и чтобы он мог вот так же увезти на ней Всеславу.

На следующую тусовку он пришел без грима. Это было спокойное по замыслу мероприятие, потому как слишком уж беспокойным было предыдущее; со спокойным же аналогом, механизмом подачи нагретых заготовок в ковочные вальцы, на что потребовалось девятнадцать человек. Тема его: «Мысль семейная. Прав ли был Лев Толстой, утверждая, что без семьи невозможно полное счастье?» Ее предложил кто-то из участников, наверное, учительница Оля (с темами проблем не было, их присылали и присылали, и тем накопился уже громадный банк, сотни и сотни). Собрались в Доме культуры пригородного поселка «Золотые луга». Андрей пришел пораньше и стоял у гардероба, глядя на тех, кто входил с ули-

цы в ранних осенних сумерках. И как только увидел Всеславу, подошел к ней и сказал:

— Здравствуйте. Как вы?

Она, снимая плащ, мельком взглянув на него, кивнула и быстро пожала плечами, мол: вроде нормально. Он, обмирая сердцем и что-то спрашивая, принимал у ней плащ, сдавал в гардероб и отдавал ей номерок, а потом стоял с ней рядом, пока она, отвечая ему, расчесывала свои изумительные волосы у зеркала, и всё это в ровном гуле голосов, в неярком электрическом свете фойе, с томительным волнением и неровно стучащим сердцем, покуда над ухом не прозвучало недовольно-скрипуче:

— Что же ты меня не дождалась?

Андрей оглянулся. Рядом с ним стоял высокий человек возрастом за шестьдесят. Он снимал с седой головы черную кепку и, глядя на Всеславу сквозь толстые стекла очков, нудновато выговаривал:

— Я же тебе сказал, что здесь две конечные остановки: одна рядом, а другая аж за два километра, у кладбища. Один автобус доезжает туда, а следующий — сюда, и так они чередуются через один. А ты, нет чтобы подождать меня на остановке возле кинотеатра...

— Я села на первый подошедший да и всё.

— И шла пешком эти два километра!

— Ничего страшного, — спокойно ответила Всеслава и сказала Андрею: — Познакомьтесь. Это мой новый муж.

Новый муж подал Андрею руку и подробно представился. Из его слов Андрей только и разобрал сквозь внезапный шум пульсирующей в висках крови: врач-нарколог, доктор медицинских наук.

— Андрей, — хмуро сказал он.

И тут же сзади послышалось:

— Андрей? Вот как! А я — Аня. Будем знакомы.

Он обернулся и механически взял руку, которую протягивала ему Анна Снегиркина. И стоял, косясь на Всеславу, продолжавшую препираться со своим новым мужем, и остро желая, чтобы в его руке была сейчас не вот эта рука, которую он держал, а рука Всеславы. Анна же, глядя на него радостно искрящимися глазами, не отнимая руки, говорила:

— Что ж вы исчезли тогда? И почему так долго не появлялись! А у нас всё протекает так славненько! Вы сегодня сами убедитесь! Пойдемте, — и она повела его за руку в тот конец фойе, где у буфета советских времен стояли общепитовские столы советских же времен, с десятков, и за ними рассаживались пришедшие.

Анна усадила Андрея за крайний стол, где, как и на других столах, стояли чашки с дымящимся чаем и тарелки с выпечкой, и сказала:

— Сейчас я запущу мероприятие, и мы с вами поговорим.

И вышла на середину, и постояла среди столов, подождала, когда все усядутся, а потом сказала несколько фраз и передала слово Ольге, учительнице. И вернулась к Андрею, села с ним рядом за стол. Все смотрели на Ольгу, а та немного поговорила о семейных ценностях и жестом позвала к себе Володю. Он вышел с гитарой, сказал под струнный перебор, что исполнит песню собственного сочинения «Семейный портрет», и запел своим приятным баритоном.

— А вы кем работаете, Андрей? — тихо спросила Анна.

— А вы кем?

— Я журналист. Учусь на пиаре, последний курс. Сотрудничаю со многими газетами, с двумя журналами. Ну и вот, кручусь в «Абстрактном выборе»... И кто же вы по профессии?

— Дворник.

Лицо Анны слегка вытянулось, она чуть подалась назад, но тут же улыбнулась:

— Вот как? А я думала, минимум преподаватель вуза. Образование-то, конечно, высшее?

Андрей кивнул:

— Политех.

— А-а, поняла, поняла... Этой темой я тоже занимаюсь. Всё поразрушено, никакой востребованности... Но хоть что-то пытаетесь найти?

— Пытаюсь, — соврал Андрей, глядя туда, где сидела Всеслава. Она с удовольствием пила чай, перешептываясь с новым мужем, и Андрею стало понятно, что этому наркологу с его профессиональными навыками удалось начисто отлучить ее от спиртного. Вскоре он стал забывать о ней, не потому что понял: Всеслава для него потеряна, а потому что как-то незаметно для себя втянулся в беседу с Анной. Они быстро перешли на «ты». Его не удивляло внимание Анны к нему, он был привычен к этому еще со школы, он нравился многим сверстникам. Внешностью Андрей был не в отца, а в мать: очень даже симпатичный. В институте кое-кто считал его бабником, хоть это было и не так. Но ему тоже многие нравились. Он любил вглядываться в девичьи лица, и мог разглядеть в них то, что разглядеть не так-то просто, и сейчас, вновь чувствуя большой внутренний подъем от безукоризненной работы своей конструкции, краем глаза наблюдая, как разворачивается полемика, и взлетают руки то в одном, то в другом месте, и сыплются реплики и возражения, которые с трудом

успевают парировать учительница, он исподволь вглядывался в лицо Анны и убеждался, что глаза ее и правда красивы, да и в целом внешность ее приятна, но главное, в ней есть нечто такое, что способно притягивать душу, как притягивает железо сильный электромагнит (из тех, что не раз доводилось использовать ему в изобретенных им конструкциях), чего, пожалуй, и во Всеславе нет, и всё больше чувствовал это притяжение и всё внимательней слушал Анну, тем более что она высказывала нечто очень заинтересовавшее его:

— Об этом законе нам говорил в университете один преподаватель литературы. Он называл его законом сохранения художественности. Его открыли литературоведы. Суть в том, что в любое, самое гиблое время художественность сохраняется в виде спорадических проявлений, разбросанных по текущей литературе. А я переношу этот закон на жизнь вообще и называю его *законом сохранения основы*. Ему подчинена любая, в том числе и твоя, Андрей, сфера. И если по большому счету промышленность развалена, то всё равно не может не сохраняться ее основа в виде каких-нибудь островков: где-то завод не совсем погиб, где-то на развалинах появилось новое, пусть и небольшое, производство, их сейчас открывают предприниматели. И ты можешь вполне найти что-то по своему профилю. Я даже могу тебе помочь, я в контакте со многими... Хочешь?

— Нет! — мотнул головой Андрей.

— Почему?

— Или всё, или ничего!

— Зря... От синицы в руках не отказываются. Я знаю одного инженера, он тоже остался без работы, но сориентировался и занялся бизнесом, открыл свое маленькое предприятие, изготавливает разные детальки по заказам. И расширяется. Ему и люди, я думаю, нужны; могу позвонить ему, замолвить за тебя словечко. Я и с другими знакома... Ты подумай. Вот моя визитка, — достала Анна из нагрудного кармашка своего костюма картонный прямоугольничек и протянула Андрею. — Звони, если надумаешь, — и добавила с застенчивой улыбкой: — Да и вообще... звони...

Он взял визитку, сунул в карман пиджака и спросил:

— А ты живешь-то с кем? С родителями?

Она оживилась и выпалила на одном дыхании, что да, живет с родителями-учителями, есть и старший брат, он семейный, пошел по родительской стезе, только учит не математике, а географии, и она тоже хотела было в учителя, да вот потянуло в другое... смена мест... трое суток шагать... Он слушал вполуха, а потом и вовсе перестал слушать, сначала за-

думавшись, а потом испугавшись: как вот продолжать с ней всерьез? — с дворничьими-то доходами?! И когда она встала и, предупредив, что вернется, пошла помогать Ольге выравнивать ход тусовки, теряющей управление, как теряет его попавший в пике самолет, он потихоньку улизнул, твердо решив больше в своем обличье на тусовках не появляться.

4

И впредь приходил закамуфлированным, и всякий раз видел, как в первые минуты Анна кого-то ищет напряженным взглядом. Его, конечно, его. Теперь он не скрывал от себя этого, но не хотел и думать об этом, и удалялся сразу, как только получал свою порцию заряда — порцию того, что стало движителем его жизни, позволяло уже не без удовольствия кидать снег лопатой или махать метлой, давало возможность радоваться успокоенности и даже довольству на лице матери, когда она, не зная и не спрашивая, куда исчезает он временами, видела его просветленное после этих исчезновений лицо, — и шел дальше по пути аннигиляции своих замыслов, в том числе и одного из самых важных: устройства для взрывной штамповки, куда в качестве взрывчатого вещества заложил двоих недавно отсидевших за хулиганство.

Это было весенним субботним днем у главпочтамта, где всегда многолюдно, тем более в выходной, так что их группа из четырнадцати человек не особо приметна была в толпе. Куда больше приметна была другая группа. Человек двенадцать молодых парней, все в безрукавках цвета металлической окалины, надетых поверх зимней одежды (весна была в самом начале) выстроились в ряд плечом к плечу поблизости от переполненной людьми остановки. У пятерых в руках были транспаранты, а один ходил возле шеренги и выкрикивал в мегафон:

— Все, кто с нами солидарен, присоединяйтесь! Мы за возрождение промышленности и за отставку правительства, которое продолжает ее разваливать! Мы требуем от власти ответственности за будущее молодежи! За наше будущее!

Было пасмурно, довольно резкий ветерок разносил повсюду, наверное, последнюю в этом году снежную крупу. Сгрудившиеся у широкой лестницы главпочтамта вокруг Анны Снегиркиной участники тусовки наперебой говорили, что надо идти куда-нибудь в тепло. Анна отвечала, что это мероприятие на тему «Огонь в нашей жизни» и запланировано под крышей, и сейчас они пойдут в музей пожарного дела... И тут эти двое молодых, отсидевших за хулиганство, стали на разные голоса кричать в сторону парней в безрукавках:

— Лохи! Вы чё там буровите?! Эй, лохи! Какое вам будущее? Кичман ваше будущее! Вы чё на танки-то с вилами идаетесь!

Оба были пьяненькие, в руках держали откупоренные бутылки с пивом, оба в расстегнутых черных куртках, у одного под ней тельняшка, у другого заношенная голубая майка, съехавшая вниз и обнажившая какую-то крылатую наколку; на головах у обоих повернутые козырьками назад кепки, и видно, что оба лысые; впалые физиономии покраснелись, глаза блестят зло, а мокрые рты продолжают выкрикивать всякую ахинею, пересыпанную жаргонными словечками. Анна стала одергивать их, другие тоже. Андрей, стоявший среди них, в почти полностью закрывавшем лицо парике до плеч и в больших округлых очках с простыми светло-зелеными стеклами, тоже крикнул, чтоб прекращали. Но те продолжали свое. Андрею показалось, что кто-то и из участников тусовки поддерживает их, кричит в голос с ними. Кто именно, Андрей не видел, но подумал, что это, возможно, неадекватный Славик. И тут к ним двинулся, разъяренно темнея скуластым лицом и наталкиваясь на прохожих, парень с мегафоном, рослый, широкоплечий. За ним двинулись остальные. Их группа приближалась, просачиваясь сквозь сито снующих людей, в мареве кружащихся снежных круп; приближались и транспаранты, а ведущий на ходу грозно орал в мегафон:

— Вы кто такие?! Какого черта мешаєте нам работать?!

— А вы кто такие?! — крикнул один из отсидевших.

— Чё отдыхать-то нам мешаєте?! — крикнул другой.

Не так, ох, совсем не так, как задумывал Андрей, работало это «взрывчатое вещество»!

— Мы — оппозиция! — проорал в мегафон, останавливаясь, ведущий пикетчик. За его спиной остановились другие. Ходившие вокруг люди тоже останавливались и смотрели на происходящее.

— Хилая оппозиция?! — ехидно крикнул первый отсидевший и захихикал. — Ой, держи меня, Васян! — и повалился назад, прямо в руки подхватившего его друга.

— Наше движение — за восстановление всего разрушенного! — громогласно отчеканил в мегафон оппозиционер. — А вы что за компания? Чем вы тут занимаетесь?!

— Менты! — сказал Васян своему приятелю.

И оба отсидевших в мгновение ступевались. Только и видно было, как мелькнули их пятки.

А сюда и в самом деле шли двое полицейских. И когда подошли, участники тусовки притихли и стояли в оцепенении.

— Что тут за ругань? — строго спросил один из полицейских.

— Да у нас, понимаете, пикет... — начал объяснять скуластый оппозиционер, уже не в мегафон. — Санкционированный. Вот, пожалуйста, документы...

Началось медленное и долгое выяснение... Наконец полицейский вернул документы оппозиционеру и сказал, посмотрев на свои наручные часы:

— Пикет регламентирован до четырех. Ваше время истекло.

— Но мы же только начали! Всё время ушло на разборки! Позвольте еще пятнадцать минут...

— Нет! Время вышло! Всё!

— Ну спасибо вам! — недобро повернулся к тусовщикам скуластый. И сказал своим соратникам: — Уходим!

И оппозиционеры побрели прочь.

— А у вас что за сборище? — посмотрел полицейский на стоявшую впереди всех Анну и на остальных, сгрудившихся за ней.

— У нас всё нормально, Валентин! — сказала Всеслава. Она стояла среди других, держа под руку на возвышавшегося над ней врача-нарколога.

Взглянув на Всеславу, полицейский усмехнулся, шепнул что-то своему напарнику, кинул кисть руки к шапке, и оба пошли к остановке. А участники тусовки отправились вслед за Анной в тепло музея пожарного дела.

Больше Андрей не рисковал, подбирал только достойных, как и раньше, и всё шло хорошо — прямым ходом к годовщине «Абстрактного выбора», которую Анна хотела пышно отпраздновать, предлагая собрать человек тридцать самых лучших, проверенных, и чтобы всё было с живой музыкой, с фейерверком и салютом. И она впервые сама присматривала место. Для Андрея же это должно было стать воплощением его давней мечты — автоматической линией по изготовлению покровов шатуна, чего еще, может, не было во всем мире; во всяком случае, в стране не было.

И оставалось до годовщины всего-навсего полторы недели, когда собрались на очередную тусовку, на площади у музыкального театра. Вновь была суббота, теплый и даже довольно жаркий день середины мая, и всё вокруг уже было зеленым-зелено: трава на газонах, листва на кустах и деревьях. Правда, сирень еще не расцвела. Ясное голубело над головой небо, весело играло в струях фонтана солнышко, и настроение у всех было веселое, да и тема соответствовала: «Что такое настоящее веселье?» И уже были готовы повесе-

лить всех четыре политеховских кавээнщика, как вдруг по другую сторону от фонтана послышался громовой мегафонный голос:

— Правительство — в отставку! Промышленность — восстановите! Заводам — новую жизнь! Мы за возрождение всего, что разрушено...

Все повернулись туда и увидели стоящих в ряд молодых парней в безрукавках цвета окалины поверх летней одежды и их ведущего с мегафоном в руках. На них смотрел и Андрей, он был в кучерявом парике с бакенбардами, с приклеенными усиками и острой бородкой, в солнцезащитных черных очках.

И вдруг рядом с ним взвился тоненький и звонкий крик:
— О! Да это же те лохи!

Кричал неадекватный Славик. Значит, это он, точно он, поддерживал у главпочтамта двоих отсидевших! Вот где Андрей пожалел, что связался с ним. Не надо было его включать в ядро, да и вообще не следовало приглашать после первой тусовки! Со своей улыбочкой до ушей, с очень сильно блестящими глазами и целлулоидно сверкающими на солнце округлыми щеками, встряхивая черными кудрями, Славик выскочил вперед и визгливо закричал:

— Эй, лохи! Вы опять за свое! Вовремя! Нам как раз надо повеселиться!

Анна осекла его:

— Прекрати!

Но тут неожиданно загоготали и закричали кавээнщики и кто-то еще. На пикетчиков обрушился шквал выкриков и хохота, а их ведущий, замерев на несколько мгновений, сорвался с места и подбежал, крича в мегафон:

— Это вы?! Опять вы?! Что у вас за тусовки не по делу?!

И, увидев табличку на медной тросточке, которую не успела убрать Анна, закричал еще громче:

— «Абстрактный выбор», значит?! Ну ничего, мы вас конкретизируем! Кто у вас главный тусер? Ты, что ли, клоун? — ткнул он пальцем в неадекватного Славика. — Или вы, деушка с табличкой?

За ним подбежали соратники, да с такой яростной прытью, что нечаянно втокнули его в гущу тусовщиков. Началась возня, и Андрей, побоявшись, что слетит парик, поспешил уйти. Последнее, что долетало до него:

— Вы срываете нам пикет во второй раз! Это даром вам не пройдет! Мы не такая уж хилая оппозиция, как вам думается, можете в этом не сомневаться! Мы найдем вашего тусера! Обещаю, найдем!

Вечером Анна писала Андрею по электронной почте, что произошел небольшой инцидент, но мероприятие все-таки провели, удалившись на пустынный пляж...

5

Через день, когда Андрей сидел за компьютером, тщательно подбирая участников празднования годовщины «Абстрактного выбора», из коридора послышалась трель домофона. Он подумал, что это мать, как всегда, пришла с работы на обед. И подошел к двери, снял трубку и сказал:

— Да.

В трубке послышалось:

— Вам срочное сообщение. Спуститесь, пожалуйста.

Голос, похоже, был девичьим. Андрей спустился в домашней одежде и тапочках.

— Вы Игнатий Ресфейдеров? — прозвучал тот же голос, когда он вышел на крыльцо, и дверь подъезда со щелчком закрылась за его спиной.

Но это была не девушка, а маленький светловолосый паренек в красной футболке и джинсах. На первый взгляд ему можно было дать лет четырнадцать. Он стоял у «газели» с тонированными стеклами, держа в руке ноутбук.

— Да... н-нет... — растерянно проронил Андрей.

— Ну, конечно же, нет! — обрадовано крикнул выскочивший из «газели» рослый широкоплечий скуластый парень, в котором Андрей сразу узнал ведущего пикетчика. — У вас есть подлинное имя — Андрей Лопатин. Не правда ли?

«Как они смогли так быстро меня найти?» — ошарашенно подумал Андрей. И повернулся было к двери, чтобы открыть ее домофонным ключом, но ведущий в два прыжка взлетел на крыльцо, а за ним — еще один, тоже выскочивший из «газели», сухощавый, шустрый, с острым, как у лиса, лицом. И они вдвоем аккуратно взяли Андрея под руки, увели в машину и усадили на переднее сиденье лицом назад, а сами сели на другие сиденья, лицами к нему. Вошел и паренек с ноутбуком и сел, тоже лицом к Андрею. Дверь автоматически закрылась, погрузив салон во тьму, и «газель» поехала, покачиваясь на ухабах и ямах разбитых дорог Новосёлки. Вскоре загорелся свет, и перед Андреем замаячили и закачались лица этих троих. Они смотрели на него враждебно, правда, на лице паренька в красной футболке нет-нет да и мелькала насмешливая улыбка, и Андрей понял, что ему не четырнадцать лет, а где-то за двадцать.

— Не таким я представлял тебя, тусер, — сказал ведущий. — Не таким. На вид — серьезный человек. Как же это тебя угораздило? Что за деятельность ты развел? Сань, дай-ка взглянуть на его планы.

Паренек в красной футболке открыл ноутбук, постучал по клавишам и отдал ведущему:

— На, Иван. Тут всё.

— Да всё-то не надо, — сказал Иван, глядя на экран ноутбука. — Посмотрим выборочно. Вот, например, переписка с Анной Снегиркиной — это нам ни к чему. Личное нас не интересует. А вот тематику твоих тусовок, любезнейший, посмотрим! Итак! «Как оптимально провести досуг», «Десерт в нашей жизни», «Я видел инопланетянина»... И так далее...

— Пустота космическая, — сказал остролицый. — Это называется — пассивность! То же самое, что складывать иероглифы из стекляшек. Только кто произведет тебя в магистры этой игры? А? Мы бьемся за правду, за справедливость, ложимся костями, а ты...

— Хотя в руках у тебя мощное оружие воздействия на умы! — сказал Иван. — Да-а, Андрей, неправильно это, — покачал он головой укоризненно, будто говорил с ребенком.

Андрей резко бросил ему:

— Тебя бы в мою шкуру!

— А я в твоей шкуре! — так же резко отвечал Иван. — Я тоже инженер! Только производственный. Окончил тот же вуз, что и ты, на семь лет раньше тебя. Сначала был мастером на заводе, потом дошел до начальника участка, а теперь — в сторожах... Но мне бы такое в голову не пришло! Я — в борьбе! Пойдешь к нам?

— Нет.

— А что так?

— Да вот так. Не пойду и всё, — ответил Андрей и подумал: «Только не политика! Лучше детальки изготавливать!»

— Как знаешь. Но ты всё же подумай. Хотя наказания тебе по-любому не избежать. Мы обязаны его устроить...

Андрей не слушал. Он думал о том, что, наверное, прав этот, с лисьей физиономией. Наверное, он действительно занимался пустым делом. Но до чего жалко бросать его! Как вот теперь он будет избавляться от груза нереализованных замыслов? И вообще, чем станет заниматься? Может, и впрямь пойти к этим, в оппозицию? Стусовками, конечно, придется покончить. Он не успел разослать приглашения на следующее мероприятие, и это значило, что никто не был им обманут. Кроме Анны. Но с ней надо просто как можно быстрее встретиться и лицом к лицу всё объяснить. Поймет, небось. А если поймет, то и простит.

Дальше ехали молча, ехали долго, и когда вышли из машины, Андрей увидел, что они на другом краю города, в хорошо знакомых ему местах: поблизости стояли корпуса политехнического института. А здесь, в стороне от крупнопанельных девятиэтажек и пятиэтажек, на обширном пустыре,

за железным забором высилось большое примитивное строение. Андрей знал, что это газовая котельная. Ни одна из восьми таких котельных, разбросанных по всему городу, не работала: в первую же зиму после их запуска выяснилось, что для отопления жилых массивов они не пригодны. Об этом на лекциях в политехе рассказывал преподаватель по теплотехнике. Он говорил, что пришлось вернуться к прежним системам, а газовые котельные стали использовать для других нужд. В этой был спортзал. Когда в него ввели Андрея, там тренировались человек десять: двое швыряли друг друга приемами самбо на маты, двое резались в настольный теннис, один колотил по мешку кулаками в «блинчиках», кто-то подтягивался на перекладине, кто-то жал штангу, лежа на скамейке... Но как только ввели Андрея, все прервали тренировку, подошли и обступили его. Глядя на них, Андрей узнавал те самые лица, что видел на их пикетах.

— Ты не пугайся, — миролюбиво говорил Иван. — Мы всего-навсего воздадим должное справедливости. Так, Василий? — повернулся он к кому-то из своих соратников. — Ты у нас первый спец по части христианской этики. Просветишь заблудшего?

Парень с мощным торсом, который только что жал штангу, степенно кивнул.

— Я могу подсобить, — сказал остролицый.

— Хорошо, ты тоже спец, — сказал Иван и посмотрел на Андрея: — Вы, товарищ Лопатин, наверное, не в курсе, что тусовка — это понятие тюремное. В зоне гулять негде, и зекам приходится ходить туда-сюда, например, от дорожки к забору, на расстоянии, скажем, метров восьми. Они идут рядышком, разговаривая. Дошли до забора, повернулись разом и — назад. Дошли до дорожки, опять повернулись и — к забору. Один такой проход и называется тусовкой. А сам процесс — «нарезать тусовки». Вот вам и придется, Андрей Петрович, в течение пятнадцати минут понарезать тусовки оригинальным способом. Приступайте, ребята!

Андрей сопротивлялся, но где там! Его обвязали ремнями, опутали длинной гирляндой красных лампочек, подвесили на канаты в красиво распластанной позе и стали раскачивать. В горящих и мигающих красных лампочках он был похож на морскую звезду. Он нарезал воздушные тусовки и отчаянным криком спрашивал, в чём же его такая уж особая вина. Ему отвечали, что он нарушает все до единой заповеди. Он наотрез отрицал это.

И ему начали предъявлять.

г. Омск

ДВА РАССКАЗА

ЛЕСНИК

— Деда, опять ты ни свет ни заря поднялся! Пора бы уже утомониться — или из памяти выпало, что не служишь больше? Уволили тебя на пенсию, ну так и уймись, — четырнадцатилетняя внучка Женюрка, состроив сердитую мордашку, деланно ворчала, искоса поглядывая на мать в ожидании одобрения.

Лидия же, не вступая в разговор, но прислушиваясь к нему с удовлетворением, продолжала ловкими руками чистить к обеду картошку, отправляя длинные стружки тоненько срезанной кожуры в стоящую у ног бадью, куда попадали все пищевые отходы, годные на корм поросёнку.

Фёдор Васильевич Макаров, следуя давно выработанной привычке, вставал рано поутру теперь уже не в силу обязанности, но по зову совести. Ему, бывшему лесному обходчику, покоя не было ни днём, ни ночью от мысли о лесных пожарах. Да как же иначе! Лето выдалось небывалым: с середины июля в центральных районах страны властвовала жара, какую, как говорится, не помнил никто из старожиллов. Впрочем, много ли

ПРОЗА

их, старых, осталось на селе? Ведь именно по ним в первую очередь прошли железным катком «реформы», отнимая пусть и не шибко зажиточные, но привычные и устойчивые условия бытия.

Вот уже и треть августа миновала, а воздух раскалён и обезвожен. Как не гореть безнадзорным теперь лесам да осушённым торфяникам! Потому-то, лишь зарозовеет небо на востоке, с кряхтением снимал с постели и опускал на дощатый пол зудящие, с набухшими узлами вен ноги вдовец Макаров. Выждав несколько минут, пока успокоится и войдёт в обычный ритм изношенное сердце, да отойдёт после сна застилающая глаза пелена, брёл в сени к умывальнику, набирал в сомкнутые чашей ладони так и не остывшей за ночь после знойного дня воды, омывал бородатое лицо. Потом обряжался в брезентовую робу, обувал резиновые сапоги, наполнял у колодца оставшийся с прежних времён заплечный бачок и, насколько позволяли силы, поспешал на бугор к лесопосадкам. Часто оказывалось — не впустую торопился старый лесовод. Всё ближе к деревне подходила полоса пожаров, вот и в длинных шеренгах маленьких ёлочек нет-нет да и займётся сухая трава — так и до великой беды недалеко, если не поспеешь вовремя залить!

Но разве втолкуешь неразумной девчонке, отчего болит душа за судьбу молоденьких саженцев. Ведь живые они. А уж поднимутся, распушатся — красотища будет неопишная! Да что там — Женюрка, взрослых не вразумишь. Вот сосед, в прошлом неплохой механизатор, а в новые времена первостепенный лоботряс, Пронкин, подначивал второго дня, когда Макаров, возвращаясь домой из леса, проходил мимо кем-то заготовленных на сруб баньки, но уже почерневших от времени ввиду отсутствия заказчиков брёвен, где тот бражничал с собутыльниками:

— Охота тебе, Василич, задарма ноги-то сбивать! Вот вроде разумный ты мужик, образованный — техникум в Судогде окончил. Что ни день, мотаешься, бак с водой на горбу таскаешь, а не кумекаешь при этом: не наш теперь лес, господский! Всю округу, слышал, скупил этот «соловей российский», ну, тот, славный птах который, ядрёный корень. Его семейство лесами-то Муромскими теперича владеет. Ладно, пускай, коли так обернулось. Поперву и нам польза была — щедро платил певун за вырубку. А потом что-то разладилось там у них: задолжал работягам, так со многими и не расплатился сполна. Гневается на него народ. Иной раз нарочно пал пускают — ушиб-то богатею, не нам. А ты ходи, туши, туши, малохольный!

— Пустой ты человек, Санька, балаболка! У кого в здравом уме рука поднимется взнарок лес-то жечь — это ж такое чёрное дело! Ну ладно, окурок там бросить, толком не загасив спьяну или костерок путём не затоптать — мало ли вас, шалопутов, в округе. Но чтобы такое непотребство — ни в жисть не поверю!

— Твоя воля, Макаров! Хошь — верь, хошь — нет, а я знаю, о чём толкую. Жжёт лес народ, — упрямылся Санька, потрясая пивной бутылкой.

— Совсем, видно, лишил вас Господь разума! Чьим бы лес ни был, а живёте-то нонешним днём все от его богатств, его дыханием! Сам же грибы, ягоды да орехи к трассе вёдрами выносишь городским продавать. Первач-то не на бруснике, что ли, мамашка твоя настаивает? А пьёшь всю зиму разве не под грузди солёные? Али на грядках всё это добро-то произрастает? Эх, вы, поджигатели хреновы! Доиграетесь, свои усадьбы спалите...

Отобедали по семейной традиции молча. Только успели Лидия с пособляющей ей дочерью в четыре руки убрать со стола, заявила соседка:

— Макаровы, с вас двести целковых! Чуете, как гарью-то пахнет? Огонь, говорят, рядом уже совсем, вот и решил народ дозорных выставить, чтобы пламя, подкравшись, враспloch не застало. За так никто дежурить не согласился, времена нынче другие. Потому и собираем по две сотни с каждого двора вроде как им на жалованье.

Пока Лидия шуршала под сложенным стопкой бельём в шифоньере, отсчитывая деньги, соседка без передыха тараторила, спеша выложить последние сельские новости:

— А слышали, глава-то наш, Мишин, семью от греха подалее вывез из посёлка. Ну да, у них же во Владимире квартира преогромная, вот там от огня они и схоронились. Сам, вроде того, отпуск оформил, но звонит в администрацию каждый день, сводки требует: как идёт противопожарная подготовка. Допёк всех! А как она идёт, сами видите. Вокруг села прокопали канавку на штык лопаты, шириной меньше воробьиного шага. Разве этим спасёшься! Говорят, «наверх» доложили, будто ров вырыли. Врут всё, прости, Господи, лишь бы красиво отчитаться, да денежки прикарманить!

— А ты, Семёновна, на крайний случай вещи-то какие собрала ли? — Лидия передала соседке деньги. — Вот у нас чемоданчик под кроватью наготове — документы, ну там фотки старые, немного одежды. Что на первое время надобно. Ежели придёт беда, подхватил и бежать!

— Ой, милая! Да куда это, как же я хозяйство-то брошу! Нет такого сундука, чтоб его упрятать. Авось, пронесёт... Тут вчера с небес вертолёт опустился за околицей. Министр прилетал, тот, что спасает всех. А вы что, и не знали? Вышел он, значит, такой, в рабочей спецовке, с киркой в руках. И военные с ним. А из района начальство на машинах пожаловало — в костюмах и при галстуках. Министр как цыкнет на них — не знали, бедные, куда деваться. А он собравшимся мужикам велел самим меры принимать, коли начальники зазевались. Вон, мужики, что пооборотистей, стоворились, трактора, купленные в бывшем совхозе, завели и опахали село. Потом Отец Алексей крестным ходом народ вокруг провёл — как-то отлегло от сердца, ушла тревога. Нет, не оставят нас Царь Небесный да Пресвятая Богородица!

— Это что, взаправду министр чрезвычайный приезжал? — спросил Фёдор Васильевич у дочери, когда дверь за соседкой затворилась.

— Ну да! — опередила мать Женюрка. — За мной Вовка соседский зашёл, и мы побежали на вертолёт поглядеть. Только лопаты у министра не было, врёт она! А вот ругался он на начальство, на чём свет стоит. Вовка от дружков слышал, что за Окой второй вертолёт садился, а в нём кто-то уж шибко важный прилетал. Тоже с народом потолковал и отправился себе дальше...

— Ты, отец, опять, что ли, в свой дозор собрался? Поел бы на дорогу! — Лидия, зевнув, взмахнула руками, точно скидывая не выпускающее её состояние полусна.

— А самой-то что не лежится? Спозаранку нынче вскочила!

— Приготовлю Женюрке завтрак да пойду к магазину очередь занимать. Вон соседки соль, сахар, спички запасают. Муки надо взять, масла растительного, посмотрю там, чего ещё. Всполошно как-то! А вот тебе, отец, наверное, можно было бы теперь и дома посидеть — зря, что ли, дежурным платим! Предупредят, коли что.

— Знаем мы этих сторожевых, — собираясь в путь, ворчал Макаров. — Зальют глаза-то с вечера и уснут. Сами бы не сторели первыми. Тоже мне, дежурные!

Запах гари на улице определённо усилился, но Макаров заключил: почудилось. Выйдя за околицу, он привычной дорогой направился к лесопосадкам. А чем ближе подходил, тем решительнее ускорял шаг, уже явно различая над молодыми деревьями струйки дыма. Суета и гомон встревожен-

ных птиц, лесных обитателей, не оставил сомнений: горит ближний лес!

«Эх ты, вот и пришла беда!» — подумалось старому лесоводу. Поднявшись на бугор, по которому плотными стройными порядками были высажены молодые деревца, Фёдор Васильевич смог охватить взглядом и оценить всю картину бедствия. Лес горел в низине, по другую сторону бугра, вот отчего пожар не был виден из села. По высушенной зноем траве от опушки робкие пока языки пламени подобрались уже к молодой поросли, уничтожая на своём пути одну за другой вспыхивающие, как свечки, ёлочки.

Сняв со спины бачок, Макаров взялся экономно, но прицельно заливать и затаптывать очажки возгорания. Потом, бросив уже ненужную, ставшую обузой опорожнённую ёмкость, огнеборец расчехлил сапёрную лопатку, висевшую до того на ремне, и принялся споро засыпать землёй огненные змейки, но они, как заколдованные, возникали то тут, то там снова. Понимая, что со стихией не совладать, в отчаянии от бессилия скинул с себя брезентовую куртку, долго и упорно сбивал ею огненные языки, нанося удары, как учили когда-то, сбоку, по направлению к огню. В пылу схватки и не заметил, что закружившись, углубился слишком далеко в полосу посадок. Лишь когда едкий чад вызвал сильную резь в глазах и стало доставать воздуха, спохватился. Следовало как можно быстрее выбираться из огненной ловушки. Но в плотной пелене дыма не было никакой видимости, поэтому куда бежать, Макаров сразу и не сообразил. Вдруг рядом с его ногами промелькнул рыжей молнией спасающийся от пожара зверёк. Лиса!

«Зверь всегда знает, где безопаснее, значит, надо довериться его чутью» — понял лесовод и поспешил следом. Вскоре, зашедшись от кашля, выбежал-таки Фёдор Васильевич на незадымлённую пока луговину и тут только почувствовал, как жжёт тело тлеющая ткань. Вот здесь-то силы его окончательно и оставили, больные ноги предательски подогнулись, и он, как ватный, опустился в траву, успев лишь сорвать и отбросить в сторону прожжённую рубаху.

«Эх, худо! Не успел дойти до села, соседей предупредить», — сверлила мозг досадливая мысль...

— Ищите мужики, окрест он где-то, — вызволил Макарова из небытия недалёкий крик знакомого голоса. — Сюда, нашёл, — завопил Санька Пронкин уже совсем рядом. — Воды, воды давай, лей, не жалея на порты, вишь, обуглились уже!

Струи прохладной влаги окончательно привели старого лесовода в чувство.

— Да не меня тушите, не меня — лес спасайте, дозорные, — осипшим голосом, кашляя, наставлял он подоспевших односельчан...

Что именно послужило непреодолимой преградой пожару — вовремя ли распаханная полоса, Крестная ли сила, призванная на подмогу дружным шествием с совместной молитвой общины, Бог весть. Факт — то, что бушевавший, казавшийся непобедимым всепожирающий огонь сник и увял на подступах к селу. Прибывшие пожарные расчёты вместе с сельским народом подавили последние его проявления, отстояв нетронутой большую площадь лесопосадок.

Под вечер прокопчённые дымом пожарища мужики без сговора потянулись на привычный пункт сбора, к старым брёвнам. Одним из первых пришёл, ранее чуравшийся злочного места, Фёдор Васильевич Макаров. Отстраняясь от бесстолкового галдежа коллективной беседы, он, глядя в землю, задумчиво курил, усевшись особняком, точно чего-то дожидаясь.

Наконец, с четвертью самогона подмышкой, явился взбодраженный, как обычно, Пронкин, встреченный одобрительным гулом собравшихся. Кто-то подал ему помятую алюминиевую кружку:

— Наливай, заждались!

— Спасибо тебе, Санёк, крепко выручил ты меня давеча, — сбил настрой поднявшийся Макаров, решительно шагнул с протянутой рукой к Пронкину.

Тот, передав бутылку сидящему рядом, смущённо ответил на рукопожатие:

— Полно тебе, Василич, чего уж там! Свои ведь люди. Как по другому-то... Давай с нами махни за компанию чуток!

— За приглашение благодарствую. Только знаешь ведь, непьющий я. Не за тем пришёл. Вишь, как оно обернулось... А доигрались-таки твои поджигатели! Или наболтал ты чепухи спьяну в тот раз, скажи по чести?

— Нет, лесник, то — стихия, не наших рук дело! А что правда — то правда. Был грех, пускали пал. Только не по злобе — это сбрехнул я сгоряча — а, как тебе втолковать, по подряду, вот! Управляющий, что нанимал мужиков лес валить, велел раз-другой запалить малость. Потом докладывал, будто сгорело много леса, а сам под шумок пилил и продавал, себе не в убыток. Такой вот бизнес у них, городских, нашему-то мужичьему разуму не постичь...

Обречённо махнув рукой, Макаров, не простившись, покинул собрание.

«Чудны дела Твои, Господи! И впрямь смутные времена пришли. Выберемся ли из них когда?» — качая головой, размышлял он, понуро шагая в сторону своего двора...

ОТЕЦ

И надо же было такому случиться именно сегодня! Полный конфуз. Прежде о подобном и помыслить было невозможно — забыть текст! Нет, выходя на сцену во втором акте, он помнил всё — ещё бы, изображал этого купца, почитай, в тысячный раз. А интересно: может быть, в самом деле подсчитать, ведь вдруг и вправду юбилейный выход — чем не повод! Досадность произошла на третьем или, пожалуй, четвёртом шаге. Какое-то беспамятство охватило и длилось с минуту. Нет — целую вечность, во всяком случае ему так показалось. Абсолютная пустота в голове — ни одной мыслишки. И пелена перед глазами. Кто он, зачем здесь — совершеннейшая прострация. Однако, как говорят, профессионализм не пропёшь! Механически, на ставших точно чужими ногах он продолжал перемещаться к центру сцены, туда, где за сервированным самоваром столом ждали его партнёры. Интересно, заметили ли другие, что с ним творится неладное? Вида никто не подал, а позже спросить сделалось как-то неловко.

Хорошо, что ступор как нагрнул, так же внезапно и отпустил. Нужную реплику он вспомнил и, кажется, даже почти вовремя. И доиграл, как по маслу, то есть, как обычно, посредственно. Да, он строг в оценках своего мастерства, потому что убеждён: может вести роль лучше. Он был прилежным учеником и до сих пор следует основной заповеди своего уважаемого наставника по студии: коли остановишься в развитии, вообразив, что достиг совершенства — как актёр пропадёшь.

Более всего в грим-уборной, во время сборов домой, Арнольда Михайловича заботило одно — заметила ли Катя, которую он впервые осмелился пригласить на спектакль, этот нелепый сбой. Чем она встретит его, где условились, возле служебного входа: радостной улыбкой или унижающими словами сочувствия? Господи, и об этом размышлять в его пятьдесят лет отроду! Да, большинство окружающих его мужиков к таким-то годам заматерели и позабывали, что такое сантименты. А он, признаться, толком-то и женат ещё не был. То глупое и сумбурное сожительство в первый после завершения театральной студии год, конечно же, не в счёт.

Марго была старше всего на три года, но опытнее в амурных делах, казалось, на целую вечность. Это много позже его, обжившегося в театре, традиционные закулисные сплетниuki просветили, что такой уж была манера привлекательной, но глубоко несчастной в своём одиночестве молодой особы: со всем радушием и пылом нерастраченных чувств встречать объятиями появившегося в коллективе нового «рыцаря», не заботясь о закономерно печальном финале по её инициативе завязавшейся интрижки. Так случалось уже не раз до прихода в труппу Арнольда, то же произошло и между ними. Разве что действие неожиданно несколько затянулось, чему причиной послужил привязчивый и отягощённый нерешительностью характер нашего героя. Но, в конце концов, и ему, неискущённому, убеждённому, что их полторагодовой симбиоз не что иное, как супружество, связь с не вынимавшей изо рта сигареты, без видимой причины вмиг переходящей от апатии к истерике особой сделалась до такой степени в тягость, что он решился на разрыв. К удивлению мужчины, его уход был воспринят спокойно, если не с облегчением, тем более что на горизонте замаячил новый объект страсти Марго — перешедший по чьей-то протекции из провинциального театра несколько потускневший от бремени прожитых лет герой-любовник.

Нет, конечно же, Арнольд Михайлович не жил затворником. Случались и у него проказы, без которых просто невозможно обойтись, пребывая в среде чувственных, чрезмерно экзальтированных творческих личностей. Но, расставшись с Марго, он долгие годы никого не подпускал слишком близко, защищая свою душу от непрошенных и бесцеремонных вторжений. Благоприобретённые комплексы, а, может быть, и хранившиеся в памяти материнские предостережения берегли его от сулящего оказаться опрометчивым решительного шага к сближению с одной из приглянувшихся женщин. Вот уже и походка стала не такой упругой, несмотря на обязательный комплекс утренней гимнастики, который он составил для себя в дни юности, и, с присущей методичностью, продолжал выполнять каждое утро. И некогда буйная шевелюра непослушных волос с медным отливом как-то обмякла и поредела. А он после кончины матери так и жил бобылём, уже не надеясь обзавестись семьёй.

Но вдруг в жизни актёра появилась Катя. Даже мысли не возникло у него, как это случалось в иных аналогичных ситуациях, отстраниться, оградить свой внутренний мир от внешнего проникновения постороннего человека, выждать и оглядеться. Нет, он с какой-то лишь детям присущей откры-

тостью радостно пошёл навстречу этой простоватой на вид женщине, как только распознал во взгляде её слегка раскосых, лучившихся внутренним теплом и покоем бездонных глаз неподдельный интерес к собственной персоне. Уже с первых часов знакомства он уяснил: именно встречи с ней ждал и желал всегда, а сетовал лишь на то, что проживая в одном доме, они не познакомились раньше. Виной тому явился их в корне различавшийся распорядок дня. Арнольд Михайлович по давно выработанной привычке ложился за полночь даже в те дни, когда не был занят в спектакле. Соответственно, утром позволял себе поспать подольше и выходил из квартиры много позже тех, кто вынужденно существовал, руководствуясь неумолимым графиком рабочего времени. А Катя была «как все».

Но однажды... Ох уж эти «однажды»! Именно в те моменты, когда человек изменяет своим устоявшимся привычкам, а рок сносит его, так сказать, с традиционной орбиты, и подстерегают внезапности. Случается, им просто не предаёшь значения. Но иногда эти неожиданности настолько значимы, что существенным образом прямо-таки переворачивают жизнь, изменяя её в ту или иную сторону.

Короче говоря, спеша ранним утром в районную поликлинику записаться на приём к врачу, проклиная несвоевременно вышедший из строя лифт, Арнольд Михайлович нагнал на лестнице спускавшуюся впереди него женщину с большим и, судя по всему, тяжёлым пакетом в руке. Поддавшись вовсе нехарактерному для него порыву альтруизма, он почти насильно выхватил из рук ошеломлённой незнакомки её ношу, сбивчиво объясняя свои действия непреодолимым желанием помочь. По пути к остановке троллейбуса, на котором соседке, как выяснилось, предстояло добираться до места работы, они не только познакомились, но и необычно легко условились о следующем, теперь уже вполне запланированном свидании. И вот, спустя месяц после той их нечаянной встречи, он решился предстать перед новой знакомой в своём творческом амплуа.

— На сцене, со стороны, ты показался мне совсем другим человеком — жёстким, если не сказать жестоким, и циничным. Сначала даже расстроилась, подумав, что не сумела за недолгие дни нашего знакомства разглядеть твоей сущности. Но вовремя спохватилась: в умении перевоплотиться и заключён талант лицедея. Ты — хороший актёр, Арнольд! Да и пьеса мне понравилась. Всё-таки классика не теряет со временем своей прелести, что бы там ни говорили. Конечно,

если спектакль ставит настоящий режиссёр, не маскирующий собственную бесталанность набором модернистских кульбитов на потребу невзыскательной публике, и актёрский состав в меру силён и сыгран.

— Спасибо тебе, Катюша, за добрые слова! Наш художественный руководитель действительно большой мастер своего дела. Да и труппа достаточно слажена. Только вот, думается мне, мои скромные возможности ты несколько преувеличиваешь. Впрочем, это не помешает нам отметить бокалом вина твоё сегодняшнее, словно бы заново состоявшееся знакомство со мной...

И вот Арнольд Михайлович с Катей, расположившись в мягких креслах подле низенького столика, инкрустированного вставками кусочков пластика, имитирующих слоновую кость, неспешно ведут приятную им обоим беседу.

— Твоя мама была очень интересной женщиной, — Катя пристально рассматривала висящий над столиком портрет. — Мне кажется, художник точно передал её противоречивый характер: мягкий и в то же время решительный до безрассудства. Я права?

— Да, именно такой она и была. Ты, Катюша, прекрасный физиономист. Знаешь, это очень удачный портрет. Можешь себе представить, человек, который его создал по моему заказу, никогда не видел моей мамы. Я имею в виду, не знал её при жизни. Он писал по фотографиям, которые я ему предоставил. Хочешь, полистай альбом, — хозяин протянул женщине пухлую книжицу в бархатном переплёте. — Я храню его как память о маме.

Гостья с интересом углубилась в созерцание фотографий, в то время как Арнольд Михайлович, откинувшись на спинку кресла, смаковал пурпурного цвета вино, наблюдая за её реакцией.

— На фотографиях твоя мама почти всегда одна, иногда вместе с тобой, но нет ни одного снимка твоего отца, — Катя подняла на него свои бездонные глаза. — Отчего это так?

Нельзя сказать, будто Арнольд Михайлович не ожидал, что женщина затронет эту болезненную для него тему. Скорее, наоборот. Ему под раскрепощающим воздействием благородного напитка и самому хотелось выговориться перед близким человеком. И тем самым снять с души тяжесть, гнёт которой возник с того момента, когда в его детском разуме созрел и сформулировался естественный вопрос, своей неожиданностью поставивший мать в тупик: «А где мой папа?»

Та не сразу нашлась, как ответить, отговорившись в тот раз общими дежурными фразами в том духе, что, дескать,

папа далеко уехал, и ты обо всём узнаешь, когда подрастёшь. До сих пор в его памяти живы огорчённые интонации родного голоса, когда мама, с навернувшимися на глаза слезами спросила: «Разве нам плохо живётся вдвоём?»

Нет, Арнольд не был обделён заботой и вниманием. Он знал, что мать изо всех сил старается для него, делает всё от неё зависящее, чтобы мальчик не чувствовал себя ущемлённым. Но... Большинство школьных приятелей имели и отца, и мать. Посещая их семьи, Арнольд уносил в сердце скорбь и зависть, а саднящее чувство неполноценности, раз возникшее, уже не оставляло его, время от времени давая о себе знать. Внешне смирившись с обстоятельствами, будучи старше, тайком от матери, он пытался навести справки о том человеке, чьим сыном является.

Родных в Уфе, где они с матерью в то время проживали, у них не осталось. Дед с бабушкой, родители мамы, как-то сразу, один за другим, покинули этот мир, когда Арнольд готовился поступить в первый класс. Любопытные соседки, как выяснилось, никакой информацией не обладали. Они в разных вариациях повторяли лишь то, что ему было известно и так: у мамы был муж, с которым они, бездетными, прожили двадцать лет, и который нелепо погиб от случайного выстрела на зимней охоте. Похоронив мужа, мама уехала на заработки в Москву. Года через два она вернулась в родительский дом, где вскоре родила малыша, но в перипетии своей столичной жизни посторонних не посвящала. Тайну появления мальчика на свет от окружающих хранили и старики.

Но ведь сказано в Писании: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаённого, что не вышло бы наружу». Секрет раскрылся случайно, когда мамы не стало. На похороны в Уфу приехала из Подмосковья родственница, её двоюродная сестра. В тот год Арнольд как раз окончил школу и имел твёрдые намерения отправиться в Москву поступать в театральное училище. Желание юноши подкреплялось рекомендацией, выданной драматической студией при Дворце культуры химиков, куда мама записала тринадцатилетнего Арнольда в зимние каникулы 1976 года, заложив тем самым основу его будущей профессиональной судьбы.

Тётя Нина была на десять лет моложе мамы, работала конструктором на одном из военных предприятий Мытищ. Из застольных воспоминаний гостя Арнольд уяснил, что именно ей его мать была обязана трудоустройством домработницей в обеспеченную семью Льва Семёновича Березина, заместителя главного инженера Мытищинского машиностро-

ительного завода, некогда выпускавшего железнодорожные вагоны. В семье росло трое детей, старшему из которых, Михаилу, исполнилось семнадцать, когда серьёзно заболела жена Льва Семёновича. Ей стало невмоготу тянуть на себе домашнее хозяйство, и назрела необходимость пригласить кого-то в помощь. Вот доброжелательная соседка и рекомендовала им свою сорокадвухлетнюю родственницу, опрятную, приятной внешности и хороших манер женщину, недавно схоронившую супруга, очень кстати приехавшую из Уфы в поисках заработка.

Полина Сергеевна, или как стали называть её дети, тётя Поля, вошла в семью скромно, незаметно, но уверенно. Она готовила, стирала, следила за чистотой. Тихим, обволакивающим голосом по-доброму наставляла детей, став им и нянькой, и рассудительным собеседником, которому можно без опасения поверить детские секреты.

Как-то в свою первую сессию Миша, уже студент Энергетического института, явился домой подавленным и угрюмым. Его мама в те дни в очередной раз находилась в больнице, отец, естественно, на работе, а меньшие играли во дворе. По привычке он сразу же рассказал тётя Поле, что «завалил» экзамен по химии, а причиной тому стали переживания, связанные с изменой девушки Лены из параллельной группы, в которую был безнадежно влюблён. Подтрунивая над Михаилом, однокурсники сообщили парню, что предмет его пламенной страсти, отмечая новогодний праздник со своей группой, не таясь, целовалась с его близким приятелем, случайно оказавшимся в той же компании. От огорчения с юношей случился нервный припадок, после чего он всплакнул, уткнувшись носом в передник наперсницы.

Тётя Поля, утешая, гладила его вихрастую голову, а Михаил, успокаиваясь, сопел, спрятав лицо на её высокой груди. Она и сама не поняла, как эти первоначально невинные ласки, вдруг переросшие в объятия и «взрослые» поцелуи, распалили их обоих. А потом случилось то, чего не должно было быть, учитывая разницу в возрасте и положении...

С тех пор Миша ещё сильнее привязался к прислуге, стал приходить в её комнату в любой подходящий момент, настойчиво добиваясь близости. Истосковавшаяся по мужской ласке Полина поначалу вяло сопротивлялась натиску, но, как правило, в конце концов, по мягкости характера уступала молодому ухажёру. Через полгода их преступной связи женщина поняла, что понесла, но никому в этом не решилась признаться.

Шло время, и наступил момент, когда скрывать беременность стало уже невозможно, и хозяйка дома заметила изменения, произошедшие в фигуре и походке помощницы. Простодушная и открытая Полина, надеясь на снисхождение, честно во всём призналась и в тот же день была с небольшим выходным пособием и твёрдым напутствием избавиться от ребёнка изгнана из дома.

Михаилу, вернувшемуся после занятий, мать солгала, будто тётя Поля, получив телеграмму от родных, срочно рассчиталась и уехала домой в Уфу. Молодой человек горевал не долго, вскоре утешился и забыл напрочь свою первую полубовницу, не подозревая о том, что дал жизнь новому человеку..

Желание познакомиться с отцом с новой силой овладело помыслами Арнольда с первых же дней приезда на учёбу в Москву. Но намерение это как появлялось, так и исчезало, вытесненное другими, более актуальными для студента заботами. Словно сторонняя сила, встав преградой, не позволяла сделать решительный шаг..

И вот, наконец, настал час, когда Арнольд Михайлович решился и поехал в Мытищи. Зная адрес тётки, он легко отыскал дом, где, работая прислугой, когда-то жила его мать. Расспросив у подъезда словоохотливых женщин, которые, как оказалось, знали семью Михаила, он выяснил, что Лев Семёнович с супругой давно ушли из жизни, младшие брат с сестрой по приглашению родни уехали в заморские страны, а сам Михаил, сильно выпивавший, потерял работу, был околпачен мошенниками, и, обменяв оставшуюся от родителей прекрасную квартиру на ветхий деревенский дом в Ярославской области, исчез из поля зрения соседей. Теперь в их бывшем жилище обитает семья сестры участкового полицейского...

— Да-а-а, история! — только и нашлась, что сказать Катя, выслушав повествование, и с сочувствием взглянула на рассказчика. Несмотря на позднее время, расставаться им не хотелось, и беседа продолжилась.

— Так тебе удалось узнать, где теперь проживает Михаил Львович, в какой деревне?

— Конечно! И нашёл это место на карте, и кое-что о нём разведal. Есть такое поселение в Ярославской губернии, именуется Нагорье. Так вот, от него до деревни всего-то каких-нибудь пара километров. Проблема в том, что через Нагорье не проходит железная дорога. И как туда добираться — ума не приложу.

— А я знаю! — казалось, для деятельной Кати не существует неразрешимых задач. — Завтра же встречусь со своим братцем и, думаю, уговорю его отвезти нас туда на машине.

...Свернув с Ярославского шоссе в сторону до того неведомого путешественникам городка Кубринск, примерно через час пути старенький «Москвич», преодолев подъём, остановленного храма на центральной площади Нагорья. Получив информацию о направлении дальнейшего маршрута, быстро достигли конечного пункта экспедиции.

Оставив нелюбопытного водителя отдыхать в машине, Катя с Арнольдом Михайловичем ступили на деревенскую улицу. Понимая волнение спутника, женщина приняла инициативу на себя. Интуитивно она постучалась в чем-то приглянувшуюся калитку и объяснила вышедшей на их зов пожилой женщине цель своего появления.

— Вон оно как, стало быть, взаправду к Мишаньке приехали! А мы грешным делом не верили ему, насмехались над его выдумками-то. Жалко не дождался Божий человек, вот радость пришла бы ему! Соседом он нашим был, — пояснила женщина, заметив, как недоумённо переглянулись приезжие. — А ты, должно быть, сынок его, — перенесла она внимание на вконец растерявшегося Арнольда Михайловича. — Эх, как ждал вас, бедолага, последнее-то время!

Помню, привезли его ловкачи к нам в деревню, повыкидывали из машины кое-какие пожитки подле пустовавшего до того дома и оставили неприкаянным. Сидел, потерянный, на чемодане, нахохлившись, как воробушек в ненастный день. Мой-то мужик доброхотливый, вышел помочь. Занёс вещи в избу, печь растопил, объяснил, что к чему. Видно было по всему, не знает человек сельской жизни. Тяжело ему по-перву было, но кое-как пообвыкся. Да. Всё бы ничего, только зашибал больно — выпивал, значит. Получит пенсию, так за десять дней всю и спустит на винище проклятое. Потом голодом сидит.

А за полгода до смерти точно подменили соседа-то! Пришёл к нам Мишанька как-то чумной с похмелья и говорит: «Виденье мне было. Явился ночью ко мне в дом старец в одеждах до полу и поведал, что живёт на белом свете сын у меня. Думает обо мне, приедет он скоро, заберёт к себе».

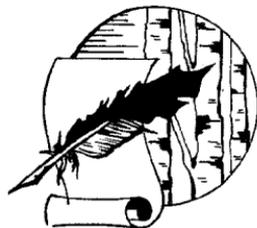
Выпивку с той поры забросил. В Нагорье ходил, с батюшкой толковал. Потом окрестился. До того-то сетовал, что безбожными родители были и детей к вере не допускали. Отец — партиец, начальник большой. Негоже было в такой семье Спасителя славить. А тут ни одной службы не пропускал. Блаженным по деревне блукал, радостью о грядущем приезде сына делился.

Часто за околицу выходил, в траву садился и часами на дорогу глядел. Допоздна караулил, а иную ночь там и проводил. Так, ожидаючи-то, и помер. Пастух поутру нашёл его уже охолонувшим. Схоронили обществом, родню где сыщешь разве! Значит, правду ему старик-то принёс про сына. Чудеса да и только!

Домушку вашего батюшки пришлые бродяжки спалили в зиму, ничего от его скарба не уцелело. Вон, глядите, новый сосед на участке строится. А вот на могилку вы обязательно сходите, помяните горемыку, — женщина объяснила, как добраться до кладбища и, не затворяя калитки, долго проводжала их задумчивым взглядом из-под руки...

— А ведь, возможно, жить бы да жить Михаилу Львовичу, объявись я в деревне пораньше, — поделился со спутницей мучающей его мыслью Арнольд Михайлович, когда они возвращались к машине от безымянного могильного холмика, указанного им случайным, из местных, посетителем кладбища. — Вот ведь как жизнь устроена: существуют порознь два человека, пекутся о бранных своих делах, суетятся, каждый сам по себе, и не понимают, не знают, насколько нужны друг другу. А сойдутся ненароком, вот как мы с тобой, например, и наполнится их бытие новым, ранее неведомым, но исключительно важным смыслом. Может быть, в такой встрече и заключается то подлинное счастье, которое ищут все, но обрести по неразумности людской дано лишь немногим...

г. Москва

СТИХИ ПОЭТОВ РОССИИ

Яна МАНСУРОВА

Наш журнал писал о судьбе Яны Мансуровой в десятом номере за 2020 год. Яна, преодолев тяжелое моральное испытание от полученного в раннем детстве заболевания ДЦП, нашла себя в литературном творчестве — в стихах и в прозе. После чего в ее судьбе произошел крутой поворот — она встретила верного друга, они поженились, построили собственный дом, и у них родилась здоровая дочь.

В том же номере нашего журнала были опубликованы ее рассказ «Старый дуб» и стихотворение «Песня реки». В своем недавнем письме в редакцию Яна Мансурова прислала новые стихи и сообщила о рождении второго ребенка — сына. С чем мы ее сердечно поздравляем!

* * *

Что нашёл ты во мне, мой бог,
Что увидел в моих глазах?
Нераскрытых страстей клубок?
Или сломанной жизни прах?

На исходе душевных сил,
В паутине пустых дорог
Голос мой оседал, как пыль
На подошвах чужих сапог.

Что искал ты в глухой толпе,
Среди чьих-то потухших лиц?
Я б хотела летать и петь,
Но могла лишь склоняться ниц.

И пыталась ползти на свет
Безутешной моей мечты.
Среди призраков жизни нет.
Я не знала, что рядом ты.

Что меня исцелить могло?
Мою душу с колен поднять?
Не срastётся моё крыло,
Не узнать мне полёта страсть...

Что увидел во мне, скажи?
Чем за подвиг мне твой платить?
Два могучих крыла и жизнь
Ты со мною решил делить.

Вольный ветер, свободы хмель
Ты решил за меня отдать.
Тяжесть черной судьбы моей
На себя без остатка взять.

Высоко, не боясь упасть,
Ты поднял меня над землёй,
Чтобы неба огонь и власть
Победила во мне самой.

Чтобы звездная глубина
Отразилась в моих глазах,
Чтобы мог ты нырнуть до дна,
Растворяя всю боль и страх...

* * *

Я не сильная,
Нет, не сильная!
Не скала, не сосна красивая.
Я уставшая
И не спавшая,
Криком голос в ночи сорвавшая.

Я не стойкая.
Нет, не стойкая.
Меня ранит молчанье колкое.
Словно сыплет метель иголками
И швыряет в глаза осколками.

Я не крепкая.
Нет, не крепкая.
Резкий окрик и слово едкое
Принимаю грудною клеткою.
И ломаю себя не редко я.

Я наивная?
Да, наивная!
Потому моя песнь счастливая —
Может смело взлететь над ливнями,
Обнимая всё небо крыльями.

с. Болтаевка Ульяновской обл.

Юрий ЩЕРБАКОВ

* * *

Ворчит сосед: «Опять одно и то же:
Победа и герои — напоказ!»
Одно и то же? — Да! Мороз по коже
Опять сегодня, будто в первый раз,

Когда услышал я в рассказах бати
Такое вдруг про Днепр и Сталинград,
Что выкрикнуть хотелось: «Батя, хватит!
Давай про героических солдат!

У них с фашистом разговор короткий —
Врагов рядами, как снопы, кладут!
А тут окопы, вши, пайки, обмотки...
Не подвиги — лишения и труд».

И кровь, и пот, и страх, и смрад, и раны —
Воистину, военная страда,
Которая в романы и экраны
Не вместится никак и никогда!

Так, может, прав сосед? Парадной правды
Не выхлебать, как ни старайся, всей!
«Забвение — отрада и награда, —
Зудит в душе лукавый фарисей. —

Зачем нам сопли-вопли, ахи-охи? —
Надуманность, нелепица, лубок!».

Нет, врѣшь, иуда! И судьба эпохи
Легла отцовской правдой между строк!

Да, напоказ цветы, венки и марши,
Киношные сражения и дым.
Но будет в этом ровно столько фальши,
Сколь этой правды мы не сохраним.

Нет ничего священной и дороже
Свершившегося на девятый день.
Да будет навсегда одно и то же:
Весна. Победа. Майская сирень.

* * *

«Артиллеристы, Сталин дал приказ!» —
На День Победы пел отец без счёту.
Пел, как умел, и плакал всякий раз
Он, командир зенитного расчёта.

И некому помочь и подтянуть
Ему в застольной песенной кручине —
Его расчёт земной окончил путь
Под Сталинградом и в Днепровской стыни.

Не трижды ли сержанта обошла
По кругу поведѣнной смертной чашей
Судьба — хозяйка бражного стола,
Где за столом и наши, и не наши...

Отец, прости, что в прежние года
Я не болел твоей заветной болью.
Казалось мне, что это навсегда —
Твой слѣзный хрип в негаснущем застолье.

Наверно, время делает мудрей,
Вдруг возвращая главный смысл понятиям.
«Из сотен тысяч батарей
За слѣзы наших матерей,
За нашу Родину! Огонь!»

Ты слышишь, батя?

г. Астрахань

Владимир БОДРОВ

РАССКАЗ СЕРЖАНТА КЛИМОВА

Обычный парень, каких немало.
Не то чтоб робкий — не смелый самый.
И на гитаре играл не очень,
И не всегда был на стрельбах точен.
Бывал и хмурым. Да всё бывало.
А вот в субботу его не стало.

Он появился почти случайно;
Здесь каждый связан с какой-то тайной.
Молчал подолгу, не улыбался,
При артобстрелах слегка терялся.
О чём он думал, чудаковатый?
Чего хотел он, идя в солдаты?

Гудело утро, земля стонала,
Станица наша редутом стала,
И волны смерти, нахлынув, били
В дома, в окопы, в автомобили,
В лесок у речки и в наши души,
Но мы-то знали: прорвёмся, сдюжим.

А дальше наша пошла работа:
Враг наступает до полуроты.
«Там без геройства. В живых остаться!
Отбить атаку и удержаться!
Спокойно, трезво на дело глядя».
Крадитесь, гады. Вас встретить рады.

И завязалось, пошла потеха,
Образовалась в миру прореха.
Мы очень жёстко давали сдачу.
Мы выполняли свою задачу,
Как приказали и как просили.
И все атаки как есть отбили.

Всё так понятно, почти рутинно,
Сюжет не очень-то для картины.
Для нас привычно, простое дело...
Он умер сразу, когда стемнело.
И с неба, молча, срывались звёзды,
И был пропитан печалью воздух.

Что рассказать-то? Не знаю даже:
Мы потеряли двенадцать наших,
А он был ранен, но всё ж остался,
И вместе с нами стрелял, держался,
Как воин русский, каких немало
Родная наша земля рождала.

Быть может, друг твой, сосед, знакомый,
Земляк, защитник родного дома,
Твоей любви, твоего покоя.
А значит, это чего-то стоит!
А значит, правда сильнее силы,
Пока мы помним, не позабыли!

Обычный парень, каких немало.
Не то чтоб робкий — не смелый самый.
Слегка наивный, чудаковатый,
Конечно, грешный, как все солдаты.
Среди таких же простых героев
Он с неба смотрит на нас с тобою.

г. Орехово-Зуево Московской обл.

Елена КОЛЕСНИКОВА

* * *

Светлый ситец тянут понемногу
Радуги поблекнувшие пальцы,
Дождь щекочет сонную дорогу
Ледяными кончиками пальцев.

Он, как я — слегка подслеповатый,
И глаза — всегда на мокром месте.
«Погоди, успеется, куда ж ты? —
За руку с весной пройдемся вместе!»

За оврагом домик — самый первый —
Детства подзабытое урочье,
Узелки припухшие на вербе,
До мозолей стертое обочье...

Дождь, прощаясь, тихо барабанит
Тысячами маленьких ладошек,
Парусом на флагманском диване
Сохнет зонтик. Бабушкин. В горошек.

* * *

Впервые утро так легко,
Так светоносно-высоко
Пропело солнечную ноту.

И в нежных призывах слышны
Движенья первые весны —
И жизнь приблизилась на йоту.

Роняет сердце чистый звук,
Любви новорожденной стук
Ещё не громок и не внятен.

И радость просится вовне,
И вновь на юном солнце мне
Не видно пятен...

г. Воронеж

Татьяна МАКСИМЕНКО

* * *

Почему-то стало грустно очень:
Время года лакомое — осень.
Но под сенью осени вздыхая,
Пашня обнаружилась, нагая.
В августе на поле млело сено,
А теперь и роща обрусела.
Вдоль дороги — сухостой ромашек...
В огороде чучело не машет
На ветру, как прежде, рукавами,
Жалуется птицам: «Я бы с вами...»
На стерне обклёванный подсолнух
Среди туч — с утра застывших, сонных.
Кажется, вот-вот — и дождь начнётся,
Под сосной семья грибов очнётся,
И душа — в надеждах и заботах —
Будет трепетать на поворотах.

г. Жуковский Московской обл.

ДВАЖДЫ УБИТЫЙ

В день памятный шёл я известным кладбищем в Москве к могиле Есенина. Вспомнил, что даже и место захоронения оспаривается. Ваганьково — да, но где. Тело было перезахоронено. (Не было при жизни своего жилья, и место упокоения как будто неизвестно.)

Каждого на кладбище встречает скованный и связанный, как в смирительной рубахе, то ли в терновом венце, то ли с нимбом из гитары «бард». (Хорошо — не в цепях.) Так ли уж связан, так ли уж мучим был и впрямь актёр с Большого Каретного... Ведь и едва ли не весь мир объехал он с супругой Мариной — а она и до сих пор тоже не последний человек во Франции, состояла членом ЦК Компартии Франции и, кроме всего прочего, кроме сонма наград заслуженных, она ещё и «Командор ордена Искусств и литературы», — и когда читаешь их биографию, ясно становится, что и она тоже, как и он, нестерпимо *утесняема* была. Четыре раза замужем, и едва ли не все вокруг её имени уходили преждевременно.

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Памятник Есенину — не манерный, не вычурный. Даже вовсе свободен от претенциозности, хоть вот он-то явно напоминает о веригах, наложенных на русский архетип нерусской дланью. Гранит серого цвета; рядом с памятником уложена небольшая надгробная плита его матери. Скульптура выполнена «с портретной точностью». 25 декабря 2005. Дата совместила — и 110 лет с рождения С.А. Есенина, и 80 лет со дня гибели. (Вот уж и впрямь мученик. Не получилось умереть в русской рубашке и под иконами.) Вспомнились слова Бориса Лавренева о «казнённом дегенератами поэте». Второй раз он был убит клеветами Троцкого: сосновскими, «бухарчиками», доносчиками вроде Вольфа Эрлиха и Галины Бениславской с иными прочими обвинителями поэта за непокорность властям и «за национализм, за антисемитизм, за шовинизм»... Это убийство происходило с допросами, угрозами, нравственными и физическими истязаниями.

В 1991 году эксперту высшей квалификации Э.И. Хомяковой в НИИ судебной медицины поручили ещё раз исследовать посмертную маску поэта. Заключение: «Каких-либо морфологических признаков, характерных для действия острых, рубящих, колото-режущих и огнестрельных орудий на представленной гипсовой маске не выявлено. Обнаружено углубление — вдавливание образовалось в результате контакта с твёрдым предметом цилиндрической формы. Данных за наличие повреждений в области лобной кости не имеется».

В том, что Есенин был убит, — нет у меня никаких сомнений. И не только потому, что написать *в те годы* о новой власти правду, о том, что суть её, диктатуры Троцкого (по строкам Есенина), — «...пришли те же жулики, те же воры...», или даже за имеющиеся в любом собрании его сочинений строки из «Зари Востока»: «*Так грустно на земле, Как будто бы в квартире, В которой год не мыли, не мели. Какую-то хреновину в сем мире Большевики нарочно завели...*» — было достаточно, чтобы подвести под расстрел.

В Питер он приехал явно не умирать. Готовил собрание сочинений, которое (по его эпистолярию, его предположению, он увидит сам, первым из поэтов). Мечтал основать именно в этом городе свой журнал. Есть домыслы, что хотел бежать от приспешников Троцкого через Финляндию опять за кордон, чтобы отсидеться: «Не поеду в Москву... не поеду туда, пока Россией правит Лейба Бронштейн...» (писал он из-за границы в пору выезда с А. Дункан). Удавка вокруг жизни его стягивалась намеренно и медленно. «Дело четырёх поэтов», «Дело крестьянских поэтов», где Сергей Александрович уже (будто бы) раздавал посты министрам Ганину, При-

блудному, Клычкову, Орешину. Есть домыслы и по поводу авторства Есенина по стихотворению «Я часто думаю, за что Его убили» (в последней версии именно «убили», а не «казнили»). Вероятно и то, что приближённые Троцкого искали у него телеграмму с поздравлениями Михаилу Романову от некоего NN — подручного Троцкого, всё перерыли слуги нового режима в номере «Англетера» именно в поисках этой телеграммы-компромата...

Кроме того, дружба Есенина с чекистом в кожаной куртке Блюмкиным — вот что, похоже, решило судьбу его окончательно и безвозвратно, сыграло (как говорят) самую *роковую и последнюю роль*. Так и останется в истории авантюристом этот талмудист, местечковый мальчик Яша Блюмкин (по метрике Симха-Янкев Гершевич, псевдонимы: Исаев, Макс Астафуров, Сынок и проч.) — террорист, малопонятный интересант поэзии и губитель русской интеллигенции. Не «богемы» даже, а искоренитель именно русского, враждебного «великоросского», чуждого местечковому, неглубокому, наносному, временному. Некий «мальчик из трущоб» выбрался прикровенно едва ли не в самые верхи, к Троцкому.. Но, самое главное — так и остался неразвенчанным заказчиком или, быть может, даже и исполнителем убийства Сергея Александровича Есенина.

«Железный Миргород» — не что иное, как прямой спор с Троцким, поклонником Америки, масоном, добравшимся до «Наркомвоенмора», осуществившим «децимации» и безжалостное истребление народов России (и в Красной армии). Ему принадлежит «изобретение» концлагерей. Что уж говорить о расстрелах его подручными, о трагических уходах видных людей России, когда военные коллегии от его имени судили по ложным доносам. И всё же особый удар был нанесён именно по русским, крестьянским поэтам как по носителям духа, ибо они понимали, что происходит на деле и могли это выразить: «...Хлестнула дерзко за предел нас отравившая свобода». «Страну родную в край из края, огнём и саблями сверкая, междоусобный рвёт раздор...» И, по Есенину, прежде всего смертельный удар был неминуем. Осуществлял замыслы Лейбы Бронштейна, несомненно, его ближайший сподвижник, убийца, шарлатан. Да, у Блюмкина (официально) и впрямь было алиби, и он, как опытный интриган, позаботился об этом. Да, в день убийства он, Яша Симха-Янкев Блюмкин, «выбыл» будто бы уже по заданию новой власти на очередную диверсию в Хабаровск, а оттуда должен был направиться в Харбин. Но этой поездке его предшествовала страшная ссора с Есениным в гостинице в Баку и «выговор Сер-

гею», и угроза расстрелять его — за то, что тот открыто и явно склонял будто бы к близости очередную жену Блюмкина (Есенин, как предполагают, мстил за домогательства Блюмкина к Надежде Вольпин).

Сергей Александрович смеялся — по его пониманию, эти ухаживания в отместку были всего лишь розыгрышем Блюмкина, ерундой, забавой. Он не учитывал, что с ним, Блюмкиным, тогда уже руководившим тайной диверсионной организацией, не подотчётной даже и Ф. Дзержинскому, — они уже не друзья, и то, что «проделывать подобные шуточки» некий просто «сочинитель», пусть и известный, к тому же «просто русский», не волен. Это одно приводило Блюмкина в бешенство. Ярость Яша и не скрывал, осыпая Есенина угрозами под общий смех окружающих. «Блюмочка» (в ту пору псевдоним «Ильин») направлял и ранее револьвер на Есенина. В 1924 году он, опасаясь за свою жизнь и зная, кто такой «Ильин» на деле, вынужден был съехать из гостиницы «Новая Европа» (в Баку). Ссора возобновилась в Тифлисе, в гостинице «Ориант»...

Блюмкин — убийца посла Мирбаха. (Убивал он посла по подложной бумаге со штампом от Ф. Дзержинского, которую вместе с печатью выкрал без ведома самого «Железного Феликса» по указке и при подмоге Л.Д. Троцкого-Бронштейна.) В бумаге значилось, что в Питере арестован брат посла. На командировочных предписаниях, тоже выкраденных подельником Блюмкина, были поставлены те же отпечатки (иначе Блюмкин с подельником не был бы принят послом). Добившись обманом встречи под предлогом возможного освобождения арестованного в Питере брата посла, Блюмкин с расстояния нескольких шагов трижды стрелял в Мирбаха, но был так взволнован и испуган возможными последствиями (было ему в ту пору 18 неполных лет, год он враньём добавил себе для значимости), и так тряслись его руки, что, выпустив всю обойму почти в упор, умудрился не попасть ни разу (впоследствии он утверждал, что было три осечки). Тогда они с подельником кинули бомбу и бросились под стол. Уцелели и оба были повязаны кровью. Это было не первое их убийство. Кинули бомбу и после взрыва ползли в дыму к окну. Выбили фрамугу и были таковы.

Посла убил разрыв снаряда, сложенного по новому образцу — так называемая «македонка», про которую Ленин писал: «Бомба перестала быть оружием одиночки-бомбиста. Она становится необходимой принадлежностью народного вооружения». Она была передана бомбисту «ленинской партии» Скосаревскому (подпольная кличка «Омега») в Женеве бол-

гарским инженером Наумом Тюфекчиевым вместе с образцами и чертежами и имела название: «бомба македонских партизан». В России она была усовершенствована и принята для употребления. И ему, мальчику из местечка, на вид хилого сложения и «с масляными глазами» — палачу-террористу Блюмкину, пришлась кстати. Бомба спасла его от позора и провала.

Ленин, узнав о произошедшем, дал указание: «Тщательно искать и... не найти убийцу». (Впоследствии Блюмкин стрелял точнее и даже и в подпитии научился попадать в цель, и Сергей Есенин помнил и знал об этой привычке Яши хвататься за пистолет по каждому пустяку.)

Прежде Есенин даже «козырял» знакомством с талмудистом-революционером, который «приводил в исполнение» многие решения «ревтрибунала». Сам же Сергей, отлично ведая, что именно угрожало ему, был «сердцем чист», хранил от греха душу и прямо указывал на чекистов, говоря: «Не злодей я и не грабил лесом, не расстреливал несчастных по темницам. Я всего лишь уличный повеса, улыбающийся встречным лицам», — и всё же «заигрался» в любовь с женщиной убийцы.

Любил «Блюмочку» и В. Маяковский. Н. Гумилёв, по свидетельству очевидцев, протянув было руку Блюмкину в ответ на намерение рукопожатия для знакомства, тут же убрал её за спину, как только услышал, как отрекомендовался ему чекист: «Это я, тот самый Блюмкин, убийца Мирбаха...» — «Я убийцам руки не подаю!» — ответил кавалер двух Георгиевских крестов. (Он и сам, Гумилёв, в стихотворении «Мои читатели» сказал о том же.)

Мать С. Есенина потом рассказывала, что поцеловала сына и поняла, что у него выбит, вытек глаз. Она всегда подавала поминание о сыне как «об убиенном». Ей ли было не знать, что в православии не отпевают самоубийц, — просто она усвоила от сына нечто, знала многое и поведала священнику. В селе Константиново тайно и заочно о. Иоанн совершил отпевание. С. Есенин незадолго до смерти, точно предчувствуя беду, побывал на родине в Константиново, поделился с ней опасениями. И эта его, Есенина, боязнь одинокого сидения у окон, даже и в гостинице, и в клинике Ганнушкина, где он пытался укрыться от новой власти, — вовсе не блажь, не психическая болезнь, как преподносят и теперь *широкому читателю*, — будто бы «от последствий приёма алкоголя». Сильно пьющий человек не оставит после себя столько шедевров, не напишет пять томов собрания сочинений — и прозы, и публицистики, и такой сокровищницы эпистолярной переписки

ки — просто потому, что из всех смертных грехов пьянство более всего несовместимо с величием духа, а многие из шедевров были написаны поэтом именно в год смерти, в 1925 году, в самый «запойный», по мнению наветчиков Есенина, а на деле — самый плодотворный год.

1924—1925 годы: «Анна Снегина», «Чёрный человек», «Поэма о 36», «Баллада о 26», пьеса «Страна Негодяев», циклы «Москва кабацкая», «Персидские мотивы». А в клинике Ганнушкина — «Клён ты мой опавший» и другие стихотворения... Вот и Рюрик Ивнев, близко и долгое время знавший С. Есенина, вспоминал, что поэт намеренно стучал краски, притворялся, «чтобы ярче гореть», устраивал скандалы для саморекламы, «пиарился». Не столько пил, сколько куражился. И то от того только, что стал не на шутку бояться за собственную жизнь.

«Вёслами отрубленных рук вы гребётесь в страну грядущего», как сказано им в «Кобыльях кораблях». Уже в 1919 году он знал многое, а в Харькове весной 20-го ему и более того объяснили, в том числе и о подвалах ГПУ. Он, Есенин, слишком хорошо знал, а вернее, узнал тех «людей», с которыми ему пришлось общаться, — узнал глубоко и страшно. По-видимому, знал он и то, на что способен ревнивый Блюмкин: о его ревности, помноженной на ненависть к славе Есенина, было известно многим. Сам поэт, зная об отвращении многих к начальнику охраны Троцкого, сторонившихся комиссара-революционера и любимца Льва Бронштейна, поначалу просто потешался над плохо скрытым страхом окружающих и тайным их презрением к убийце и палачу от ГПУ.

Есенин любил «уводить» женщин, дурачась или под рюмку: он считал это игрой. Играючи, увёл невесту поэта Ганина — Зинаиду Райх почти из-под венца, затем, и женившись на ней, «увёл» едва ли не из-под венца внучку Л. Толстого и тоже женился на ней... Так что опасения Блюмкина были не безосновательными, и профессионал-убийца нервничал. Кого же он опасался, к кому ревновал? К шутнику, почти мальчишке, признанному русскому гению...

Николай Леонтьев в газете «Московское время» №10 1995 года пишет, что видный учёный, патолофизиолог, доктор медицинских наук, профессор Санкт-Петербургского университета Фёдор Морохов настаивает: Есенина жестоко убили. В акте убийства не указана «вдавленная борозда на лбу», кровь на рубашке и пиджаке. Пиджак с кровавыми пятнами, хранившийся как улика, бесследно пропал. «Не замечены» были следы борьбы и обыска в номере гостиницы «Англетер», «тяжёлые травмы лба, глаз и верхних конечностей». Есенину был

нанесён сильнейший удар в область переносицы (обозначен в докладе Э.И. Хомяковой как неизвестный предмет цилиндрической формы и «контакт» с этим предметом). Он имел смелость яростно сопротивляться — не одному, а четверым, как минимум, убийцам.

Сложения С. Есенин, по воспоминаниям Н. Уткина, был отнюдь не слабого, и тот страшный удар в область переносицы «твёрдым прямоугольным предметом», по всей видимости, рукоятью пистолета — и решил всё дело в пользу нападавших. Сегодня ясно, что только намеренно уводя следствие на ложный путь, можно говорить о том, что после такой травмы Есенин смог бы сам забраться под самый потолок (высота номера гостиницы четыре метра) и самостоятельно привязаться к вертикальной трубе при наступающем уже умирании и релаксации мышц — оглушённый, без сознания.

Приставленная к поэту для слежки за ним и застрелившаяся в дальнейшем на его могиле сотрудница ОГПУ Г. Бениславская, и Г. Успенский с женой, поселившиеся в то же время в той же гостинице, и «друг» поэта Эрлих — все они знали, несомненно, гораздо больше об убийстве поэта, чем позволено было им говорить и о чём можно лишь догадываться. Некоторые из них прожили совсем недолго после ухода Есенина. Врач «скорой помощи» К. Дубровский, вынимавший тело поэта из петли, кроме следов насилия, ссадин и побоев, разбросанных вещей и следов обыска, упоминает также, что «Есенин был весь в слезах». Ведь убивали его те, кому он доверял.

С Блюмкиным он даже некоторое время жил в Москве в одной комнате, таскал его в поэтические кафе и на выступления. Эрлих (сотрудник в чине капитана ОГПУ, «ученик» Есенина) напишет впоследствии: «Пусть он простит мне наибольшую мою вину перед ним, ту, которую он не знал, а я знаю». (Вина эта — скорее всего, похищение пистолета поэта в номере. Та «тайна», о которой знали едва ли не все друзья Есенина.) Сам Есенин намекал в письме Чагину, имея виду свою возможную эмиграцию: а вот-де куда тогда пистолет «утилизировать»? Кому подарить? Дарить оружие не пришлось, «друг», зная о предстоящем убийстве, по-видимому, тайно утащил пистолет из номера. Он за тем и приходил, точнее, был послан.

Выстрел на кладбище влюбившейся в Есенина Галины Бениславской в своё сердце на могиле поэта — был, скорее, тоже от чувства осознанной вины, а не только от несостоявшейся любви. Вряд ли любовь могла расцветать от таких признаний поэта (по его письмам): «Гаяля, я не люблю вас нис-

колечко». Она выстрелила в сердце себе среди рассыпанных и поломанных папирос, после двух или трёх осечек из «дамского» (от ГПУ?) револьвера, но и этот выстрел, и раскаяние — слишком запоздали. «Я не люблю вас...», «Что вы всё спрашиваете!..» Скорее всего, он знал о её сотрудничестве с ОГПУ и всё же сделал её поверенной своих литературных дел (для того она и была приставлена: чтобы он не писал и не публиковал лишнего, неугодного власти и чтобы власти знали, что он пишет).

Теперь можно только догадываться и о причинах крика З. Райх на краю ямы могильной: «Сережа, возьми и меня!..», «Закатилось солнце наше», — той самой Зинаиды Райх, которая родила Есенину двоих детей, а затем вышла замуж за не снимавшего кожанку и напоказ носившего маузер Мейерхольда — тоже нештатного (но годами просившегося в штат ГПУ и готового «сделать для этого всё»). Какими правдами и кривдами удалось этому «режиссёру», выклянчившему смелых идей революции, до сих пор сокрыто. Крик З. Райх прозвучал в 1925-м тоже как возглас раскаявшегося соучастника. (Мейерхольд знал об «отношениях» жены с поэтом, вернувшимся из-за границы, через домработницу Зинаиду Гейман, и на похороны не пришёл.)

Один из главных свидетелей по делу — Устинов, сосед по гостинице «Англетер», вместе с женой погиб через два года при странных обстоятельствах...

Эрлих, раскладывавший по местам разбитые и разваленные предметы в номере, наводящий порядок с оглядкой на тело Есенина, обвисшее в петле, разгладил на трюмо «последнее», якобы кровью написанное стихотворение, посвящённое будто бы ему, Эрлиху... Уж кому Есенин мог посвятить свое «последнее» стихотворение, то, конечно, не ему, а истинному другу — Н. Клюеву. Эта вырубка под корень «деревенских» корневых поэтов вослед за Есениным — Клычкова, Клюева, Орешина и других — самая широкая «чистка» «от почвы» — была затеяна именно Троцким и по его же приказу исполнена.

Их было больше двенадцати, «апостолов» русского крестьянина-поэта. Но вокруг него, как вокруг всякого выдающегося человека, больше было иуд и завистников, чем друзей и помощников. «Шёл Господь пытать людей в любви...» — писал в юности Есенин, не зная ещё того, что уйдёт далеко «пытать людей в любви» и сам, и не найдёт любви.

О Есенине очень много написано, что рвёт и терзает сердце. Его после удара рукоятью револьвера душили удавкой,

затем подушкой (весь номер, как в снегу, был в пуху разорванной подушки). Били мёртвого, закатывали в ковер (в волосах осталось множество соринки от ковра), пытались инсценировать исчезновение — спустил тело с балкона, но балконная дверь так и не отворилась. Установлено было, что боковая дверь в номер Есенина была открыта отмычкой. Эту дверь после убийства замуровали. Есенин был в одном халате, нараспашку. Письмо писал он или стихи, и о чём именно были последние его строки, теперь не узнает никто и никогда.

Святые отцы Православия говорят, что лишь по милости Божьей человеку не дано видеть мерзость бесов поднебесных. «Бесы в кожанке», увиденные воочию в последние минуты жизни поэтом, были ужасны. Они и после смерти добивали поэта, мстили Есенину за то, что — талант, за то, что русский. Не давали главного: публикаций, пытались затаскать и загадить его имя. Эти «бесы по найму» в образе человеческого, чтобы их не раскрыли, клеветали так усердно, что на десятилетия задержали славу его в полной, заслуженной им мере. Был состряпан наскоро фильм «Против есенинщины». Николай Бухарин накропал «Злые заметки» на убитого поэта. Их стиль: «наследственный алкоголик», «психически тяжелобольной» и т.д. В злых этих заметках — всё то, в чём и сегодня обвиняют, по сути, любого русского, всех русских людей. Бухарин («Бухарчик», по Ленину) и сам кончил жизнь страшно, погубил и себя, и свою молодую жену беспринципностью, двурушничеством — главной чертой своего характера.

Троцкий, Блюмкин, Мейерхольд и Райх — все были убиты, кое-кто после пыток. Луначарский откровенничал: «Когда подходят к Есенину, стараются установить, что он сам хулиган, сам пессимист, сам упадочник. Это односторонняя и для нас маловыгодная позиция, мы замалчиваем кое-что, что нужно для борьбы с есенинщиной». Что «замалчивают»? «Замалчивают» и до сего дня. А что такое «есенинщина»? Да всё то же: русскость, русский дух, *архетип*. Любить безмерно мать, родину, мир Божий. Архетип этот ненавистен супротивнику: с ним, с таким «архетипом», не договоришься ни о предательстве, ни о лжи. Он (в большинстве) непокорный, самодостаточный.

По окончании этого тёмного, чёрного деяния — остался в живых только художник Василий Сварог. Остальные свидетели были устранены ГПУ очень скоро, повторяю, — даже и дальние свидетели, не причастные никаким образом напрямую, а уж тем более — и те, которым *не повезло* оказаться в числе первых на месте убийства. «Невидимой рукой» рас-

стреляны: милиционер Горбов, судмедэксперт Гиляревский, управляющей гостиницей «Англетер»... А к октябрю 1937-го — и близкий Есенину поэт Николай Клюев (который рассказывал накануне смерти Есенина художнику Архипову на Большой Морской: «Около гостиницы ходят какие-то люди, они не дали мне встретиться с Сергеем, грозились арестовать»). Вот она, настоящая трагедия: ни одного друга рядом. И «там» тоже, как и предсказано, осознано задолго: «И снег ложится вроде пятаков. И нет за гробом ни жены, ни друга...»

Убит был и Блюмкин, в отчаянное положение поставленный И. В. Сталиным (карающей десницей за троцкизм): расстрелян этот «руководитель заграндиверсионной группы ГПУ» (Яша «Ильин») — именно «за тайную встречу с Троцким за границей». До самого расстрела изощрённый убийца, выросший из обиженного на весь мир мальчика-талмудиста из Одессы в террориста, не верил в возможность осуществления вынесенного ему приговора: столько «заслуг» было на его счету (по его мнению), столько пролитое крови по указке троцкистов!.. Но Сталин не ставил пролитие крови в подвалах ЧК в особую заслугу. Вспомнили Блюмкину и участие в январе 1918 года в экспроприации ценностей Госбанка, часть средств которых он присвоил себе. И связь его с английским шпионом А. Эрдманом, который, собственно, и устраивал карьеру Блюмкина. Расстрел «за что?» По вовсе «невинному» обвинению — за встречи с Троцким за границей по делам террористической группы при ОГПУ (всего-то навсего). Но время уже было не их, не троцких и не блюмкиных, хотя и не понималось ещё ими и не принималось к сведению ими сие новое положение: нужны стране строители и герои, а не истязатели и не губители. Не мог поверить в очевидность перемен и «Блюмочка».

Время радеков, эрлихов, урицких... прошло, кончилось. Сталин отслеживал передвижение их по службе, пристально наблюдал: кто и чем занят, кто и чего стоит. Блюмкина тотчас же по его возвращении от Троцкого без всяких объяснений бросили в каземат. Ему никто и ничто уже не могло помочь: ни колдовские выдумки Рериха-старшего, с которым якшался и за которым следил он в путешествии на Гималаи, ни связи. Посланник Л. Д. Бронштейна Блюмкин так и не смог реализовать старые знакомства с «убеждёнными большевиками», не внял Сталин и просьбам весьма влиятельных дам-«землячек», кровью заливших Крым, даже с их «заслугами» (сотнями расстрелянных и утопленных в Чёрном море пленных белогвардейцев, которые сдались на милость бесов в кожанках, уповая на честное слово «аггелов»). По-видимо-

му, Сталин и тут особого геройства и преданности революционному делу не разглядел: топить с завязанными колючей проволокой за спиной руками безусых юнкеров, генералов, вахмистров и урядников, которые по большей части не участвовали в боях. И никакие сослуживцы-палачи не могли помочь уже Якову, даже и те, которые наловчились сталкивать трупы расстрелянных ногами в море, и те, которые пытались с пристрастием и кромсали на кожаные ремни спины дворян, юношей и девушек...

И было тогда, в ту пору «камерного» размышления над своей судьбой, полуграмотному террористу Блюмкину, окончившему начальные классы в одесской немецкой школе, всего то 29 годков от рождения, как и великому русскому поэту Сергею Александровичу Есенину. Ничто на земле не проходит бесследно... Он, даже и сидя в тюрьме, всё ещё надеялся. Пытался даже бодриться, хотя тайком всё чаще пускал слезу. Хватка Сталина оказалась неожиданно жёсткой даже и для местечкового душегуба-радикала, «диверсанта»-революционера. До последнего не веря в приговор и думая, что его проверяют на излом, он запел перед расстрелом: «Вставай, проклятьем заклеимённый...»

Сколько создано поэтом и прозаиком С. Есениным за десяток с небольшим лет — от первого стихотворения-посвящения Грише Панфилову и до поэмы «Анна Снегина», чистота и простота которой может соперничать, быть может, даже и с пушкинским «Евгением Онегиным»...

И вот задача: может ли столько и такого качества произведений создать «сильно пьющий» человек, пусть даже и очень талантливый? Ответ очевиден. Но и того ответа мало. Судьба прототипа Анны Снегиной — Лидии Кашиной, в девичестве Кулаковой, дочери купца Кулакова, вышедшей впоследствии замуж за школьного учителя Николая Кашина, тоже оказалась весьма непростой. Многие представители и этого рода похоронены тоже на Ваганьковском кладбище. По некоторым свидетельствам современников и по косвенным признаниям самого поэта, в том числе и в самой поэме, во многом автобиографической, Лидия («Анна») всегда тепло и сердечно относилась к поэту: «...Мы все в эти годы любили, но, значит, любили и нас», — трогательно окончит Есенин поэму.

На могиле Есенина на Ваганьковском кладбище надгробный памятник поэту задуман так: навстречу пришедшему к захоронению, к могиле, он сам, поэт, как бы вынимает из груди своей, отдаёт сердце. Он остановлен в этом порыве-движении — «отдать». Так или задумано было в самом деле, или получилось случайно... Скрещённые на груди руки, одна

из которых, правая, — готова вынуть собственное сердце и подарить. Это — горьковский легендарный Данко.

Сердце поэта Есенина с нами. И вот думаю: а что бы было, если бы не ласковое «нет» девочки в белой накидке, которая не брала записок из ошейника пса, а было бы «да»? Ведь и такой исход был возможен, в этом сознавался и сам Есенин вне поэмы. Может быть, он остался бы жить — в нашей рязанской глуши можно прожить тысячу лет никем не замеченным, не найденным ни террористом Блюмкиным, ни Троцким... Что писал бы он тогда? Вероятно, писал бы, «коль этот зуд проснулся». А Лидия Кулакова (Кашина) — «Анна Снегина» — была бы его музой и другом. Блюмкин же — суть «Герострат», сам-бес, восхищавшийся Савинковым и навязывавший написать Есенину поэму о Савинкове, поскольку сам был бесталанен, прошёл бы «как тень» стороной.

Эти двуполые (по некоторым свидетельствам) создания: Троцкий, Зиновьев, Блюмкин со товарищи — поразительно схожи. Ведь двуполым был, как известно, и Дантес. Быть может, это одна из главных и тайных отличительных черт — именно бесов. Убивающие великих мечтают о славе. Синдром Герострата. Они рвутся единственно к власти и к славе даже ценой собственной жизни. И — усомнившиеся в главном: в том, что у Бога, как известно, времени нет, всё Ему открыто. Всё рано или поздно получит свою надлежащую оценку.

Есенин, долго запретный, под предлогом, что якобы боролся с «упадничеством», с «есенинщиной», дважды убитый, воскрес в поэзии. (Со времени гибели поэта, с 1925 года, прижизненного издания его книг, вплоть до 1946 года — ни одного.) Есенин вышел к людям сам. У погибших воинов вместе с фотографиями семьи и письмами к матери на фронтах находили стихи Есенина...

1946 год, Победа над фашизмом, чувства самые искренние и горячие — и вот люди потребовали нового явления, воскрешения имени Есенина. И сколько же было издано книг и собраний стихотворений с того далёкого 1946-го по наше время, сколько написано исследований, монографий и статей. Не имевший «где голову преклонить» при жизни, «рязанский пиит» поселился в сердцах людей навсегда. Тонимый в пору наступления «железного Миргорода» (так определил сам Есенин Америку) на крестьянство, он вошёл с сердце едва ли не каждого русского и «обитель в нём сотворил».

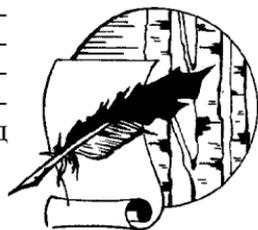
«ГОРОД БЛАЖЕННОЕ ДЕТСТВО И ГОРОД РОДНЫЕ ГРОБЫ»

К 35-летию ухода Арсения Тарковского

30 декабря 1848 года в Енисейской губернии, во граде Красноярске, родился гениальный русский художник Василий Иванович Суриков.

О, Святая Великая и Необозримая Мати Сибири! Под твоим северным сиянием рождались, совершали подвиги, дарили миру небывалые открытия, творили Великую культуру Михайло Васильевич Ломоносов, Дмитрий Иванович Менделеев, Пётр Павлович Ершов, Шергин, Писахов, незабвенные наши: Астафьев, Белов, Распутин! Слава Богу, Живые — Личутин и безценный наш батюшка Леонид Сафронов, видевший чудо северного сияния под Вяткой, в посёлке Рудничный в день смерти Валентина Григорьевича Распутина.

А тому, кто открыл Матушку-Сибирь, благодаря Государю нашему — Иоанну Васильевичу Грозному, Суриков посвятил одно из своих величайших полотен «Покорение Ермаком Сибири». Но Суриков оставил в наследство своей Родине не только живопись мирового значения, но великую харизму огромного рода Суриковых-Кончаловских-Михалковых. В истории остался лишь один пример равный этому — род Тарковских.

ПАМЯТЬ

Из исследований кандидата филологических наук, главного литературного редактора журнала «Покров» Татьяны Павловны Егоровой:

«У Владимира Ивановича Даля в томе 4 Толкового словаря Живаго Великорусского языка на стр. 391 читаем:

ТАРХАНЬ — обельный вотченникъ, свободный отъ всехъ податей, встарь *ИНЫМЪ ТАРХАНАМЪ* давались и несудимыми граматы: ныне остались только почётно, безъ правъ».

Известно, что *тарханство* было личное и потомственное. В наши дни *звание* это сохранилось в известных нам именах — Тархи, Тарханы, Тхаржевские, Тарковские. И становится понятнее из какого далёка сила воли и подвиги их потомков — литературный гений Михаила Юрьевича Лермонтова, труды Ивана Ивановича Тхоржевского, его «Петербургская серия», исследование «Пугачёвщина в помещичьей России» Сергея Ивановича Тхоржевского, безценный вклад славного рода Тарковских в отечественную культуру — поэзия Арсения Тарковского, фильмы Андрея Арсеньевича Тарковского, стихи и проза нашего современника лауреата литературных премий — Михаила Александровича Тарковского — его Тайги великолепный монастырь.

Михаил Александрович стал подлинным хранителем и продолжателем великих предков своих. Выдающийся русский прозаик, поэт и режиссёр, в лоне всё той же *Енисейской Губернии* творящий чудо Правды и Красоты, неотделимых друг от друга. Родоначальник поэтического кинематографа Александр Петрович Довженко писал в дневнике: *«Если выбирать между красотой и правдой, я выбираю красоту. Если мы не постигаем красоту, мы никогда не поймем правды. В красоте больше глубокой истины, чем в одной голой правде, и красота нас всему учит. Во всём человеческом я хочу искать красоту, то есть — истину».*

Только в России культура, которая впервые за тысячелетнюю историю представляет собою лунный ландшафт, рождает такое явление, как Михаил Тарковский. Культуры нет, а явление Культуры — есть. Ещё одно явление: многие русские люди узнали о святом старце Феодоре Кузьмиче (императоре Александре I Благословенном) благодаря подвигу Валентины Андреевны Майстренко и её единомышленникам со всей Матушки-Сибири. Валентина Андреевна замечательный писатель, адиограф, издатель, главный редактор Красноярского издательства «Енисейский Благовест» и главный редактор лучшего литературно-художественного альманаха «Затесь». И такое культурное явление, как Тобольское книжное издательство, к которому мы ещё с радостью вернёмся.

Солнцецентричная личность всех Тарковских — жена и муза Арсения Александровича, мать Андрея и Марины — Мария Ивановна Вишнякова (воспитавшая будущего гения — Михаила), которую мы видим в фильме Андрея Тарковского «Зеркало». Она является главным героем фильма Михаила Тарковского «Замороженное время» и главным героем его великой книги «42-й до востребования», изданной лучшим в стране Тобольским книжным издательством в 2023 году. Эта книга — «фильм», воплощение той Красоты, Правды и Поэзии, носителями, которых были и остаются все Тарковские.

Судьба, а значит и творчество Арсения Александровича, через сердце которого, по слову Гейне, прошла трещина мира, как в зеркале, отражают главные события Русской Истории XX века. В своей поэзии он предвидел все тектонические сдвиги, все роковые даты, в том числе и личной судьбы. В 1939 году он предвидел начало Великой Отечественной войны. Одиннадцать заявлений поступило от Тарковского в Военную комиссию Союза Писателей СССР с просьбой отправить добровольцем на фронт. Можете ли вы представить себе, любезные читатели наши, чтобы в прошениях этих значилось: «Хочу быть волонтером или контрактником за 200 тысяч рублей»?..

О своих предчувствиях, о своих предвидениях уже на фронте в 42-м году он написал пророческое:

*Немецкий автоматчик
Подстрелит на дороге,
Осколком ли фугаски
Перешибут мне ноги...*

И вот 13 ноября 1943 года это дословно сбылось. Он пережил и газовую гангрену, и скитание по госпиталям, в каждом из которых отпиливали ещё кусок ноги.

*Стол повернули к свету. Я лежал
Вниз головой, как мясо на весах,
Душа моя на нитке колотилась.
И видел я себя со стороны:
Я без довесков был уравновешен
Базарной жирной гирей.
Это было
Посередине снежного щита,
Щербатого по западному краю,
В кругу незамерзающих болот,
Деревьев с перебитыми ногами*

*И железнодорожных полустанков
С расколотыми черепами чёрных
От снежных шапок, то двойных, а то
Тройных.*

*В тот день остановилось время,
Не шли часы, и души поездов
По насыпям не пролетали больше
Без фонарей, на серых лапах пара,
И ни вороньих свадеб, ни метелей,
Ни оттепелей не было в том лимбе,
Где я лежал в позоре, в нагоде,
В крови своей, вне поля тяготенья
Грядущего.*

*Но сдвинулся и на оси пошёл
По кругу щит слепительного снега,
И низко у меня над головой
Семёрка самолётов развернулась,
И марля, как древесная кора,
На теле затвердела, и бежала
Чужая кровь из колбы в жилы мне,
И я дышал, как рыба на песке,
Глотая твердый, слюдяной, земной,
Холодный и благословенный воздух.*

*Мне губы обметало, и ещё
Меня поили с ложки, и ещё
Не мог я вспомнить, как меня зовут,
Но ожил у меня на языке
Псалом царя Давида.*

*А потом
И снег сошёл, и ранняя весна
На цыпочки привстала и деревья
Окутала своим платком зелёным.*

В одном из писем с фронта он писал: «Теперь я не смогу часто ездить на передовые, а я очень любил там жить. На передовых такие славные, такие спокойные люди, с широтой характера, с такой душевной твёрдостью, что с ними и сам становишься таким. Я, конечно, был прав перед совестью, когда так рвался в армию». Из фронтового письма сыну Андрею, будущему гениальному режиссёру: «Поэзия меньше всего литература; это способ жить и умереть»... «Поэзия — вторая реальность. Жизнь — это чудо, чудо и поэзия...», «Самое удивительное, что есть в природе, это самопознание — наиярчайшее отличие живого, от неодошевлённого. Искусство живо этим началом».

Размышляя о литературе для детей: «Существует мнение, что книги детства (добавим от себя — фильмы, мультфильмы, спектакли и тому подобное) должны непременно развлекать, чтобы, не дай Бог, не вызвать печаль — тем самым укорачивая волшебную пору детства. Замечательно другое: если книга пробуждает в душе дар сопереживания и в то же время готовность бороться за справедливость, то она воспитывает нечто, без чего человек обречён на одиночество... С детства моей первой высокой прозой был Гоголь, а высокой поэзией — Григорий Сковорода. Я полюбил его, когда мне было семь лет. Любовь к Лермонтову, Баратынскому, Пушкину, Тютчеву, остались со мною с детства на всю жизнь... Я верю, что в идеале подлинный поэт должен быть одухотворён в высшей степени, и он должен быть самым живым из всего живого».

Глядя на фронтовую фотографию Арсения Александровича, снятую в марте 1942 года, невозможно вспомнить из всех, кого когда-либо знал и кого видел, более красивого и одухотворенного лица. Не удивительно, что при *такой* недосыгаемой красоте в кругу его «коллег» было немало завистников, сальеристов... Во время войны Госполитиздат задолжал Тарковскому 20 000 рублей, но не посылал ни ему на фронт, ни семье, что бедствовала. Об этом свидетельствует письмо Тарковского от 5 марта 42 года из Действующей армии в Президиум Союза Писателей СССР, к письму приложена фотография 10-летнего сына Андрея и обратный адрес: 220 а/я, Полевая почта, редакция газеты «Боевая тревога».

Тарковский о Сальери: «Читатель не понял Пушкина, в годы его зрелости, потому что ПОЭТ, будучи сосудом скудельным вмещает в себя сущность, противоположанную ему, читателю, как «черни»: и потому его — **надо убить**, что Сальери и делает под одобрение читателя».

Как все великие поэты, Тарковский был и выдающимся переводчиком масштаба Лозинского и Ахматовой; переводчиком огромной творческой амплитуды — от Махтумкули и Галактиона Табидзе до Саят Нова! Мне посчастливилось петь поэзию Махтумкули в гениальном переводе Тарковского, петь вокальные циклы на стихи поэтов, с которыми он дружил и поэзию которых высоко ценил: Петровых, Цветаевой, Заболоцкого, Ахматовой. Он называл себя «поздним учеником Ахматовой», а она писала о нём: «он сумел сохранить первородство».

Своё последнее стихотворение перед смертью Цветаева посвятила ему — Тарковскому.

Арсений Александрович Тарковский родился в день преподобного Арсения Коневского и великой русской святой

преподобной Анны Кашинской 12/25 июня 1907 года. И ото-
шёл ко Господу в день памяти Анны Кашинской 27 мая 1989
года.

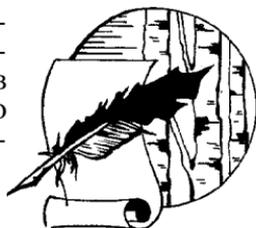
*Русь моя, Россия, дом, земля и мать!
Ты для новобрачного — свадебная скатерть,
Для младенца — колыбель, для юного — хмель,
Для скитальца — посох, пристань и постель,
Для пахаря — поле, для рыбака — море,
Для друга — надежда, для недруга — горе,
Для кормщика — парус, для воина — меч,
Для книжника — книга, для пророка — речь,
Для молотобойца — молот и сила,
Для живых — отцовский кров, для мёртвых — могила.
Для сердца сыновьего — негасимый свет,
Нет тебя прекрасней и желанней нет.
Разве даром уголь твоего глагола
Рдяным жаром вспыхнул под пятой монгола?
Разве горький Игорь, смертью смерть поправ,
Твой не красил кровью бебряный рукав?
Разве киноварный плащ с плеча Рублёва
На ветру широко не полощет снова?
Как — душе дыханье, руке — рукоять,
Хоть бы в пропасть кинуться — тебя отстоять.*

27 мая 2024 г.

«А МНЕ БЫ СНЫ, В КОТОРЫХ ВОЗДУХ СЛАЩЕ...»

Юрий Волк (Юрий Юрьевич Вологодский)... Поэт, оставивший нам невероятные стихи о сегодняшней войне, те, кто был на фронте, кто сейчас там, говорят, что в его поэзии — «всё правда». «Писал я не о прелестях войны, а о героях с искренней любовью», — да, это так. Сегодня Юрия Волка уже нет. Он умер 7 апреля 2023 года от последствий ранений, полученных 25 марта 2022 года в Первомайском, по сути, в самом начале специальной военной операции, а воевал он за Донбасс с 2014 года. Стихи эти были написаны в основном после ранения, может, для этого он и был тогда оставлен живым.

Юрий Вологодский родился 26 марта 1973 года в Невельске, на Сахалине. И провёл там с мамой, бабушкой и дедушкой раннее детство. Сахалин, а потом и Приморье стали самыми любимыми и родными. Мама — логопед-дефектолог — всегда очень много работала, Юрий с восхищением говорил о том, что она всю жизнь отдала школе и детям. Бабушка воевала в юности, в 17 лет попала под Сталинград, внук всю жизнь ею очень гордился. Дедушка по-

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

дарил профессию — Юра окончил мореходку, потом судоремонтное училище. Свободолюбивый, непримиримый к несправедливости, с детства, с начальной школы, Юра защищал тех, кто слабее, кто нуждался в поддержке и помощи. Об этом часто вспоминают его друзья и родные.

Книжный мальчик, самостоятельно научившийся читать в четыре года и любивший книги потом всю жизнь (даже на фронте у него в телефоне была целая библиотека), в совершенстве владевший английским языком, никогда не был ботаником. Он не боялся драк, выступал на митингах, зарабатывал, как только мог, чтобы в сложные девяностые помочь семье. В это время у него уже были, кроме мамы, батя (отчим, который с девяти лет стал очень близким человеком и оставался им до последней минуты), младший брат Саша, о котором Юра заботился, как о собственном сыне. А ещё было творчество — группа «Террор», игравшая панк-рок, организовали они её с другом Дмитрием Ключом.

Вечная тяга Юры к восстановлению справедливости чуть было не заставила его поехать воевать в Югославию, благо из этой попытки ничего не вышло. Потом был неудачный брак, Чеченские войны, об участии в которых он ничего почти не рассказывал, но со слов брата Александра, уже тогда Юрий говорил, что самое страшное впереди — мы будем воевать с Украиной. Правда, тогда в это совсем не верилось. Товарищ Волка уже по войне на Донбассе считал, что в Чеченскую кампанию Юра воевал в военной разведке. Понятно это стало по его навыкам и поведению.

Из Чечни Юра привёз позывной — Волк. Потом на Донбассе был другой — Юрец, но со временем Волк вернулся и остался уже навсегда, став одновременно и литературным псевдонимом.

В перерывах между поездками на войну работал, зарабатывал. Нередко заработанное отдавал тем, кому нужнее, оставляя себе минимум на жизнь. Очень любил племянников, сына Сергея. Баловал дочку Саши Алису..

Весной 2014 года Юра был дома, у мамы в Черниговке, это Приморский край. И по телевизору увидел репортаж о событиях в Одессе 2 мая. Решение пришло незамедлительно. Ещё до этого он отдал свою квартиру беженцам из Донбасса, а тут продал машину, на вырученные деньги купил необходимую экипировку и уехал защищать Донбасс. И с перерывами воевал до 2020 года, когда в самом начале пандемии вернулся в Приморье. Одно время собирался в ЧВК, в Африку, не сложилось, а потом, как только началась СВО, снова экипировался — помогли друзья — и уехал. Вопрос, надо ли снова

ехать на войну, перед ним не стоял. Закончилось томительное ожидание, ведь Волк понимал, что война неизбежна. Но на тот момент через границу его не пропустили, пришлось воспользоваться давним, не имевшим срока годности приглашением в ЧВК «Вагнер». Юра поехал в лагерь в Молькино, а недели через три — уже в бой: Попасная, Первомайск. Там и накрыло.

Если сухо описать, где воевал на Донбассе, то получается примерно так: в Славянске, на Донецком направлении (аэропорт, Пески, Вольво-Центр), участвовал в Дебальцевской операции, штурме Авдеевской промки в 2016-м, на Горловском направлении, снова на Авдеевской промке и в районе Коминтерново.

На Донбассе вначале Волк служил в Славянске, затем в легендарном батальоне «Восток», созданном в 2014 году из активистов общественного движения «Патриотические силы Донбасса». В июле 2014 года «Восток» становится бригадой, а весной 2015-го его разделяют на 11-й полк и 2 батальона. Юра оказывается в 11-м мотострелковом полку. Перерыв в 2016—2017 годах, возвращение в 2018 году. В 2018—2019 служил в 3-й бригаде, с весны 2019-го — в отряде «Суть времени» (в батальоне ВВ МВД, бывшей части «Востока»), в декабре 2019 — апреле 2020-го — в 9-м полку. После перерыва, весной 2022 года, в составе ЧВК «Вагнер» в Десятой бригаде ГРУ. На СВО Волк служил сначала водителем в бронегруппе, затем должен был пересечь на БТР, но уже не успел...

При взрыве оторвало ногу, тело было посечено осколками, получил сильнейшую контузию. Эвакуировали с поля боя его последним, никто не верил, что Юра выживет. Ещё немного, и он уже не сумел бы удержать жгут, действовала только одна рука — завязать его он не мог. Спасли. Доставили сначала в госпиталь в Первомайск, потом в Луганск, где он пережил две клинические смерти, затем был трудный путь в Ростов, на машины охотились ДРГ.. Потом Москва — Химки, Красногорск. С трудом начал заново говорить, сказывались контузии — и новая, и давние. Доктор посоветовал читать стихи, как в школе. Юрий читал лежавшим с ним солдатам Есенина, Маяковского... И они слушали — может быть, впервые так внимательно слушали поэзию. И он снова стал писать сам, как не писал до этого, по его собственным словам, лет тридцать... А ведь в юности печатался в газетах, в основном в Уссурийске. Теперь это были стихи совсем другие, в них — опыт, боль, надежда... В них невероятная любовь к Родине — это слово Юра никогда не писал с маленькой буквы, к земле, людям. Он писал через страшную боль,

которая так и не покидала его до самой смерти, но писал с любовью, с тревогой за всю нашу планету...

Юрию Волку очень нужен был отклик, нужны были читатели. В группе помощи фронту «С миру по нитке — солдату сапоги» он познакомился с Ольгой Романенко. Они стали друзьями. Оля создала для Юрия группу в Телеграме «Просто Юрины стихотворения». До сих пор в ней живут его голос, стихи, а те, кто любит Юру и его творчество, продолжают общаться на этой площадке. При жизни Юры вышли два сборника — «Имя на камень» и «А завтра будет май». Второй он уже не успел подержать в руках.

Во время работы над последним изданием Юрия Юрьевича Вологодского приняли в Союз писателей России — без рекомендаций, по подборке стихотворений. Было это 28 марта, за 10 дней до Юриной смерти. На свой членский билет он успел посмотреть тоже только на фото, которое прислал ему председатель правления СП России Николай Фёдорович Иванов. Получили билет мама с батей, место подписи Юры осталось пустым...

В любой ситуации, здоровый, умирающий, Юрий Волк оставался собой. Он не мог ходить после ранения: одна нога ампутирована до колена, вторая искалечена, на неё нельзя было опереться, мучили сильные боли, а он собирал гуманитарную помощь. Александр рассказал, что это были очень большие суммы, из которых Юра ничего не оставлял себе. Он следил постоянно за новостями с фронта, очень остро переживая всё происходящее, тем более что на фронт ушёл Саша, так и оставшийся для Юры маленьким мальчиком, которым он очень гордился.

Юрий работал даже в госпитале — писал тексты для сайтов, за них хорошо платили. Очень хотел вернуться на фронт, товарищи звали на штабную работу, ценя его опыт. И постоянно писал стихи, которые набело переписывала его мама Людмила Владимировна Парамонова (у Юры был очень неразборчивый почерк), а набирали его «девчонки» в группе, большую часть набрала Ольга Романенко. Многие стихотворения разобрала Людмила Владимировна, когда Юры уже не стало. Сейчас они изданы в сборнике «Жаль, не многое успел». Название это придумал автор, ещё для предыдущей книги, но тогда отговорили, теперь же вспомнилось и пригодилось...

ЖИЗНЬ ВЕРНУЛАСЬ...

ПРОЛОГ

Мои стихи придут бессонной ночью.
Они стучат во мне сердечным ритмом.
За словом слово — потянулись строчки,
Нанизывая образы и рифмы.

Торопит время подводить итоги.
На исповедь спешу. Весною ранней
Мне помогли потерянные ноги
Прийти в стихах своих на покаянье.

Пусть не умею у икон молиться
И не имею ангельские крылья,
Но счастлив я, что повезло родиться
На той земле, где ждали и любили.

Где научили жить, не предавая,
Где стыдно быть трусливым и продажным.
Красу Востока и родного края
Мне довелось в тайге понять однажды.

О женщинах и любящих, и верных
Стихи мои всегда в высоком стиле.
Про смерть друзей кричу, срываясь нервно.
Не зря меня огнём в бою крестили.

МОЛИТВА

Непрошено судьбу перекроив,
Война изрежет жизни, точно бритвой.
У каждого военный лейтмотив
По-своему звучит в его молитвах:

Дай мужества мне защитить очаг
И от наветов в слабости не дрогнуть,
Не запятнать ни честь свою, ни флаг,
Не прятаться испуганным от долга.

Дай волю мне пройти нелёгкий путь
И возвратиться, побывав за гранью.
Дай мне понять, в чём истинная суть
Добра и Зла в основах мироздания.

Не дай мне, Бог, разбойничьих дорог
И в битве не позволь метаться в страхе,
В опасности бежать не чуя ног,
Не дай безвинным умереть на плахе.

А коль пришлось взойти на эшафот,
Не умолять врага о снисхожденье,
Животным криком разрывая рот,
И, унижаясь, падать на колени.

Дай сил пройти по выбранной стезе,
Убереги от подлости и блуда.
Не дай, судьба, предателей-друзей
И жадности продажного Иуды.

БЕССОННИЦА

В какую мясорубку бросит память,
Пока я сны свои не досмотрел,
К прошедшему прикованный цепями,
То под обстрел, то снова на расстрел.

То под бомбёжку, то под шквалы «Града».
И пульс вразнос, к утру глаза красны.
Я не прошу особенной награды,
Вернулись бы ко мне простые сны.

Свои стихи, от водки не пьянея,
Миролюбивцам я хочу прочесть.
Для них слова — такая ахинея
Про Родину, защиту и про честь.

«Так ты же ранен, братец. Ты контужен.
Бессонной ночью с пачкой папирос
Стишки кропаешь. Разве это нужно?
У нас в миру какой с больного спрос?»

От ярости шли желваки по скулам
И зубы искрошились до десны.

Мне по душе, как бритвой, полоснули,
Что брызжет кровь в мои простые сны.

Вот на плечах боец тяжелой ношей.
Был хулиган, а умер как герой.
Минут на двадцать я усну, не больше.
И снова крик: «Не спи! Глаза открой».

Во мне кричат бегущие в атаку,
Кричит мой друг, кричит его вдова.
В бессонницу душа умеет плакать
Слезами, превращёнными в слова.

А мне бы сны, в которых воздух слаше
И я могу без помощи дойти
По лунной тропке, на волнах дрожащей,
От пирса и до Млечного пути.

Но снова ночь. И снова рвётся пламя
Из БТРа, где мой друг горел.
И в сотый раз мне возвращает память
Живых ребят, идущих на расстрел.

ВЕСЕННЕЕ

Прохладен аромат в нечерноземье,
Когда цветёт лиловая сирень.
Мир соловью с его страдой весенней
В ночной тиши российских деревень.

Хвала полям и мир озимым всходам.
Хвала земле, разбуженной весной!
И тем, кто от заката до восхода
В рычащих тракторах на посевной.

До деревень грунтовая дорога.
Умея жить на медные гроши,
Здесь ценят хлеб и почитают Бога
Не в моду, а движением души.

С войной проклятой (будь она неладна!)
Сельчанину сражаться не с руки.
Мир сельским избам, дышащим на ладан,
Где сыновей хоронят старики.

Устало мать закроем к ночи ставни.
Похолодало. Видно, на дожди.
Скрутило ей артритные суставы,
Что хоть баюкай руки на груди.

А поутру, калитку открывая,
Ждёт у крыльца сынов издалека.
И стол накрыт с румяным караваем
И кружками парного молока.

Мир соловью с его страдой весенней.
Мир тракторам в полях на посевной.
Мир выходящим на рассвете в сени
Ждать сыновей, украденных войной.

МОИ РЕБЯТА

Как сквозь тоннель,
со дна колодца,
Среди звенящей пустоты
Я поднимаюсь ближе к солнцу
И выхожу из темноты.

И вспоминаю, вроде пламя
Бьёт по глазам в последний миг.
Мне снова возвращает память
Атаку, взрыв, друзей моих.

Когда в боях на Незалежной
Наступит скорый перелом,
В России соберу, как прежде,
Ребят за праздничным столом.

В миру — мальчишки-шалопаи,
В бою — солдаты ого-го!
А пуля что? Она слепая,
Ей безразлично кто кого.

Мы посидим за чаркой водки,
Поговорим о том, о сём.
Обсудим нынешние сводки,
Мол, всё снесём и всех спасём.

Я помню их живые лица
В какой земле остались вы?

Удмурт, мордвин и два марийца,
Серёга родом из Тувы.

А с ним всегда работал в паре
Малец по имени Ренат.
Похоже, вроде бы татарин,
Но абсолютно русопят.

Нёс полумесяц под разгрузкой,
С прищуром плутоватых глаз.
Он первый тост поднял: «За русских!»
Все дружно рявкнули: «За нас!»

Я удивлён: «Да вы ж откуда?»
Серёга, хлопнувший до дна,
Со смехом мне: «Молчи, зануда!
Ведь кровь российская одна».

Народы не считай по пальцам
И делать вывод не спеши.
Быть русским — не национальность,
А состояние души.

По-русски думать, жить и драться.
Судьбина общая дана.
Какое дело нам до наций —
Земля и Родина одна.

Одна надежда, одни потери,
Один язык и русский мат
Мы в ЧВК, и я вам верю,
Что ты мой брат и я твой брат.

В ГОСПИТАЛЬ

Утро затеплилось раннее,
Ветер порывами по полю.
Бредит и мечется раненый,
Тот, что упал за окопами.

«Мне бы дождя холодного,
Чистого, частого, звучного.
Душной и жаркой погодою
Каждая клетка измучена.

Пыльно, потрескано, сморщено.
Чашей ладонь подорожника.
Просит живое о помощи:
Дождика... дождика... дождика...»

Фельдшер, совсем ещё девочка,
Шепчет, склоняясь: «О Господи!
Вы потерпите маленечко.
Миленький, вот уже госпиталь».

Зыбко колеблется марево.
Пылью глаза запорошены.
Пепел смешался с испариной.
— Дочка, спасибо, хорошая.

Мне бы водички. Водички бы.
Я ни на что же не жалуясь.
Доктор ответил: «В больнице вы.
Милый, молчите, пожалуйста».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Возвращаюсь из небытия.
Чей-то крик зовёт меня с надрывом.
Погребённый, оглушённый взрывом,
Звал кого-то, может быть, и я.
Возвращаюсь из небытия.

Высоко до неба полетел.
Вихрем пепла, в круговерти сажки.
На земле в кровавом камуфляже
Командир среди фрагментов тел.
Высоко я в небо полетел.

Жизнь вернулась всполохом огня.
Завертелись в сумасшедшем танце
Молний шаровых протуберанцы.
...На земле молились за меня.
Жизнь вернулась всполохом огня.

Я себя увидел с потолка
И врачей встревоженные лица.
Приказали снова сердцу биться:
«Возвращайся, воин ЧВК».
Но себя я видел с потолка.

В госпитале свой особый звук.
Сон, как стон, а скрипы — это хрипы.
Дышится прерывисто со всхлипом,
Булькает вода из чьих-то рук.
В госпитале свой особый звук.

В госпитале свой особый цвет.
Запах тошнотворно-сладковатый.
Вот опять вгрызается в солдата
Боль-фантом в ногах, которых нет.
В госпитале свой и звук, и цвет.

Выплывает свет из темноты.
Белые палаты, как сугробы.
И меня, дрожащего в ознобе,
Пеленают в белые бинты.
Белый свет плывёт из темноты.

Раненые пасынки войны.
Тонкими от боли голосами,
Спящие, вы жалуетесь маме.
Мальчики, ребята, пацаны,
Раненые пасынки войны.

БЫВШИЙ ПЛЕННЫЙ

Лицом к стене лежал он и молчал.
О чём шептал, про это знали стены,
Когда он тихо плакал по ночам,
Седой пацан, вернувшийся из плена.

«Не беспокоить!» — доктор приказал. —
Не подходить, не задавать вопросов».
Мы понимали, что ещё в глазах
У пацана стоял оскал безносой.

Мы многое тогда понять смогли,
Когда сжимал он голову руками,
Что ненадолго будут костыли,
И наши раны стали пустяками.

Хоть сотни раз во всём вини войну.
Да, в плен берут, но мы тогда едва ли
Могли понять, как мальчиков в плену
До седины пытали и ломали.

Тут волонтеры юные молчат,
А нас опять зовут в атаку трубы,
Как только потрясённо у девчат
В беззвучном плаче задрожали губы.

ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЁКО

Мешковину серого рассвета
Прошивает огненной иглой.
Вспышками ракета за ракетой
На передовой. И я — живой.

Привкус на губах солоноватый.
На снегу багрово-алый след.
... Помнишь, пионер восьмидесятых,
Детской песни радостный куплет.

Пелось про «прекрасное далёко».
Мы в «далёко начинали путь».
И мечталось каждому до срока
Хоть глазком в «далёко» заглянуть.

В нашем прошлом «юные апрели»,
И без нас летали корабли.
Мимо каруселей и качелей
В это настоящее пришли —

К миномётам, пушкам, танкам НАТО.
Пионеры той большой страны,
Каждый родом из восьмидесятых,
С вражьей и российской стороны.

Нам дойти бы вместе до истока
И понять, чем ненависть грозит.
Почему «прекрасное далёко»
Утонуло в страхе и грязи.

Захлебнулось здесь в кровавой рвоте
И в ошмётках выбитых мозгов.
... «О прекрасном» больше не поёте.
Не хватает в речи русских слов.

ГОРОД БРОШЕННЫХ КОШЕК

На запад танковой колонной
Ушла рокадами война.
И раны рваные зелёной
Врачует городу весна.

Прикроет листьями руины
Умолкший город без лица.
Дома стоят, согнувши спины,
С глазами нищего слепца.

Оставлен город, но не брошен.
Здесь, покидая этажи,
На улицу выходят кошки.
Так, значит, всё же город жив.

Те, за которых мы в ответе,
Приручены тобой и мной,
Совсем как маленькие дети,
Они напуганы войной.

Минуя сорванные двери,
Из-под разрушенных ворот
Идёт, потерян и растерян,
Кошачий преданный народ.

Глушили взрывы, били пушки,
Пугали дроны, жёг пожар.
Локатором кошачьи уши
Пеленговали «Байрактар».

И в полдень не по-майски жаркий,
Когда безлюдный город смолк,
Пошёл по улицам и паркам
Кошачий поисковый полк.

Идёт народец разномастный.
Он полосат, пятнист и рыж.
В подвалах ищут, в теплотрассах,
На чердаках под сводом крыш.

И не на шутку он встревожен —
Проходит ночь, мелькают дни.

Мир без людей? Да быть не может!
Они одни? Совсем одни!

Кто приласкает их, хвостатых?
Кто им знакомо скажет «брысь»?
... Идут по городу солдаты.
— Ах! Человек! Мы дождались!

И в берцы нам усатой мордой
Уткнулись, словно пали ниц.
Мы тоже защищали город —
Нет ни мышей, ни крыс, ни птиц.

Возьмите нас на фронт, ребята.
И запишите в ЧВКа.
Не надо кошкам автоматов.
Налейте только молока.

МАМЕ

На закате весеннего дня
По стеклу под порывами ветра
Стукнет вишни цветущая ветка.
Ты, родимая, вспомнишь меня.

Летом схлынет полуденный зной.
Ты, оставив дневные заботы,
Достаёшь наши старые фото.
Замираешь, склоняясь надо мной.

Мчится осень, дождями звеня.
В октябре под печаль листопада
Ты последнюю астру из сада,
Как звезду, принесёшь для меня.

Нарисует зима на окне
Серебром новогодние ели.
Возле печки под песню метели
У огня погрустишь обо мне.

Не спасла наши души броня.
У чинуши надёжные шоры.
Был защитой тебе и опорой.
Ты теперь защищаешь меня.

Знаю, мама, одна в тишине
Над моей опустевшей постелью
Запоёшь. И в твоей колыбельной
Будет боль и печаль обо мне.

УХОЖУ

Однажды вдруг случайно замечаю
Свою звезду, мелькнувшую в окне.
И вечером всё тише и печальней
Беседую с собой наедине.

Пророческие ветры марта пели
И задували бледную звезду,
Что, может, в мае или же в апреле
Я, сожалея, всё-таки уйду.

И в тишине моей последней ночи
Настанет час, когда придёт покой.
Останется морзянка многоточий
В стихах за недописанной строкой.

А, может быть, сегодня утром рано
Над вешним лугом в бисерной росе
Мне невесомым облаком тумана
Придётся вас покинуть насовсем.

Кого любил и кем-то был любимым.
Кто спас меня, кого-то я спасал.
Друзья мои, мне так необходимо
Сейчас услышать ваши голоса.

Летят минуты. Времени всё меньше.
Бойцам в окопах, на передовой,
Для брата, для своих любимых женщин —
Я всем пишу, пока ещё живой.

СУДЬБА ИЛИ УЧАСТЬ НАРОДА?

31 октября 2016 года Владимир Путин и заместитель руководителя администрации президента РФ Магомедсалам Магомедов провели в Астрахани заседание Совета по межнациональным отношениям. В повестке дня было обсуждение закона «О российской нации». Автором этой «инициативы» был назначен бывший заведомо ЦК КПСС Вячеслав Михайлов, один из самых активных проповедников дилетантской, по своей сути, концепции «Новая историческая общность — советский народ».

После распада СССР Михайлов оказался востребованным новыми хозяевами России. С 1993 года — на работе в Министерстве по делам национальностей РФ. В 1995—2000 годы — министр РФ по делам национальностей и федеративным отношениям. С мая 1998 года по май 1999-го — первый заместитель Секретаря Совета безопасности РФ.

Михайлова, несмотря на его солидный возраст, назначили руководителем экспертной группы по выработке нового закона — о наличии «новой исторической общности российский народ» по советскому шаблону.

РУССКИЙ ВОПРОС

Комментируя упомянутую выше встречу в Астрахани, политолог М. Клементьев отмечал: «Оценивая новую инициативу в области национальной политики, ее положительной стороной назову то, что не был поставлен вопрос о разработке закона о «русском народе». С этим я как русский человек никогда бы не согласился. Русский и россиянин — это просто разные категории, одно другим тут не заменишь, как не заменить русский язык языком «российским». Это, кстати говоря, пытались сделать Михаил Ломоносов вместе с Екатериной II, причем в период активного имперского строительства, но ничего у них не получилось. История же многострадального XX века однозначно свидетельствует: чем меньше в россиянине оставалось русского, тем ближе мы стояли к краю культурно-исторической пропасти».

Саму идею создания закона «О российской нации» активно поддержал в РФ только главный раввин России Берл Лазар: «Этот закон — символ новой ступени развития России, — заявил он. — Этим путем шли многие государства — от национализма, разгонявшего народы по разным «квартирам», к принципу гражданской нации, объединяющей всех жителей страны вне зависимости от их национальности, цвета кожи или веры» (Интерфакс-Религия. 1.11.2016). А за кордоном об этом готовящемся законе вполне одобрительно отзывались «Голос Америки» и цэрэушная радиостанция «Свобода». Древние говорили когда-то: «Бойся данайцев, дары приносящих».

Суть закона «О российской нации» сводился, как уже всем стало ясно, к тому, чтобы уже и вовсе вывести из государственного обращения понятие «Русский народ» исключительно в сферу этнографии. Нечто подобное происходило в последние годы советской власти, когда это понятие заменяли категорией подданства — советский народ. Под тем предлогом, что за годы советской власти якобы сформировалась «новая историческая общность — советский народ», термины «русский человек», «русская цивилизация», «русская культура» попали фактически под запрет.

Я помню, как в «Правде», где я работал с 1970 по 2000 год, ответственный секретарь газеты С.В. Цукасов принялся в годы перестройки из номера в номер заменять словосочетание «русский человек» на «советский человек». Цукасов был не единственным евреем в «Правде» — десятка два минимум, от Ю.А. Жукова до Т.А. Гайдара, но тут все они как по команде стали во время дежурств по номеру активно вымарывать слово «русский» с газетных полос.

В наши дни дело дошло до того, что в Конституции РФ термин «русский» вообще не упоминался до внесения в нее поправок в марте 2020 года. Теперь ее статья 68 гласит: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». Кто-то, подобно правдисту Цукасову, искусно выправил первоначальную формулировку, чтобы напрямую не объявить русский народ государствообразующим. Но и то — прогресс.

Национальная политика в современной России практически скопирована с указаний на этот счет В.И. Ленина, который считал, что «русский народ не более велик, чем держиморда» и обрекал его на роль донора для всех остальных народов Советского Союза, к тому же вечно кающегося за их проживание в «тюрьме народов», которой царская Россия никогда не была, а, наоборот, спасла многие вошедшие в нее добровольно другие народы от геноцида и полного уничтожения, как, например, Армению и Грузию.

«Русский человек добер! — сокрушался, по свидетельству Льва Троцкого, Владимир Ильич Ленин. — Русский человек — рохля, тютя. <...> Раб, холуй и хам».

Чаще всего со словом «русский» Ленин сочетал слово «шовинизм». О том, какой русский желателен большевикам в целях революции, Ленин написал в декабре 1914 года в статье «О национальной гордости великороссов». «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? — задавался вопросом Ильич и отвечал на него: — Конечно же, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т.е. 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов». То есть русская национальность имеет ценность не сама по себе, а лишь как средство революции.

Ленин восхищался определением, данным русской нации «демократом» Н.Г. Чернышевским: «Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». По Ленину, «...это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения». Опять же, любить свой народ, получается, можно лишь за то, что он убивает своих лучших представителей, свою национальную элиту, которая для Ленина сплошь состоит из эксплуататоров.

Вне революционной борьбы русская история, по Ленину, представляет собой «только великие погромы, ряды виселиц,

застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами». Русский патриотизм заслуживает ненависти, ибо он служит лишь прикрытием порабощения других народов. «Раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, — писал Ленин про русский народ, поднявшийся в 1914 году по призыву царя на защиту Отечества от германцев, — но оправдывает и прикрашивает свое рабство — такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения, холуй и хам».

Самым большим букетом мерзопакостных эпитетов Ленин наградил русский народ незадолго до своей смерти. В декабре 1922 года в верхах большевицкой партии разгорелась дискуссия о принципах образования СССР. Сталин в целях государственного единства предложил, что лучше было бы принять Украину, Белоруссию и Закавказье в РСФСР на правах автономий. Ленин категорически восстал против этого проекта. То устройство СССР, которое Ленин, уже стоя одной ногой в могиле, сумел тогда протолкнуть, заложило бомбу под единство Союза.

Больше всего Ленин желал, чтобы в СССР русский народ был искусственно поставлен в приниженное положение по сравнению со всеми другими народами. «Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда), — писал он в адресованной ЦК партии записке «К вопросу о национальностях или об «автономизации», — должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой то неравенство, которое складывается в жизни фактически».

Русскому человеку в СССР, считал Ленин, «нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством «великодержавной» нации». Важнейшим средством тут должно быть полное замещение русских в правящих кадрах союзных республик кадрами «коренных народов». Необходимо, призывал он, «защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ».

Вот только Ленин не объяснил, каким образом в государстве, которое уничтожило всякое «угнетение человека чело-

веком», русские могли оставаться «угнетающей нацией». Впрочем, в гимназии по логике он имел низкую оценку. Да его внутренняя ненависть к русскому народу и не нуждалась в логическом обосновании. Разве что стоит поискать корни его местечковой ненависти к русским в корнях его еврейских дедов и прадедов, о которых с такой любовью писала его мать.

Отчуждение властей от народа неизбежно ведет к отчуждению этого народа, особенно если он де-факто является государствообразующим, от государства, что опасно для самого будущего и того и другого. Эта истина весьма наглядно проявляется в ежедневной российской жизни. Морально для государствообразующего русского народа это поистине тяжело.

Отождествление себя с империей, с великой державой, типичное прежде для русского человека с его государственным, имперским мышлением, сменилось после развала СССР его отчуждением от государства и общества. Прежде всего потому, что в нынешних российских условиях надежда на помощь государства весьма слабая, что вызывает, с одной стороны, состояние безысходности и отчаяния у рядовых граждан РФ, а с другой — ведет к нагнетанию социальной напряженности. Здесь достаточно вспомнить о поведении местных да и федеральных властей во время стихийных бедствий, в результате которых тысячи людей одновременно становились бомжами, утратив всё — от жилья до документов.

По словам руководителя исследований ИКСИ РАН академика Горшкова, в современной России «народного большинства, которое могло бы заявить: «Это — мое государство и моя политика», на сегодня нет». Вывод из опроса РАН очевиден: большинство русского народа считает: положение Конституции РФ, согласно которому единственным источником власти в нашей стране является народ, — всего лишь декларация, не подкрепленная российской реальностью.

Русский человек осознал наконец, что в России до сих пор не создано государство, в котором всё было бы устроено «по совести», по справедливости, чтобы оно радело за народ, а не за тех, кто живет по свинскому «принципу», сформулированному Дж. Оруэллом в романе «Скотный двор»: «Все животные равны, но некоторые более равны, чем другие». Увы, этот принцип стал основополагающим в «демократической» России. С этим мы встречаемся ежедневно в министерствах, в судах и ведомствах, на дорогах, где авто с «мигалками» и «крякалками» носятся, не соблюдая никаких правил, безнаказанно сбивая пешеходов даже на «зебре», — словом, везде и всё время.

Согласно опросам, большинство россиян считают, что жизнь в России продолжит ухудшаться. По официальным данным из отчета Росстата, уровень бедности в России в первом квартале 2019 года вырос с 13,9% до 14,3%. Так, у 20,9 млн. россиян доходы в начале 2019 года оказались ниже прожиточного минимума. Установленный Министерством труда прожиточный минимум в России составляет 10 753 руб. (Коммерсантъ. 05.08.2019). По данным Росстата, по итогам 2023 года, уровень бедности в России сократился до 9,3% населения или до 13,5 млн. человек. Таким образом, обновлен исторический минимум, достигнутый по итогам 2022 года (9,8%, или 14,3 млн. человек). Однако реальная картина куда печальнее. Исследования Института социологии РАН показывают, что 59% населения России — бедняки. Средний класс в стране, определяемый по европейским методикам, всего 6—8%. 80% населения России живут в бедности, а около 20% — в полной нищете. По данным Росстата, в России 26% детей живут в семьях с доходами ниже прожиточного минимума, указывается в исследовании. Детская бедность создает «ловушку нищеты», предупреждают экономисты. Особенно остро проблема бедности детей стоит в сельской местности. 45% детей, живущих на селе, росли в малоимущих семьях. Несомненно, депрессивным фактором служит и то, что в массе успешных людей в современной России коренные русские в процентном отношении составляют меньшинство.

Согласно опросу, за последние три года люди радикально изменили взгляд на эмиграцию. Большая часть россиян склоняется к тому, что жить нужно там, где ты вырос и получил образование. В 2021 году преобладало другое мнение: жить нужно там, где тебе будет хорошо. Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник», который проводился 4 марта 2024 года, в котором приняли участие 1,6 тыс. россиян в возрасте от 18 лет, подтвердил эту тенденцию.

«Наши национальные и миграционные проблемы напрямую связаны с разрушением СССР, а по сути, исторически — большой России, сложившейся в своей основе еще в XVIII веке», — говорится в одной из статей Путина (Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012). Это верно. Но, к сожалению, этот тезис автором статьи не развит. А тут есть, о чем подумать.

С развалом СССР для русского человека жизненно важным делом стало даже не «возрождение империи», о которой так тоскуют наши «государственники», сколько, прежде всего, возвращение к основам русской цивилизации, к право-

славной вере, к традициям и обычаям русского народа, к «русской идее», к «русской мечте» по Проханову, ко всему тому, что последовательно уничтожала советская власть. О национальной политике большевиков, построенной на антирусских и антиславянских постулатах Маркса и Энгельса, которые открыто призывали к уничтожению славян, и особенно русских как «реакционной нации», о русофобии Ленина, Троцкого, Бухарина и Зиновьева написано достаточно много. Напомню, что Ленин еще до революции призывал «отомстить» русскому народу за «угнетение инородцев».

Уже в последний год своей жизни, то и дело впадая в маразм, он всё же оставил свое завещание и по национальному вопросу, где фактически обрек русский народ на вечное покаяние перед всеми малыми народами России. «Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически» (Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации». Полн. собр. соч. Т. 45. С. 359).

Именно на заре большевизма и в период расцвета его слово «русский» впервые было поставлено вне закона в стране торжествующего Интернационала. Против русского народа была развязана война, имеющая целью не только духовное, но и физическое его истребление. Русские дворяне, интеллигенция, офицеры, купцы и священство, казачество и зажиточное крестьянство уничтожались как класс в период красного террора, большого террора и позднее. Сословный геноцид со временем принимал все более масштабные и изощренные формы, включая депортацию крестьян в тайгу и за полярный круг, голодомор и принудительное разделение родителей и детей. Бесправное положение русского народа в годы советской власти полностью соответствовало завещанию Ленина. Никто в СССР не жил хуже русских, если брать народ в массе. Угнетение русских осуществлялось не только в сфере экономики и при распределении национального продукта (русским в РСФСР выделяли меньше всех бюджетных средств на душу населения) — подавлялось национальное самосознание русского народа, его пытались лишить исторических национальных корней и его православной религии, его традиционных мест обитания.

После распада Советского Союза русский народ был искусственно разделен: 25 млн. русских оказались для Россий-

ской Федерации иностранцами. Во всех бывших республиках СССР они были поставлены либо в положение «неграждан», как в экс-советской Прибалтике, либо в положение граждан второго сорта. Повсюду началось вытеснение русских с мест их обитания, а дискриминация при найме на работу, поступлении в вузы и другие учебные заведения, в ходе медицинского обслуживания, пенсионного обеспечения и в других сферах социального обеспечения обернулась отказом русским в равных возможностях выживания на всём пост-советском пространстве.

В самой России исконно русские поселения были обречены на вымирание и опустошение в результате разгона колхозов и совхозов, отсутствия коммуникаций и снабжения, реквизиции пахотных и других сельскохозяйственных земель под коттеджные поселки и коммерческие центры.

Вряд ли найдется на земле народ, который бы позволил себя безропотно уничтожить. Спротивление сословной и культурному геноциду русских было и во времена советской власти, хотя и жестоко подавлялось. Но, казалось бы, с падением коммунистического режима русское возрождение получило свой исторический шанс. Этому объективно способствовала и радикальная перемена статуса русского народа. Как только над Кремлем был спущен флаг СССР и мы все окончательно поняли, что «новая историческая общность — советский народ» — это всего лишь химера партийных идеологов, Россия стала даже по стандартам ООН гомогенной страной. Русский этнический компонент составил в ней около 81%, а с учетом других этнических славян, считающих себя русскими, порядка 84%. (Lenta.ru. 03.11.2016). Одновременно по тем же стандартам ООН Россию можно было бы без всяких нарушений международного права объявить моноконфессиональной страной, так как подавляющее большинство ее селения — православные. Между тем, напомним, ни в СССР, ни в Российской Империи доля русского населения не превышала 55%. 31 декабря 1991 года создалась абсолютно новая этнокультурная ситуация, к которой нельзя подходить со старыми мерками советского или даже дореволюционного периода. Русские уже не просто титульная нация, а нация-государство. По-своему это проявилось в открытом сближении светской власти с Русской Православной Церковью.

Тем не менее Россия не была объявлена мононациональной, унитарной страной, а сохранила советскую форму федеративного государственного устройства РСФСР — только с независимостью. Русский народ не получил по Конститу-

ции статуса государствообразующей нации, несмотря на то, что всё еще (пока процесс его вымирания не зашел слишком далеко) имеет на это полное право в соответствии с перечисленными выше нормами ООН. Русским так и не удалось создать ни своего национального государства, ни своего национального правительства. Между тем все титульные нации в экс-советских республиках после развала СССР в той или иной форме такой статус и такие возможности получили.

По поводу того, предоставлять его русскому народу либо нет, споры не утихают до сих пор по всему политическому спектру — от крайне националистического крыла до истерически русофобского. Вот и В. Путин в своей статье пишет: «Русский народ является государствообразующим — по факту существования России. Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, «всемирной отзывчивостью», по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар... Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет «нацменов», а принцип распознавания «свой — чужой» определяется общей культурой и общими ценностями» (Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012). Путин термин употребил правильный, но сказав «А», не сказал «Б».

Не поэтому ли в Конституции РФ, гарантом которой является президент РФ, до сих пор нет даже упоминания о русском народе, не говоря уже о его государствообразующем статусе. Этого словосочетания господа либералы боятся как огня. Они навязывают русским чуждые взгляды и чуждую им либеральную идеологию под видом «общечеловеческих ценностей». Учтывая всё это, депутат от КПРФ, известный режиссер В. Бортко выступил в январе 2016 года в Госдуме с призывом созвать Конституционное собрание с целью внесения изменений в Конституцию РФ. По его словам, действующей «Конституцией на установление ценностей на уровне государства установлено табу... Государственная идеология как аккумулятор высших ценностей государства запрещена статьей 13 Конституции. Но если нет ценностей, не может быть и цели, а если нет целей, не может быть и результатов, — заявил депутат. — Вместо них Конституция обращается к сформулированной за пределами России категории «Общепризнанные принципы и нормы международного права».

По сути, запрет на государственную идеологию в России означает запрет на пересмотр идеологии либерализма. «Либерализм используется в данном случае как инструмент раз-

рушения потенциала государства, — подчеркнул Бортко. — В то же время в качестве высшей ценности Конституция определяет человека, его права и свободы. В этом определении не находится места ни для существования самой России, ни для семьи, ни для национальных исторических традиций». Но даже Бортко не рискнул открытым текстом заявить в Думе, что пришло время законодательно закрепить в Конституции РФ государствообразующий статус русского народа.

Вот экспертная оценка этого понятия: «Государствообразующий народ — народ, соответствующий одновременно всем нижеуказанным критериям:

- 1) исторически создавший то или иное государство;
- 2) составляющий абсолютное большинство его населения;
- 3) являющийся его этнополитической основой и «скрепой»;
- 4) язык, которого является государственным языком данного государства».

С научной точки зрения, принятой во многих странах и в России, нация есть такая фаза развития этноса, в которой этнос создает свою полноценную государственность. В России государствообразующий народ один — русский народ. Русские — не только создатели России, но и единственная нация, без которой Россия не могла бы существовать в виде единого государства. Русские — единственный народ, «скрепляющий» единство страны от Калининграда до Курил.

Далее рассмотрим, что такое национальное государство. В общепринятом смысле национальное государство — это характеристика конституционно-правового статуса государства, означающая, что данное государство является формой самоопределения конкретной нации, выражает, прежде всего, волю именно этой нации. В Большой Советской Энциклопедии отмечалось также: «Национальное государство является целью и конечным результатом работы любого национально-освободительного движения и являет собой отсутствие иностранного господства, наличие национальной независимости, ликвидацию национально-колониального гнета и эксплуатации, реализацию нацией ее права на самоопределение» (БСЭ. М.: Советская энциклопедия, 1970).

Если брать историю борьбы русского народа против татаро-монгольского ига, других нашествий, включая гитлеровское, то и этому условию Россия как национальное государство полностью соответствует. Конечно, далеко не все национальные государства возникли в результате национально-освободительной борьбы. Наиболее древние из них — Германия, Италия, Франция, Норвегия, Швеция, Дания — создавались в ходе объединения земель родственных племен и за-

хвата чужих путем планомерного развития титульной нации в аспекте государственного строительства. То же самое можно сказать и о России, которая стала результатом государственного строительства русского народа, создавшего и развившего мощное государство для обеспечения своей жизнедеятельности как нации. «Однако впоследствии, — справедливо отмечает один из идеологов современного русского национального движения А.Н. Севастьянов, — в результате нескольких антирусских государственных переворотов роль русского народа в системе государственной власти в России была абсолютно нивелирована. Сейчас власть имущие в России считают русских не государствообразующим народом, а чем-то вроде топлива для локомотива многонационального государства под названием Российская Федерация». Увы, статья Путина по национальному вопросу во многом грешит именно таким подходом.

Естественное и многовековое стремление русских к созданию своего собственного национального государства вовсе не равнозначно стремлению к национальному угнетению других народов, входящих в состав России. Так же и освященное веками господствующее положение Православной Церкви, ее естественная поддержка со стороны государства, как указывал еще Столыпин, «не должны нарушать прав других вероисповеданий и вероучений», а также свободы совести для российских граждан. И это говорил тот самый премьер-министр России, который с гордостью характеризовал созданный им кабинет министров как «чисто русское правительство». Так что речь никак не идет о неких попытках утвердить «русский великодержавный шовинизм» в качестве государственной национальной доктрины за счет других народов.

Найти более интернациональный народ, чем русский, трудно. Но этим, увы, в ущерб русским веками пользовались другие малочисленные народы, мелкие этносы и народности. В СССР нам со школьной скамьи вдалбливали, что царская Россия была «тюрьмой народов». Это — чудовищная ложь! Как в такой «тюрьме» реально обстояло дело с их правами, можно судить, например, по книге великого Д.И. Менделеева «К познанию России». В ней он писал незадолго до революции 1917 года, что для «туземных национальностей» слишком много сделано в России и что «пришла пора пристальней позаботиться о русском племени». Не пора ли и нынешней власти озаботиться тем же?!

Однако власти РФ по-прежнему цепляются за старые советские установки в решении национального вопроса. А они не просто устарели, но и доказали свою нежизнеспособность,

так как были построены на восприятии желаемого за действительное. Российские парламентарии не раз предлагали использовать совершенно новую историческую и очевидную этническую реальность подавляющего превосходства русских в РФ, чтобы отменить все автономные округа и национальные республики, скроенные по советскому образцу, ввести вместо них административное деление на области с подчинением каждой своему федеральному округу, как в свое время хотел сделать Ю.В. Андропов, заняв пост генсека КПСС. Но не успел... А это было бы логичным решением, как и закрепление законодательным путем государствообразующего статуса русского народа со всеми отсюда вытекающими последствиями его пропорционального представительства в органах власти.

Возможно, в таком случае следовало бы сделать исключение для Калмыкии, Татарстана, республик Северного Кавказа и Тувы, но гарантировать при этом, что их автономия в рамках Российской Федерации полностью исключает их суверенитет. Это необходимое условие, так как географическое положение приграничных автономий облегчает их выход из состава России, а суверенитет Татарстана вообще чреват для России геополитической катастрофой.

Что касается остальных автономных образований, где титульный народ до большинства и такого титула явно не добивает, то здесь надо, наконец, всенародно признать, что они созданы искусственно «комиссарами в пыльных шлемах», которые злонамеренно перекроили карту России так, чтобы русский народ чувствовал себя национальным меньшинством. С учетом новой этнической реальности, сложившейся после развала СССР, эту большевистскую бомбу замедленного действия, подложенную под будущее нашей страны, надо по возможности скорее обезвредить, не лишая малые народы их культурной автономии, государственной поддержки и гарантий сохранения их языка, литературы, искусства и традиций. Русским национальным государством должны управлять русские, что не исключает участия отдельных талантливых представителей малых народов в органах власти, включая правительство России.

Конечно, малые народы обязательно должны быть представлены в российском парламенте, как в свое время в Совете национальностей Верховного Совета СССР. Но тоже пропорционально их численности в составе народов России. Тут, конечно, сразу же возникают наши правозащитники с протестами и угрозами: «Вы знаете, что про вас тогда на Западе скажут?!»

Увы, в России привыкли то и дело оглядываться на Запад, сверяя российскую политическую практику с тамошней. Недаром подтрунивал над этим Достоевский, когда говорил: «Мы любим Запад больше, чем он сам себя».

Давайте сверим, как это делается, например, во Франции, где я проработал собкорром «Правды» с 1986 по 2000 год и хорошо знаком с проблемой мигрантов и нацменьшинств. А они там есть. Это — корсиканцы, баски, бретонцы, провансальцы, если брать основные. Ни у кого из них национальной автономии нет. Есть культурная автономия. Их национальные традиции поощряются и соблюдаются. Они пользуются полным равенством с этническими французами, но любые попытки националистов добиться для них хотя бы автономии, не говоря уже о суверенитете, жестко пресекаются. И такую политику поддерживает большинство французов, что показали, например, президентские выборы с 2007 по 2018 год. Как только кандидат социалистической партии на пост президента Сеголен Рояль заикнулась о том, что может подумать об автономии для Корсики, от нее отшатнулись даже социалисты. Это стоило ей поражения на выборах, а затем и лидерства в соцпартии. Такого французы не прощают. Во Франции — значительный процент пришлого арабского и африканского населения, в основном из бывших колоний. В пригороде Парижа Сен-Дени, например, их более 50%. Марсель — это вообще больше арабский город теперь, чем французский. И эти пришельцы не интегрируются, так как европейская цивилизация им чужда. В центре Парижа целые кварталы вблизи Монмартра напоминают теперь африканские трущобы, а не картины символистов Утрильо и Тулуз-Лотрека. Эта новая этническая реальность, сложившаяся во второй половине XX века, не нарушила, однако, гомогенности французского государства. Никакой автономии выходцы из Африки не имеют и не получают в обозримом будущем. В спорах о национальной идентичности, которые развернулись во Франции в конце 2009 года с подачи министра иммиграции Ф. Бессона, все-таки возобладала позиция национальных приоритетов, а не бездумного «интернационализма». Детей иммигрантов будут потихонечку приучать любить французский флаг и хотя бы раз в год заставят петь «Марсельезу». Строительство минаретов во Франции не поставили вне закона, как в Швейцарии, но носить чадру не позволяют. И даже хиджаб — платок, закрывающий волосы, лоб и шею, — запретили во французских школах. Франция пока остается национальным государством. И никто такой подход не считает отступлением от демократии.

На территории России проживают от 12 до 14 млн. иностранных граждан, из которых свыше 8,8 млн. не имеют легального статуса. По другим данным, их уже более 20 млн. из которых половина — нелегалы. В последнее время ситуация с притоком нелегальных мигрантов приобретает статус государственной политики компенсации депопуляции. Вымирающих русских заменяют пришельцы. При этом, по данным Роскомстата, в стране насчитывается свыше 6 млн. собственных граждан, не имеющих работы и свыше 4 млн. бездомных.

В Москве живет азербайджанцев больше, чем в Баку, а татар — больше, чем в Казани. К середине века мусульманском будет как минимум каждый четвертый россиянин. Можно ли гарантировать, что толкование мусульманских постулатов будет проводиться умеренными знатоками Корана? Практика показывает, что и вахабиты сплошь и рядом маскируются под умеренных, но от этого терактов в стране меньше не становится. И трагические события в «Крокус-Сити» весной 2024 года доказали это наглядно.

Уже сегодня вроде бы умеренные мусульманские лидеры призывают убрать с герба России православную символику. Сейчас повсюду в России строятся новые мечети. В Москве на мусульманские праздники прямо на улицах резали баранов, что не позволяют делать ни в одной европейской стране...

Не надо иллюзий, господа! То, что начинается с невинных разговоров о свободе совести и религиозной терпимости, заканчивается призывами к «джихаду» и истреблению «неверных». Дело дошло до того, что в Татарстане ведущая местного телевидения назвала русских «оккупантами» в открытом эфире, что есть экстремизм в чистом виде, но ее за это даже не отстранили от работы, а повысили в должности.

ПОРТРЕТ ДОРИАНА ОКУДЖАВЫ

Булату Окуджаве исполнилось сто лет. Надо бы славословить его, да как-то разум не кипит. Слишком много отложилось в нём, разуме, такого знания о нём, Окуджаве, которое гнетёт доброе слово, не даёт ему выхода.

С годик назад для некоторых своих нужд я задался целью узнать поглубже зловещую фигуру Льва Троцкого. И попробовать узнать подлинную личность его и вполне осязаемое присутствие его в нынешней нашей жизни. Мне кажется, что многие несуразности сегодняшнего дня можно вполне доходчиво объяснить его наследием. Из Троцкого всеми мерами нужно ныне создать невинную жертву, растерзанного агнца, а не убийцу-маньяка. Это насущная задача наступившей в России диктатуры либерализма, которая сплошь и рядом прорастает из троцкизма. Даже главные действующие лица либеральной нынешней тусовки сплошь из потомков активных прежде троцкистов. Проигравших когда-то в первом колене и потому живущих единой ненавистью и жадой реванша.

И вот с некоторых пор в моём исследовании нашего недавнего прошлого и настоящего всё чаще стало попадаться и без того

ДОСЬЕ "МГ"

набившее оскомину имя Окуджавы. Откуда берётся этот тошнотворный осадок в душе от этого имени, я анализировать не пытался. Полагал, что это от местечково неумеренной рекламы ему, которая перешла все границы здравого и в ящике, и на бумаге. Настырнее рекламируют только таблетки от запоров.

Но не то оказалось. Это была, как я теперь понимаю, реакция на его тайную духовную гниль. Я теперь точно знаю, что здоровая душа человеческая способна угадать разложившуюся личность, даже если умом и знаниями своими мы ещё ничего не ведаем об этом её разложении. Здравый человек умеет угадать тлетворный мерзкий дух нравственного гниения на расстоянии — временном и пространственном.

У меня в планах, если успею написать эту книжку, проследить родословие некоторых нынешних столпов литературоведения и культуртрегерства. Любопытно мне, не упрут ли их корни в чекистские, пролеткультовские, РАППовские и прочие смертоносные подвальные, андеграундные нечистые притоны дьявольской власти, где обитали в жутком всеисилии страшные их предки. Ну, например, кто такой тот Владимир Окуджава, которого Ленин привёз с собой в Россию в «пломбированном вагоне», и не по внушению ли того inferнального своего родича вдруг стал вещать Булат Шалвович такие, к примеру, гадости о России и русском народе: *«Патриотизм чувство не сложное, оно есть даже у кошки... Поэтому холопская психология остаётся... Гены (у русского) уже нафаршированы этим. Менталитет таков. Раб не мечтает о свободе, он говорит: «Да на хрена мне ваша свобода». А что такое свобода — не знает. Европа освободилась от рабства очень давно, а Россия — нет»*.

И кого травил тот ленинский гвардеец, отец прославленного барда, Шалва Окуджава, а ведь он обязательно травил, нельзя было в те времена без травли с человеческими жертвами добиться тех высот в партийной иерархии, где обитал этот Шалва...

Еврейское имя его отца, Шалва, на иврите означает «беззаботность, благополучие». Слово «шалва» встречается в книге Теилим (псалмы), Притчах царя Шломо и других ветхозаветных текстах.

Есть эпизоды в его жизни, которые могли бы смутить и начинающего Гитлера. Отец Окуджавы, как и его братья, был видным грузинским национал-сепаратистом. Грузия исключительно для грузин — это была их цель, которая возродилась сегодня. После прихода к власти грузинские большевики перекрыли границы республики, запретив въезд негру-

знам. Уже в марте 1922 года рассылается телеграмма-манифест (за подписями Махарадзе и Окуджавы), в которой сообщается, что грузинки, вышедшие замуж за мужчин других национальностей, лишаются грузинского гражданства. Началась массовая депортация армян, которых под конвоем вели на вокзал, сажали в вагоны для перевозки скота, вывозили за пределы Грузии и выбрасывали там из вагонов...

Булат Шалвович нигде не упоминает, хотя написал целую автобиографическую книжку о том, что же питало его лютую нелюбовь к России и русским. А началось всё с того, что тот же Шалва не угадал однажды своей выгоды в сложившихся исторических обстоятельствах и не на ту поставил лошадь.

Дело было так. Однажды, а именно 8 октября 1923 года Троцкий написал программное письмо ко всем членам Политбюро ЦК ВКП(б), в котором изложил дальнейший смысл решительных действий оппозиции. Была объявлена окончательная война за власть. Момент был отчаянный и бесповоротный. Ленин уже дышал на ладан.

Вслед за письмом Троцкого в ЦК РКП (б) поступило известное «заявление 46-ти», подписанное группой руководителей объединённой оппозиции. Это был лихой наскок политической кавалерии, разведка боем. Подписанты — Преображенский, Серебряков, И. Смирнов, Пятаков, Белобородов, В. Косиор, Осинский, Дробнис, Рафиил, Богуславский и прочие. Среди прочих было имя Шалвы Окуджавы, у которого через год родится известный нам стихотворец и менестрель.

Каменев, оценивая значение этого «заявления 46-ти», скажет так: «ЦК был посажен на скамью подсудимых» («Известия ЦК КПСС», 1990. № 7. С. 174-175). За это, конечно, со временем нужно будет ответить. Таковой была тогда цена политических заскоков. Тут уж кто кого...

О зверствах родителей Окуджавы в стране не забыли.

Впрочем, до ареста отец Окуджавы ещё успел походить в «начальниках Нижнего Тагила», став первым секретарём горкома партии этого уральского города, куда он и выписал семью.

Одноклассница Булата вспоминала, «как появился в классе красивый, заметный Булат — он ходил в вельветовой курточке». С тех пор он и чувствует себя на особом положении. И вот уже двенадцатилетний Булат звонит из школы в горком партии, требуя к подъезду сани, чтобы добраться до дома, до которого всего триста метров расстояния. Тогда же он стрелял из пистолета в своего сверстника, но как сыну первого секретаря горкома партии ему это сошло с рук. Пробив грудь,

пуля прошла навывлет, не затронув жизненно важных органов, мальчик выжил. Дед, братья отца, отец, брат, сын — у всех в роду Окуджавы были серьезные проблемы с психикой. В наказание за выстрел Булата отправят на лето отдыхать в Грузию.

Так что безнаказанность и вседозволенность в семье высшей номенклатуры появилась не теперь...

И как тут не вспомнить с некоторым мистическим содроганием, что Булат Шалвович Окуджава при рождении назван был родителями Дорианом в честь известного персонажа романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» — романа о превращении талантливого и прекрасного отрока в порочное чудовище, продавшее душу дьяволу.

Ах какой крутой тут непридуманый сюжет вырисовывается!.. Между прочим, многие эпизоды и поступки его жизни без дьявольского внушения и объяснить трудно. Потустороннее влияние на себя он и сам ощущал, наверное, объясняя частые свои кощунства и необъяснимые выверты сознания тем, что его «бес попутал».

И ведь и стихи его некоторые, похоже, были внушены кем-то не совсем чистым. Например, считающееся лучшим его стихотворение и речитатив про «капли датского короля».

Суть и появление этих капель пояснил ещё Николай Лесков в небольшой повестушке своей «Жидовская кувырколлегия», из которой я взял этот эпизод. Написана она ещё в 1882 году. Местечковое население тогда, чтобы избежать армейского призыва, изобрело такой способ: *«Во многих польских аптеках продавалось какое-то жестокое снадобье под невинным и притом исковерканным названием «капель с датского корабля». От этих капель человек надолго, чуть ли не на целые полгода, терял владение всеми членами и выдерживал самое тщательное испытание в госпиталях. (О таком же способе рассказывает в одном месте известный знаток солдатской жизни А.Ф. Погосский. Секрет этот знали и русские знахарки и обманывали им врачей с блистательным успехом.) Всё это покупали и употребляли, предпочитая, кажется, самые ужасные страдания служебной неволе».*

То, что эти чудодейственные капли, позволяющие избежать призыва на фронт, прославлялись в фильме о Великой Отечественной войне, никак, кроме неумной и кощунственной провокации, не воспринимается нормальным человеком...

Есенин, не понимая, откуда берутся у него в таком изобилии чудесные неповторимые и чистые слова, объяснял это тем, что Господь выбрал его своей дудкой, чтобы пропеть

людям свои небесные песни. Чьей дудкой считал себя Окуджава? Убеждённый безбожник, он вряд ли о том задумывался... Бог, опора, условие нравственного совершенства души, никогда не был ему интересен...

В 1937 году отец Окуджавы был арестован в связи с троцкистским делом на Уралвагонстрое и вместе с двумя братьями был расстрелян как участник заговора Троцкого. Юный Булат именно с этого времени пишет стихи и вполне понимает, что происходит. Он отрекается от отца, но не от его духовного наследия. Он теперь исподтишка, а то и явно начинает мстить России.

— Учился я плохо. Курить начал, пить, девки появились. Московский двор, матери нет, арестована, одна бабушка в отчаянии. Я стал дома деньги подворовывать на папиросы. Связался с тёмными ребятами. Образцом молодого человека у меня был московско-арбатский жулик, блатной. Сапоги в гармошку, тельняшка, пиджачок, фуражечка, чёлочка и фикса золотая, — бравирует Булат Шалвович в своей автобиографической книжке.

В августе 1995-го Окуджава был гостем программы «Поверх барьеров», выходящей на радио «Свобода», где сказал о Шамиле Басаеве:

— Я думаю, что когда-нибудь ему поставят большой памятник. Потому что он единственный, кто смог остановить бойню.

— Но погибли в больнице мирные люди.

— Вы судите Шамиля Басаева или говорите об этом конкретном поступке? Если говорить о Шамиле Басаеве вообще, я не юрист, я недостаточно информирован. Если говорить о том, что случилось в Будённовске, — это печально и трагично, но война трагичнее, чем этот поступок. И поэтому я думаю, что когда-нибудь ему памятник поставят.

Напомню, что Будённовск — это русский город, убиты в нём были русские люди. Их Окуджаве, конечно, не жаль. И памятника они не заслуживают.

Если вспомнить, что по плану большевистской монументальной пропаганды первый памятник, установленный в 1918 году в Свяжске, был памятник Иуде Искариоту, первому богоборцу (этот памятник открывал лично Троцкий), то и тут логика Окуджавы окажется вполне безупречной...

После разгрома российского парламента в 1993 году, где погибли сотни мирных невинных людей, Булат Шалвович заявил: «Я наслаждался этим. Я терпеть не мог этих людей, и даже в таком положении никакой жалости у меня к ним совершенно не было» (из интервью газете «Подмосковные известия» 11.12.1993 года).

После этого интервью актёр Гостюхин пришёл к Окуджаве на концерт в Минске, сломал на глазах публики и швырнул в лицо Окуджаве его пластинки...

Дальше в этом интервью есть такое продолжение. Его спросили о войне, он числился в ветеранах Второй мировой. И в его ответе — величайшее презрение к нашей истории: «Я тоже был фашист, но только красный».

Здесь Окуджаву являет себя истинным троцкистом.

Тут надо, конечно, кое-что растолковать. В нескольких словах Булат Окуджаву прояснил для себя и для нас всю суть главной доктрины Троцкого. Это, конечно, он мог слышать от отца. История тут такая. Имя первого героя Троцкого было Жорж Клемансо. По Троцкому этот Клемансо совершил свой годный для подражания подвиг именно в то время, когда враг стоял в восьмидесяти километрах от Парижа. Это было в конце Первой мировой войны. Троцкий особо поясняет тогдашнюю тактику Клемансо и причины захвата им власти. По Троцкому следует, что этот решительный политик отобрал бразды правления у тогдашнего безвольного правительства в исключительных интересах нации и истории. Сплотив весь народ — от клошаров до аристократии, он Парижа не отдал и вывел Францию в победители. В действительности всё это было не совсем так, но Троцкий, как мог, раскрасил лик Клемансо, чтобы и себя почистить под этим героическим портретом. Примерив на себя этот романтический образ и напомнив о том, что Жоржа Клемансо за его порывы народная молва окрестила «Тигром», а он, Троцкий, и без того носит имя Льва, вот с каким бесстрашием он обратился к Сталину и его сторонникам ещё в 1922 году: «Вы — группа бездарных бюрократов. Если станет вопрос о судьбе советской страны, если произойдёт война, вы будете совершенно бессильны организовать оборону страны и добиться победы. Тогда, когда враг будет в ста километрах от Москвы, мы сделаем то, что сделал в своё время Клемансо, — мы свергнем бездарное правительство; но с той разницей, что Клемансо удовлетворился взятием власти, а мы, кроме того, расстреляем эту тупую банду ничтожных бюрократов, предавших революцию. Да, мы это сделаем. Вы тоже хотели бы расстрелять нас, но вы не смеете. А мы посмеём, так как это будет совершенно необходимым условием победы».

Так что Троцкий самым ясным образом подсказал Сталину верный повод для грядущей расправы над собой и троцкизмом, столь решительно уже настроенным. Но запомним и то неперемненное условие, необходимое для победы Троцкого. Враг должен обязательно стоять уже в ста километрах от

Москвы. Это у Троцкого выскочило вовсе не случайно. Это было не следствием полемического задора, а, как мы увидим, далеко идущим замыслом, который, как я полагаю, и стал причиной его жуткого и бесславного конца. Последователи Троцкого все готовы были стать к концу ожидаемой войны фашистами, перейти на сторону Гитлера, а потом получить от него власть над Россией. На определённых условиях, конечно. С этой идеей некоторые настолько сроднились, что это стало единственным смыслом их жизни.

Жаль, не узнаем мы теперь — возглавил ли бы гитлеровскую Российскую освободительную армию вместо Власова Троцкий. Ледоруб Рамона Меркадера окончательно похоронил все эти планы 20 августа 1940 года.

Тут кстати было бы сказать, что мечта Троцкого поспособствовать победе Гитлера почти-таки осуществилась. Западногерманский военный историк И. Гофман в своей книге «История армии Власова» (издательство «Ромбах», Оренбург, 1984) приводит список перешедших в 1941 г. советских военных на сторону немцев. Все они — бывшие троцкисты, ставшие ярыми пропагандистами в армии Власова идей Троцкого.

Призванный на войну Окуджава и ведёт там себя как истый троцкист-власовец. Главная задача — не помешать фашистам поближе подойти к Москве. Вот фрагмент одного из его многочисленных интервью. Опять до тошноты доводит тут Окуджава своей циничной откровенностью:

— Меня ранило весьма прозаически из крупнокалиберного пулемета, с самолета. «Рама» летала и постреливала. Случайно какая-то пуля раздробила кость и застряла в бедре. Я долго её потом носил на веревочке...

— Вы так и не успели повоевать толком?

— Нет. Месяца полтора. Я вообще в чистом виде на фронте очень мало воевал. В основном скитался из части в часть.

— То есть романтизм, с которым вы рвались на фронт, уже был разрушен?

— Никакого романтизма. Пожрать, поспать и ничего не делать — это главное. Один офицер набирает людей в артиллерию большой мощности, резерв главного командования. Часть стояла где-то в Закавказье, в горах. Не воевала с первого дня. И не предполагается, что будет воевать. Подумал: что там-то может быть трудного? Снаряды подносить — эта работа мне не страшна. А что еще? Думаю: такая лафа. И я завербовался. Большинство ребят на фронт рвались. А я пошёл в эту часть...

А ведь и тут троцкизмом пованивает. Троцкий ещё в 1909 году напечатал в журнале «Киевская мысль» небольшую ста-

тью под заголовком «Слабость как источник силы». Есть там вот какой пассаж: «Теория естественного отбора учит, что в борьбе побеждает наиболее приспособленный. Это не значит: ни лучший, ни сильнейший, ни совершеннейший, — только приспособленный».

Этому самодельному тезису прикладного дарвинизма и будет всю жизнь следовать в своих делах Булат Шалвович Окуджава.

Напомню — отца его, партийного функционера, расстреляли в 1938-м, мать отсидела в лагерях десять лет. А Булат, по душевному зову, разумеется, вступает в КПСС как раз перед эпохой шестидесятичества. На шестидесятые годы приходится пик его творчества. Его, как и Евтушенку, начинает активно опекает известная в интеллигентских приспособленческих кругах Контора Глубокого Бурения (КГБ).

И даже в сугубо личной жизни его прикладной практический дарвинизм сказывается в полную меру. Вот как пишет известный Владимир Войнович об одной из нравственных граней безмерной натуры Булата Шалвовича: *«Насколько я знаю, Булат Окуджава и Галя Смольянинова (первая жена Окуджавы) познакомились, когда оба работали учителями в Калуге. Вместе приехали в Москву и казались очень хорошей парой. Но с Булатом произошло то, что случилось с большинством писателей, достигших известности. Сначала они живут, преодолевая с помощью своих самоотверженных жён серьёзные материальные трудности, невзгоды, недоедание и непризнание. А потом приходят известность и деньги, к ним начинают липнуть другие женщины — молодые, красивые, начитанные, не уставшие от тяжёлой жизни, от кухни и стирки, знающие толк в белье и косметике, умеющие изящно польстить, поддакнуть, изобразить тонкость понимания и искушённые в интригах. Старые жены неизбежно проигрывают конкуренцию и выбраковываются, как отслужившие своё походные лошади».*

Именно по этой причине Окуджава и отбраковал ставшую вдруг ненужной, проигравшей конкуренцию Галину Смольянинову. Она умрёт через год после развода от разрыва сердца. А у Булата новая жена — молодая, красивая, из верхов — Ольга Арцимович, дочь известного физика-ядерщика. С ней-то, в качестве прекрасной и богато оснащённой пристяжной, скакать дальше Окуджаве показалось сподручней.

Сын Окуджавы от первого брака Игорь с раннего детства показывал яркие задатки таланта. Однако реализовать их не смог. Спился, пристрастился к наркотиком, скитался по тюрьмам. Увяла бесславно на корню жизнь, много обещавшая. Не стану говорить тут о чьей-либо вине. Это и так ясно.

После расстрела законно избранного Российского парламента было опубликовано письмо 42 видных деятелей культуры с полным одобрением всего совершившегося. Знаменательен был сам заголовок письма — «Раздавить гадину». В своё время этот призыв, обращенный против церкви, провозгласил «дьявол во плоти» Вольтер, и, вняв ему, революционная Франция в годы террора казнила тысячи священников и десятки тысяч простых мирян. Позднее этот лозунг звучал и в 1917 году, и в 1937-м, когда расстреливали «врагов народа». Среди прочих упомянутое выше «расстрельное письмо» подписал Булат Окуджава, ставший уже иконой времени. Впрочем, каково время, таковы и иконы. К очередному величайшему падению Россию подтолкнула её интеллигенция. После того слово это и стало бранным, равным матерному..

Какую мораль можно вывести из того, что я узнал о жизни Дориана-Булата Окуджавы? Человеку, если он настоящий, надо оставаться порядочным, это осуществляется в любых условиях при любой власти. Героические усилия тут не надо, порядочность предполагает всего лишь неучастие в подлости. А если твоя подлость одолела тебя, не стоит оправдывать это обстоятельствами. Обстоятельства лишь обнаружили твою суть. Это и сейчас происходит сплошь и рядом.

У меня нет пока документов, которые ясно подтвердили бы прочную связь Окуджавы с КГБ, но косвенные свидетельства ведь у всех на виду. Не надо особо объяснять любому, знающему о всеисилии тогдашнего Комитета с его председателем Андроповым, почему в 1967 году, в разгар Холодной войны, профессиональный уже антисоветчик Окуджава, «ни с того ни сего» поехавший в Париж, записал там аж два десятка песен на знаменитейшей студии «Le Chant du Monde», а в 1968 году на основе этих записей во Франции на деньги недоброжелателей России вышла первая пластинка его песен — *Le Soldat en Papier*... В том же году уже в Польше вышла пластинка его песен в исполнении польских артистов, а песня «Прощание с Польшей» в нём была представлена в исполнении автора.

Концерты Окуджавы проходили в Болгарии, Австрии, Великобритании, Венгрии, Австралии, Израиле, Испании, Италии, Канаде, Франции, Германии, Польше, США, Финляндии, Швеции, Югославии и Японии. Опальному поэту такие подарки? Даже заслуженный гебист Евтушенко такого авторитета в этом ведомстве не умел заслужить.

Объяснение простое. Комитету он нужен был, во-первых, чтобы знать через него о настроениях зарубежной интеллигенции, это было обычным заданием тогда для наших избран-

ных гастролёров по Западу. А во-вторых, в недрах этого же Комитета вызревали силы провокационные и предательские, разрушительные для остатков бывшей великой России. Из него, Окуджавы, определённые силы готовили уже, в числе прочих предателей, ударную силу для окончательного развала страны. В одном строю с Окуджавой были тогда все эти так называемые диссиденты и полудиссиденты: ростроповичи, вишневские, солженицины и прочие ненавистники России.

Если бы Окуджава был жив, скорей всего и сегодня он не отказался бы ещё от одного залпа по нынешней России вместе с Ахеджаковой, Макаревичем, Пугачёвой и подобными гражданами отхожих мест моего Отечества.

В конце жизни он покинул вконец опостылевшую Россию и умер где-то во Франции.

Его перед лицом неясной вечности охватил вдруг жуткий страх. Душа смутилась. Воплотившийся в жизни сюжет Оскара Уайльда требовал логического завершения. И оно последовало. Дориан Окуджава и тут, видимо, как на фронте когда-то, опять захотел себе некой окончательной и вечной лафы. За несколько минут до смерти он сказал жене, что хочет на всякий случай окреститься. Мало ли что. Звать священника было уже поздно, но жена знала откуда-то, что в таких случаях умирающего может окрестить любой мирянин. Она лишь спросила мужа: «Как тебя назвать?». Он подумал и ответил: «Иваном». И жена сама окрестила его с именем Иоанн.

И жил он фальшивой жизнью — фальшивый грузин, фальшивый русский, фальшивый коммунист, фальшивый либерал. И умирал фальшивой смертью — фальшивым христианином, фальшивым Иваном с ярко проявившимся к концу жизни обликом inferнального Дориана.

Последним стихотворением Окуджавы было поздравление Чубайса с днём рождения.

Это самая великолепная и беспощадная в истории поэзии демонстрация того, как нелепо может проститься со своим высоким даром тот, кто его не достоин.

РАКОВАЯ ОПОУХОЛЬ ДЕРЖАВЫ

«И ты, Брут»? Из истории известно, что с такими словами умирающий Цезарь обращается к своему ближайшему другу и сподвижнику Бруту, находившемуся в числе заговорщиков, напавших на него в Сенате в 44 году до н.э. Шекспир в своей трагедии «Юлий Цезарь» воспроизвел эту сцену, после чего легендарная фраза Цезаря стала крылатой для характеристики неожиданной измены соратника.

В наши дни слова «И ты Брут?» волей-неволей вспоминаются, когда достоянием гласности становится очередное дело о взяточничестве и коррупции в коридорах власти, и мы узнаем невероятные факты о проворовавшемся чиновнике, который обзавелся поместьем на Рублевке и виллой на Лазурном берегу Франции, клубом для гольфа и гольф-полями в Испании. Вряд ли всё это было заработано «непосильным трудом».

В последнее время мы всё чаще встречаемся с фактами обогащения представителей российской элиты, которые звучат как вызов и нашему народу, особенно русскому, который живет хуже всех, и существующей власти. Лидером по размеру доходов среди выс-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

ших чиновников Кремля и правительства стал глава Делового совета Евразийского экономического союза Виктор Христенко, муж вице-премьера Татьяны Голиковой. В декларации указан заработок в 269 млн. рублей, земельный участок площадью 16 тыс. квадратов, жилые дома площадью 991 кв. м и 337 кв. м и квартира площадью 218 квадратов. Не знаю, упомянуты ли в той декларации принадлежащие Христенко гольф-клуб и поля для гольфа в Испании, но знаю, что они одни из лучших в Европе.

В начале 2000-х мне волею обстоятельств довелось посетить в Ницце светский прием, который устроили Христенко и его жена, нынешний зампред правительства Татьяна Голикова по случаю приобретения недвижимости на Лазурном берегу. Конечно, если за свои, честно заработанные, никому не возбраняется купить виллу хоть на Гавайях. Но уже тогда подобные приобретения и такая роскошь за границей казались абсолютно недопустимыми и вызывающими на фоне растущей бедности населения в России. Не менее вызывающими выглядит все это и сейчас.

В 2023 году уровень бедности в России обновил исторический минимум. Число россиян с доходами ниже границы бедности составило 13,5 млн. человек, или 9,3% населения, сообщил Росстат.

В своем диалоге с Сократом «Республика» (380 год до н.э.) Платон говорит: «Слабые люди порождают плохие времена. Трудные времена рожают сильных людей. Сильные люди создают хорошие времена. Хорошие времена рожают слабых людей». Увы, это так.

Оглядываясь назад во тьму веков, можно заметить схожесть повторяемых процессов. В каждой стране находится период, когда можно сказать: «Страна пришла в упадок из-за действий или даже предательства элиты». В какое же время мы живем сейчас? Интересную интерпретацию истории России я прочитал на канале Бориса Онегина:

«Рюриковичи создали Киевскую Русь — самое большое государство Европы. Деградировали к началу XIII века. На своих съездах и советах довели Русь до раздробленности и потерпели поражение в битве при Калке от монголов.

Боярство создало русское централизованное государство — Московскую Русь, объединило под скипетром царя всю Северо-Восточную Русь и все земли вдоль волжского пути. К концу правления Ивана Грозного оказало упорное сопротивление дальнейшему развитию России. Полностью разложилось к началу Смутного времени и в большинстве своем предало интересы России.

Дворянство создало Российскую Империю. Расцвет приходится на времена Екатерины Великой. Значительные силы потеряло в ходе Отечественной войны 1812 года. Первые признаки разложения проявило в 1825 году. Восстание декабристов! Практически деградировало к концу XIX века, не смогло нести бремя управления страной и вместе с интеллигенцией предопределило революции 1905 и 1917 годов.

Коммунисты (большевики) создали Советский Союз, одно из мощнейших мировых государств на базе полного отрицания Православия с чуждой Русскому народу идеологией. Одержали победу в Отечественной войне 1941—1945 годов, но понесли огромные потери. Первые признаки разложения проявились к середине правления Л.И. Брежнева. Полностью деградировали при М.С. Горбачеве и Б.Н. Ельцине. Нанесли России огромный урон. Практически была утрачена третья часть территории страны со 100 млн. населением».

Не буду углубляться в историческую достоверность данного описания. Отмечу лишь, что Борис Онегин справедливо выделяет своего рода закономерность: некая пассионарная часть общества совершает великое дело, будучи элитой общества или становясь элитой. Казалось бы, впереди только светлое будущее, но происходит далее «разложение элиты», в результате страна опускается в «смутное время», и цикл повторяется. История движется по спирали.

В современной России, увы, свидетельств предательства элиты более чем достаточно. Мне уже приходилось писать о массовом предательстве в среде творческой интеллигенции и бегстве за границу этих элитариев после начала СВО на Украине.

Предательство куда более опасное и крупномасштабное было вскрыто 24 апреля с.г., когда министр обороны РФ Шойгу с некоторым опозданием отстранил от должности своего заместителя генерала армии Тимура Иванова. За сутки до этого Иванов был арестован и помещен в «Лефортово» по обвинению в получении взятки свыше одного миллиарда рублей, преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 УК РФ (получение взятки в особо крупном размере). На время следствия замминистра поместили в карантин в СИЗО «Лефортово». Иванов по некоторым данным, подозревается также в госизмене.

Владимиру Путину доложили о задержании замминистра обороны, сообщил журналистам пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков. Он уточнил, что «также заранее был поставлен в известность» глава военного ведомства Сергей Шойгу. Песков и сам попал из-за этого в неловкое положение — они с Ивановым общались семьями.

Как же этот элитный генерал, который на виду у всех, не скрываясь, вел роскошную жизнь, приобрел в самом центре Москвы, в Чистом переулке, целую усадьбу, а также виллу за границей, дошел на своем жизненном пути до СИЗО в Лефортово?

Иванов родился в Москве в 1975 году. В 1997-м окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, в 2004-м — Международную академию маркетинга и менеджмента. Кандидат экономических наук. В 1999—2012 годах работал в топливно-энергетическом комплексе. В частности, в 2006—2010 годах занимал должности вице-президента, позднее — первого вице-президента ЗАО «Атомстройэкспорт», в 2008—2009 годах — пост зампреда правления «Интер РАО ЕЭС». С 2009 по 2012 год был гендиректором Российского энергетического агентства Минэнерго.

В 2012 году был назначен заместителем председателя правительства Московской области (в этот период пост губернатора Подмосковья занимал Шойгу). С 2013 по 2016 год был главой «Оборонстроя» — компании, специализировавшейся на строительстве жилья для военных, а также социально значимых и стратегических объектов военного назначения.

В мае 2016 года Иванова назначили замминистра обороны. На этом посту он отвечал за организацию управления имуществом, расквартирования войск, жилищное и медицинское обеспечение Вооруженных Сил, а также закупки в рамках гособоронзаказа. И всё это время Иванов воровал. Сначала по мелочам. Затем по-крупному. И наконец, дошел до полного беспредела, договорившись о взятке в миллиард рублей, на чем и попался.

Реакция властей на всю эту скандальную историю была весьма бурной. Шойгу с поста министра обороны РФ переместили на должность секретаря Совета безопасности. На его место был назначен первый вице-премьер Андрей Белоусов, известный своей принципиальностью и неподкупностью. Вот ему и предстоит расчистить в нашем военном ведомстве те Авгиевы конюшни, которые оставил ему в наследство Сергей Шойгу.

Сам по себе факт назначения Белоусова главой Минобороны России говорит о том, что во властных верхах России всерьез восприняли разложение нашей элиты, в том числе военной. Можно только пожелать ему мужества и выдержки на этом поприще в столь сложное время, когда на полях сражения СВО в нашем противостоянии с бандеровским режимом решается судьба будущего Украины и России.

Разложение элиты чрезвычайно опасно для судеб любого государства, как показывает не только наша история, но и история мировая. В современном противостоянии России и коллективного Запада опасность такого разложения, перехода российской элиты в пятую колонну допустить ни в коем случае нельзя. Вопрос сегодня стоит, что называется, ребром: либо вы с нами, господа элитарии, либо против нас? А если против, то с вами и будут поступать соответственно.

Алексей ИВАНОВ

ЗАКОН НЕ ДЛЯ ВСЕХ...

16 июня израильский министр иностранных дел Исраэль Кац назвал реплику белорусского президента о евреях, замешанных в коррупции в республике, «неприемлемой и возмутительной». Уточнив, что слова Александра Лукашенко «звучат как явные антисемитские комментарии».

Как заявил г-н Кац, в связи с этим руководитель евразийского бюро израильского МИДа Юваль Фукс подал ноту протеста послу Белоруссии в Израиле Евгению Воробьёву.

Вслед за Кацем возбудился президент Конференции европейских раввинов, экс-главраввин Москвы и член президиума Российского еврейского конгресса Пинхас Гольдшмидт (покинул РФ в 2022-м, внесён в реестр иностранных агентов в 2023-м): «Когда всё остальное не помогает, автократы обычно прибегают к антисемитизму. Это абсолютно неприемлемо и должно быть осуждено!»

А что стряслось-то?

14 июня Лукашенко провёл совещание с членами правительства и рассказал о коррупционном скандале, в котором оказался замешан бывший помощник президента РБ — инспектор по Витебской области, экс-министр сельского хозяйства и продовольствия Игорь Брылю (в ноябре 2023-го задержан белорусским КГБ и освобождён от должности за «совершение проступка, несовместимого с нахождением на государ-

ственной гражданской службе»). Батяка также говорил о других последних коррупционных делах — например, о задержании первого заместителя начальника Белорусской железной дороги Петра Дулуба (в ходе обысков у него найдены несколько миллионов долларов, полученных в качестве взяток), преступлениях в минском Горремавтодоре, Брестском облисполкоме и т.д. «Больше я вас уговаривать и просить не буду. Шаг влево, шаг вправо — к стенке поставим. Публично вам заявляю», — предупредил чиновников Александр Григорьевич.

«Привлечены на сегодня три десятка человек», — сообщил он. И добавил, показывая список коррупционеров: «Вот три десятка человек перечислены. Вы меня извините, я не антисемит, но больше половины — евреи. Это что, они у нас особое, привилегированное положение занимают, что они воруют и не думают о своём будущем? Все одинаковы перед законом. И евреи, и белорусы, и украинцы, и русские, и поляки».

Обитающий в Варшаве представитель беломайданщиков Дмитрий Болкунец (мерзкий соросёнок, который до начала 2021-го светился в роли политэксперта на российских токшоу, числился аналитиком Института развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ, а ранее являлся директором Центра по работе с выпускниками Высшей школы экономики) тут же накатал донос мировому еврейству: *«Израиль и еврейские общины по всему миру должны дать свою оценку этим словам, поскольку они не только оскорбляют еврейский народ, но и способствуют разжиганию антисемитских настроений. Связывание этнической принадлежности с преступной деятельностью является недопустимым. Антисемитизм в любой форме должен быть решительно осуждён. Заявление Лукашенко не должно оставаться без последствий. Написал письмо послу Израиля в Беларуси и президенту Конференции европейских раввинов. Попросил их обратить внимание на антисемитское заявление Лукашенко и призвать международное сообщество и правозащитные организации отреагировать»*. Позднее, обращаясь к Израэлю Кацу, он написал: *«Спасибо, господин министр, за ответ на моё письмо. <...> Я считаю, что чрезвычайный и полномочный посол Республики Беларусь в Государстве Израиль должен быть отправлен домой»*.

В Израиле уже стартовала массированная, донельзя истеричная антилукашенковская кампания. Цитируем, к примеру, еврейский новостной портал Israelinfo.co.il: «Белорусский диктатор Александр Лукашенко позволил себе грубейший антисемитский выпад, каких в Европе не слышали со времён Гитлера».

НЕЛЕГИТИМНОСТЬ УКРАИНЫ

В связи с истечением срока полномочий президента Украины Владимира Зеленского возникают вопросы о юридическом статусе самого государства «Украина».

Территория под названием «Украина» в настоящее время фактически является нелегитимным государственным образованием с самого начала своего возникновения в новейшее время в 1991 году. Распад СССР в декабре 1991 года, произошедший по сговору руководителей всего лишь трех республик, входящих в состав СССР, был незаконен по многим основаниям, он произошёл без учёта мнения остальных республик, входящих в состав СССР, без учёта результата референдума 1991 года о сохранении СССР, в нарушение закона о выходе из состава СССР и так далее.

На основании союзного закона от 1990 года о выходе республик из состава СССР и на основании референдума в Крыму в начале 1991 года Украинская ССР могла выйти из состава СССР только на основании двух референдумов — в Украинской ССР и в Крымской АССР, что не было сделано, причём с учётом уже состоявшегося в 1991 году волеизъявления народов Крыма, Украина могла выйти из состава СССР только без Крымской АССР. Всего этого сделано не было, и само существование государства Украина с 1991 года является юридически незаконным.

С 1991 года границы территориального образования «Украина» на севере, востоке и западе страны не были демаркированы и не были делимитированы — ни с Беларусью, ни с Молдавией, ни с Россией, в том числе морские по Азовскому морю и Керченскому проливу. Правильным и законным образом у территориального образования «Украина» были оформлены границы на западе — только потому, что это были границы бывшего СССР. Сейчас в связи с присоединением к России Крыма, а также других южных областей бывшей «Ук-

раины» этот вопрос стал менее актуальным, и возможно, по мере дальнейшего освобождения территории «Украины» в итоге сократится до делимитации и демаркации новой границы России и Молдавии, и новой границы России и Беларуси, так как границы бывшей «Украины» с Румынией, Венгрией, Словакией и Польшей технически делимитированы и демаркированы.

В 2014 году на территории «Украины» произошёл государственный переворот, в ходе которого законный президент «Украины» Виктор Янукович был отстранён от власти. Все последующие президенты «Украины», начиная с 2014 года — и Пётр Порошенко, и Владимир Зеленский — с самого начала были нелегитимными президентами непонятного территориально-государственного образования «Украина» без границ, без истории и без правопреемственности.

Отсутствие легитимности у нынешней власти, управляющей территорией под названием «Украина» (технически полномочия т.н. «президента «Украины» закончились, а следующий по конституции государственного образования «Украина» во властной вертикали — председатель парламента, эти полномочия не принял) означает для России техническое отсутствие субъекта каких-либо межгосударственных переговоров по каким-либо вопросам. С политической точки зрения любые переговоры с Украиной или с Западом по поводу Украины также бессмысленны. Это, в свою очередь, означает необходимость для России ведения военных действий до полной победы — до полного освобождения территории т.н. «Украины» или до полной и безоговорочной капитуляции армии этого территориально-государственного образования.

Что же касается возможности прекращения военных действий в виде полной и безоговорочной капитуляции, то полномочия на это пока есть у главнокомандующего армии т.н. «Украины».

Россия в этой ситуации в связи с отсутствием у противоположной стороны субъектной власти вынуждена продолжать ведение боевых действий до их полного окончания, что, в свою очередь, означает их ведение без каких-либо пауз для мирных переговоров и без каких-либо территориальных остановок и территориальных ограничений на освобождение тех или иных территорий от незаконной власти, которая сейчас этими территориями управляет. В нынешних условиях война должна быть продолжена до границы с Польшей без каких-либо остановок перед Харьковом или перед какими-либо иными городами в надежде на мифические переговоры с теми, у кого уже нет никаких прав на какие-либо переговоры.

КТО ОСКОРБЛЯЕТ НАРОД?

В соцсетях пишут: «Власти пытаются уйти от решения проблемы миграционного кризиса, переводя стрелки на противников миграции». То есть с большой головы перекаладывают на здоровую. А прокурор Управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму Генеральной прокуратуры РФ Дмитрий Вагурин вообще заявил, что в стране искусственно разжигается ненависть к мигрантам, чтобы развалить её изнутри: «Нередки случаи, когда радикально настроенные лица искусственно разжигают ненависть к иностранцам, преподносят негативные поступки отдельных людей как модель поведения целой нации... Делается это для того, чтобы разобщить население страны, посеять вражду между нациями, в конечном итоге — затормозить развитие России и даже развалить её».

Значит, те, кто обращает внимание на идиотскую госнацполитику в стране — пытаются развалить страну? Не наоборот ли? И, судя по всему, к «радикально настроенным лицам» прокурор относит почти всех коренных жителей России, которые отказываются понимать бездействие властей по купированию миграционных проблем.

Мне это напомнило рассуждения генеральши Валентины Казаковой, начальника главного управления по вопросам миграции МВД России. Отвечая на вопрос об участившихся межнациональных конфликтах (драках, убийствах, изнасилований мигрантами), Казакова на голубом глазу отметила, что в основном такую информацию распространяют СМИ, которые финансируются из-за рубежа и признаны иностранными агентами. Каково?! Всё перевернула вверх ногами. А насчет самих фактов межэтнических разборок в России и преступлений против русских генерал-лейтенант сказала: «Я

полагаю, что это выдуманные истории...» Насколько этот человек адекватен, насколько соответствует занимаемой должности? Ведь в её прямые обязанности входят вопросы регулирования миграционных потоков по всей стране.

В тысячу первый раз приходится констатировать, что по решению кричащих миграционных проблем почти ничего серьезного органами власти не делается. Странное дело, но даже трагедия в «Крокус Сити» ничему не научила российские власти и центральные СМИ.

На этом фоне набатом звучит позиция А.И. Бастрыкина, председателя Следственного комитета России. Хоть кто-то во власти адекватно оценивает критичность ситуации. Но главу СК педантично замалчивают центральные СМИ и его высокопоставленные коллеги во власти.

Главный редактор журнала «Молодая гвардия» В.В. Хатюшин уже отмечал, что все центральные электронные СМИ скрыли выступление А.И. Бастрыкина на Петербургском международном юридическом форуме. Надо полагать, данное распоряжение они получили сверху. В рамках этого форума Бастрыкин провел конференцию, посвященную кричащей проблеме миграции, и привёл ужасающую статистику наплыва мигрантов в Москву, Подмоскowie и Петербург, подверг резкой критике руководство МВД, Генеральной прокуратуры и Государственной думы, по сути покрывающих нарушения и преступления со стороны мигрантов.

Александр Иванович во время выступления на сессии Петербургского международного юридического форума (ПМЮФ) 27 июля справедливо отметил, что Государственная дума слишком медленно реагирует на ситуацию с мигрантами в России, назвав российский парламент в связи с этим «государственной дурой».

В ответ спикер Госдумы Вячеслав Володин заявил, что Бастрыкин оскорбил граждан России. «Депутаты избраны гражданами Российской Федерации, он оскорбил народ», — отметил председатель Госдумы.

Не спутал ли Володин наш народ с самими мигрантами, т.н. «тожероссиянами» и «многонационалами», и доминирующими дельцами от власти, адептами безудержной миграции?

Чуть позже А.И. Бастрыкин в ходе выступления на Международном молодежном юридическом форуме в Санкт-Петербурге 29 июня, отвечая на вопрос о возможности введения запрета на никабы в России, посоветовал обращаться с этим к законодателям, то есть — в Государственную думу. «Вам надо обратиться в Государственную думу, которую я позав-

чера не так назвал. Но я ещё раз повторю, я не сам назвал, я прочитал комментарии из социальных сетей», — прокомментировал свои прежние слова глава СКР.

С завидной педантичностью первейшая внутренняя проблема в государстве, которую создало само государство, замалчивается. Кто-то внимательно «бдит», запрещает об этом говорить. И до чего дошли?! Высокое лицо российской прокуратуры, Дмитрий Вагурин, перевернул всё с ног на голову, заявив, что обличители порочной миграционной политики разваливают Россию. А то, что страна уже расшатана изуверской госнацполитикой и миграционными потоками, это — как?

Бьются с засильем и беспределом мигрантов только несколько лиц во власти. Бастрыкин первый среди них. Ещё — Сергей Аксёнов (глава Крыма), Дмитрий Rogozin (СФ), Сергей Миронов (ГД). Ещё несколько отдельных депутатов ГД, среди которых — Пётр Толстой, Михаил Матвеев, Михаил Делягин, ряд иных. Ещё Кирилл Кабанов, но он не «власть», а больше общественник при власти. Всё.

Русская пресса десятилетиями пишет о том, что необходимо сделать, чтобы пресечь разрушение государства, террористические риски и геноцид русских в своей же стране. Среди таких мер — запретить все этнические диаспоры, проверить обоснованность получения российского гражданства «тоже-россиянами», депортировать всех «многонационалов», нарушающих закон, прекратить новые миграционные потоки. Вместо этого — делается до сих пор всё наоборот указанным простым мерам.

Государственная дума, российская власть в более широком смысле, сама себя дискредитирует. Но разве Бастрыкин оскорбляет граждан России? Большинство из них так не считает. Сколько можно терпеть порочные действия в миграционной сфере и бездействие власти? Об этом всё чаще не говорят, а кричат и взывают о помощи сами граждане России. Это лица во власти, ответственные за госнацполитику, оскорбляют граждан России!

А вот и тому подтверждение. Как свидетельствуют результаты опроса NEWS.ru., лишь минимальное количество россиян (4%) хоть в какой-то мере оскорбились фразой главы СК России Александра Бастрыкина о «государственной дуре». Еще 36% респондентов не сочли высказывание обидным. И 51% опрошенных отметили, что данная фраза может задеть лишь депутатов Госдумы, но не граждан.

О «ДЕШЕВОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЕ»

Вот иногда думаю: то ли я в параллельной вселенной живу, то ли все остальные парят в столь высоких сферах, что на грешную землю не спускаются. Читаю и изумляюсь: от членов правительства до простых комментаторов все твердят о «мигрантах как дешевой рабочей силе». Уверяю вас, она вовсе не дешевая.

Начнем с того, что уважаемые «ценные специалисты» за обычную русскую зарплату в 35 тыс. работать не соизволят. Просто не снизойдут.

И у них есть такая возможность — приезжая, ты сразу попадаешь в диаспору, в тесный круг друзей и родственников, и живешь за их счет столько, сколько нужно, чтобы дожидаться вакантного места с хорошей зарплатой. Как правило, это какое-то предприятие, где и работают все остальные члены родственного клана. Хотя, как правило, едут на уже готовое место. Всё включено. И медкнижка, и трудовой договор, и самое главное, не надо проходить сто собеседований, а потом «не подойти». Сегодня приезжаешь, завтра выходишь на работу. Всё.

Вот я снимала комнату в коммуналке, а соседи были два брата-молдаванина, они занимались ремонтом. Они получали в месяц 70 тыс. (а это было 10 лет назад), и хихикали в кулак над моей зарплатой в 18 тыс. (которую я считала очень большой, т.к. до этого получала 8 тыс.).

Примерно в то же время я обсуждала доходы с одним таджиком, он на стройке получал 3,5 тыс. в день. Предлагал и меня устроить — убираться, за 1,5 тыс. в день. В 2 раза больше, чем я на своей работе получала.

И так везде; стоит с ними заговорить о доходах, как они называют какие-то просто немислимые суммы. И не врут, это правда. И многие из наших русских людей с удовольствием пошли бы на такую работу, но вот им не предлагают. Если только таджик какой-нибудь знакомый устроит.

Я, конечно, допускаю, что для членов правительства 70 тыс. — это «не деньги», и «кто ж за такое работать будет», но на самом деле для большинства граждан нашей страны это очень даже деньги. И я бы сказала, вполне приличные.

В совхозе «Первомайский» в Ленобласти русскому работнику платят зарплату в 20 тысяч, узбеку за то же самое — 70 тыс. Причина — «Негласные указания сверху». Информация инсайдерская. Правда, еще «докрокусная».

Мне очень интересно: с какого такого верху спущены эти инструкции?

Рассуждаем логически: ну явно не с самого-самого верху, об этом бы знали те же члены правительства и не называли мигрантов «дешевыми».

Значит, уровень пониже, но всё равно высокий — ведь ситуация одинакова по всей стране, им действительно платят больше.

Где этот самый «не самый верхний верх» и кто заказчик? Пока вопросов больше, чем ответов.

От редакции. Ошибается автор заметки. Эти «инструкции» спускаются именно с «самого верху».

Владимир АНИЩЕНКОВ

ИСКУССТВО РУССКОГО НАРОДА

«Страна-бензоколонка с ядерным оружием», как называют Россию недруги, на самом деле владеет ещё и самыми быстрыми в мире сверхзвуковыми ракетами и целым парком космических аппаратов, а на земле скоростными магистралями, роботизированной техникой с широко цифрофизированной жизнью и высококомпьютеризированным населением.

ем. Но сейчас речь не об этом, а о том, что мы умеем делать своими руками. Причём умело, красиво и в массовом масштабе. Речь пойдёт о русском народном искусстве. Мы его знаем в основном по знаменитым промыслам — Гжели, Хохломе и Палехе. Но это только самые яркие, но далеко не единственные народные художественные промыслы. На самом деле их десятки. А самостоятельных мастеров сотни.

В наше время, когда при помощи 3D-моделирования можно за несколько минут сделать нужную вещь, кто-то посчитает их устаревшими и неактуальными. И напрасно. Производство искусства, которое создаёт человеческая рука, водимая чувствительным сердцем и многовековыми навыками, никогда не потеряет своей привлекательности. Она приносит людям радость. Человеческую радость, которую ни искусственный интеллект, ни автоматически сделанная вещь не принесут. А вещь, сделанная своими руками, принесёт. В ней сохраняется тепло рук мастера, частица его души. О знаменитых промыслах ещё поговорим, а начнём с самых простых, обычных детских глиняных игрушек. Их делали везде, где есть глина. Бери сколько хочешь. Мягкая и лепкая. Из глины делали посуду. А самые сноровистые лепили игрушки детям на забаву. Чтобы глиняные изделия жили дольше, их обжигали в печи. В обычной деревенской печи, которые на Руси были повсеместно. Конечно, детям старались делать поцветастей. Краски тоже брали те, что под руками. Натирали из растений и той же глины, которая была разных оттенков. Однажды кто-то придумал белить игрушки молоком и тогда на белом фоне краски заиграли ярче. Игрушки стали нарядней.

Лепили то, что было перед глазами: коней, птиц, коров, ну и конечно людей. В каждой деревне свой взгляд на мир, на красоту. Вот и получалось, что делали вроде одинаково, а выходило у всех по-разному. В каждом селении игрушки на свой манер. По имени деревни их и называли. В Дымковской слободе — дымковская игрушка, в Филимоново — филимоновская, в Абашеве — абашевская. В Каргополе и его округе делали, стало быть, каргопольские игрушки. Эти простенькие на первый взгляд игрушки прославились на весь мир. Случилось так, что профессиональные художники, которые понимают толк в искусстве, оценили художественные достоинства игрушек, которые делала простая деревенская женщина по имени Ульяна. Её вместе с игрушками привезли на всероссийскую художественную выставку. И они (Ульяна и игрушки) произвели на публику впечатление. И тогда решили повезти их за границу. И Париж и Лондон восхитились ульянинскими поделками.

Но что же в них такого особенного? Лепит из обычной глины, красит обычными красками, сюжеты незамысловатые. А вот, поди ж ты, медали и дипломы крупных международных выставок выдала Ульяне Бабкиной — простой деревенской русской женщине. Значит, есть в ульяниних игрушках что-то такое, что заставляет сердце откликаться. Объяснить это возможно только тем, что Ульяна, сама того не ведая, стала носительницей традиций русского народа.

Неизвестные нам мастера веками лепили игрушки; придумывали образы, создавали своеобразные узоры, находили наилучшее сочетание формы и росписи и таким образом доводили простые детские игрушки до совершенства. Вот эти многовековые навыки и восприняла Ульяна Бабкина. Она нигде не училась. Только видела, как делали старшие в их деревне. И, конечно, привнесла свой художественный дар. Откуда он у деревенской женщины? Бог весть. Это внутри русского человека. Просто потому что он родился и жил в русской среде. Слышал русские колыбельные песни и сказки, пел вместе со всеми в хороводе и в церкви, созерцал родную природу, делал то, что и другие русские люди. И только удачно сложившиеся обстоятельства выявили, что Ульяна Бабкина настоящий художник, мастер декоративно-прикладного искусства (научно выражаясь). И таких мастеров в России множество. При надлежащих условиях они создают целые художественные промыслы.

Промыслы — это когда можно своими изделиями промышленять, то есть зарабатывать. Что удивительно, оказывается, русский человек умеет и зарабатывать. Упомянутые нами Гжель и Хохлома наглядно свидетельствуют об этом.

Что такое Гжель? Наверняка многие с удовольствием расскажут о разнообразной посуде с синей росписью, которые украшают наши дома. А откуда такое изобилие? Из подмосковного села Гжель, где простые крестьяне в своих домах создали целые промышленные предприятия. Деревенские промышленные предприятия. Да как же это могло получиться? А вот так. Жители гжельской волости привозили на фабрику купца Афанасия Гребенщикова уникальную местную белую глину. При этом они нанимались на работу на фабрику и постепенно осваивали технологию производства, получали художественные навыки. Закончив работу по найму, возвращались в свою деревню и заводили собственное производство. Конечно не в тех масштабах, что у купца Гребенщикова, но со временем наращивался и масштаб. Природная смекалка, деловая хватка, художественный вкус — и Гжельский промысел родился.

Конечно, надо сказать об особенном художественном приёме, характерном именно для гжельских изделий. Это роспись синими кобальтовыми красками по белой эмали. Мазок этой росписи изящен. Кисть гжельского художника накладывает краску необычным способом. Каждый мазок — это перелив от тёмно-синего края к светло-прозрачному. Вот почему гжельский узор выглядит живописно и воздушно, хотя используется всего одна краска. Ну и, конечно, формы гжельской посуды своеобразны, разнообразны, с выдумкой. Особенно скульптура малых форм, то есть игрушки и небольшие композиции.

Конечно, для такого высокохудожественного производства нужны особенные условия. Конкурировать с высокопроизводительными предприятиями сложно. Нужна государственная поддержка. Не разовая, а постоянная. При Совете Федерации создана специальная комиссия для поддержки народных художественных промыслов. Но хорошо известно, что ни одна чиновничья структура не решает сама по себе больших задач. Развитие известных, а особенно неизвестных народных промыслов должно быть окружено общей народной заботой. Даже в условиях войны, когда всё в первую очередь для фронта. Напомню, что Гжельское производство было восстановлено в 1944 году, в военное время.

Русское народное искусство — это не просто изделия. В них живёт душа народа. Сегодня мы воюем не только за сохранение населения, а за народ, его живую душу. А значит, традиционное народное искусство тоже работает на нашу победу.

Русское народное искусство пришло к нам из нашего славного прошлого, радует и даёт силы сегодня и поможет сохранить живую народную душу на века вперёд.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2024 г.
(Июнь — июль)

Гениальный пушкинский дух овевал всю русскую поэзию за последние 200 лет. Причем тут подразумевается даже не символ общепризнанной литературной традиции, а именно дух пушкинской гениальности, который витает над всей русской литературой — прозой, поэзией, критикой, публицистикой и драматургией — освещает и освящает ее и заставляет лучших ее выразителей стремиться вверх, к божественным высотам, чтобы быть достойными этого духа.

Но именно русская поэзия, как никакая другая, содержит в себе этот дух пушкинской гениальности, и в лучших своих образцах на протяжении всех двухсот послепушкинских лет она сияла на уровне, заданном русским поэтическим гением.

Да, конечно, были всплески поэтической гениальности и у других народов — у англичан, у немцев, у французов, американцев, но это были в основном единичные образцы, не ставшие общим литературным явлением высочайшего уровня, объединяющим

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

их поэтический уровень двух последних веков. В то время как русская поэзия таким явлением стала и в многочисленных лучших своих выразителях поэтического слова была и остается на уровне, не достижимом ни для каких иных литератур. Достаточно назвать имена этих выразителей поэтического слова, проникнутых духом пушкинской гениальности: Боратынский, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Фет, Блок, Бунин, Есенин, Цветаева, Гумилев, Ахматова, П. Васильев, Заболоцкий, Смеляков, Рубцов, Прасолов, Передерев, Тряпкин, Кузнецов, Глушкова, С. Кузнецова... Нельзя забыть, не назвать и выдающихся русских поэтов Белой гвардии, чье несравненное творчество так же овеяно этим высоким духом. Вот сильнейшие из них: Николай Тuroверов, Арсений Несмелов, Сергей Бехтеев, Иван Савин, Марианна Колосова.

Наше время еще выделит и вынесет наверх свои имена. И эти имена уже имеются. Но здесь важно понять, увидеть, иметь в виду поэтическое явление, напитанное, овеянное именно этим духом пушкинской гениальности, способное встать в ряд названных имен.

Уже созданная за последние двести лет русская поэзия, впитавшая в себя пушкинский гениальный дух, недостижима ни для каких иных народов и ни для каких иных литератур. Это не преувеличение, не заносчивость, не самомнение, это сознание объективного факта нашей литературной реальности. И реальность эта подтверждена, как неизбежная данность, личной жизненной трагедией каждого названного имени, до конца своих дней ни разу не изменившего духу пушкинской гениальности.

* * *

Каждый раз, когда на каких-либо публичных встречах президенту задают вопрос о слишком медленном продвижении наших войск на украинском фронте, он неизменно говорит об основном «приоритете» для командования СВО, заключающемся в сохранении жизни наших солдат. Повторил он это и на Международном экономическом форуме, состоявшемся 7 июня в Санкт-Петербурге после того, как аналогичный вопрос ему задал модератор пленарной сессии Форума Сергей Караганов.

В любой войне, даже в той, которая называется Спецоперацией, потери состоят не только из военнослужащих, но и из мирного населения. В тот же день, 7 июня, с территории Украины были нанесены удары американскими ракетами «Атакамс» по Луганску и РСЗО «Хаймерс» по Херсону. Уда-

ры пришлось по жилым многоэтажкам, школам, детским садам и магазинам. В Луганске погибли шесть человек и более 50 были ранены, в том числе дети. В Херсоне произошла еще более страшная трагедия — 22 погибших, из которых двое детей. И ничто не мешает украинскому зверью вместе с их западными покровителями наносить эти удары хоть каждый день.

Телеэксперт В.Коротченко в тот же день в скабеевско-поповской программе «60 минут» поощрительно процитировал прежде сказанные Путиным слова: «Курочка по зёрнышку клюёт», явно одобряя то и дело повторяемый тезис главнокомандующего о стремлении к минимизации наших воинских потерь. (Хотя цифра этих потерь за два с половиной года СВО держится в тайне.)

И эта озвученная президентом логика у населения имеет поддержку и понимание. Вот только ни населению, ни людям, никогда не служившим в армии, никто не напомнил и не разжевал главный догмат любой войны и любой спецоперации: **чем медленнее идут боевые действия, тем больше будет военных потерь и гражданских жертв.**

И говорить об этом — настала пора. На фоне того, как всё настойчивее на самом вершине нашей власти пошли разговоры, прямо-таки чуть ли не призывы к новым переговорам с Украиной. Даже уже и указали персонально на того, с кем они, наши власти, могли бы сесть за стол переговоров, — на главу т.н. «Верховной рады»... Вот поэтому нужно еще раз повторить один из главных принципов любой войны: **замедленное проведение боевых действий только увеличивает военные потери и гражданские жертвы.**

Если бы мы так воевали в Великую Отечественную, то жертв было бы в два раза больше. А то и в три раза.

* * *

В предыдущей своей заметке я сказал о том, что наши боевые потери держатся в секрете. Однако косвенно эти потери за два с половиной года СВО всё же можно примерно подсчитать по озвученным президентом цифрам. Во время пресс-конференции на Экономическом форуме в СПб 7 июня Путин нам поведал, что потери ВСУ в месяц составляют в среднем 50 000 боевиков. Ранее он же говорил о том, что наши потери по отношению к украинским — один к пяти. То есть получается, что в месяц погибает десять тысяч российских воинов. А в год, согласно этим публично озвученным верховным главнокомандующим цифрам, мы теряли 120 000 бойцов. Таким образом, за два с половиной года Специаль-

ной военной операции наши потери составили 300 тысяч защитников Отечества. Не знаю, насколько верна эта цифра, но она вытекает из слов В.В. Путина, сказанных перед телекамерами на всю страну. Сколько за это время погибло мирного населения, скорее всего не скажет никто.

Ясно, что наши потери были бы на порядок меньше, если бы сразу после 24 февраля 2022 года наши вооруженные силы нанесли ракетные удары по правительственным зданиям на Банковой улице в Киеве, по их Министерству обороны, СБУ, президентской резиденции, по помещению Верховной рады и корпусам киевского телевидения. А также если бы сразу были уничтожены основные железные дороги, связывающие Киев с Европой. Страна «Украина» и ее армия оказались бы без управления и без помощи Запада. Тут же должен был последовать ультиматум о полной и безоговорочной капитуляции. И тогда никаких переговоров ни с кем из нацистской верхушки вообще бы не потребовалось. Оставшаяся в живых ее верхушечная, дрожащая от страха бандеровская мразь вместе с военными преступниками из украинского МО должны были оказаться под арестом. А наши десантные батальоны произвели бы зачистку Киева. Оказавшаяся без командования украинская армия разбежалась бы по домам. И на этом российско-украинская война, то бишь Спецоперация, закончилась бы. Нам оставалось бы уничтожить разрозненные нацистские группировки типа «Азова», «Айдара», «Правого сектора» и т.д. Не имея центрального командования, они, скорее всего, попрятались бы, сбежали за границу или сдались в плен. Таким вот образом и была бы произведена денацификация и демилитаризация «нэзалежної». Однако ничего этого не сделано до сих пор. Зато теперь нам приходится по косвенным показателям подсчитывать цифры своих боевых потерь...

Но в другом случае все 300 тысяч наших взрослых мужиков вообще остались бы живы, если бы мы вошли в Киев в 2014 году и вместе с Крымом присоединили бы к себе всю юго-восточную Украину. Вся она без единого выстрела вместе с Крымом проголосовала бы на референдуме за вхождение в состав России.

Но кому-то очень было нужно ввязать Россию в затяжную кровопролитную войну...

Дело дошло до Международной конференции по Украине в Швейцарии...

Чтобы победить в российско-украинской войне, бомбить надо не Волчанск и Часов Яр — изо дня в день на протяжении месяца. Бомбить надо правительственные здания в Киеве. Причем достаточно одного раза. Но за два с половиной года этого не было сделано ни разу.

В мирном плане окончания этой войны, озвученном В. Путиным 7 июня перед дипломатами нашего МИДа, о Харьковской области не было сказано ни слова. То есть, согласно этому плану, сколько бы мы ни бомбили деревни, поселки и районные города Харьковской области, сколько бы наши штурмовики там ни «улучшали свое тактическое положение», Харьковскую область предполагалось оставить нацистскому врагу.

На всех своих последних пресс-конференциях В.В. Путин неизменно повторял одно и то же: «Киев и Харьков мы брать не собираемся».

Русские патриоты и российские телезрители слушают эти заявления с недоумением. Вроде как нам более двух лет с каналов ТВ и высоких трибун рассказывали о необходимости денацификации и демилитаризации Украины. А теперь, оказывается, «ни Киев, ни Харьков мы брать не собираемся»... А как тогда, интересно знать, вы собираетесь их денацифицировать и демилитаризировать?.. При наличии там нацистской власти... Или уже не собираетесь?

На всех своих последних пресс-конференциях В.В. Путин неизменно, упорно повторял еще одну фразу: «Мы готовы к переговорам хоть завтра».

Это такая обманка для врага или реальное желание остановиться?..

В воскресенье, 23 июня, в праздник православной Троицы, Севастополь подвергся удару американских ракет «Атакамс», выпущенных с территории Украины. Наши ПВО большую часть их сбили, но кассетные боезаряды этих ракет рухнули на пляж Учкюевка. В результате четыре человека погибли, из которых двое детей, и более 150 получили ранения.

Пресс-секретарь МИДа М. Захарова через день заявила журналистам, что ответ на это варварство последует без всяких сомнений.

Через три дня, 26-го, ответ последовал, но в прежнем духе. С.В. Лавров сделал заявление для прессы: «Мы точно открыты к переговорам». Правда, к переговорам с кем — не уточнил. С теми, кто отдает приказы бить по пляжам в Севастополе и по жилым домам в Донецке, Луганске, Белгороде и

Курске? Но даже при том, что Путин назвал Зеленского нелегитимным, этот укро-еврейкий ублюдок, по словам Лаврова, «должен отменить свое распоряжение о запрете переговоров с Россией»...

Интересная картина. Вячеслав Никонов в программе Первого телеканала «Большая игра» каждую свою передачу заканчивает словами: «Враг будет разбит. Победа будет за нами!» И в это же самое время чуть ли ни ежедневно Путин и Лавров заявляют о желании переговоров...

За последние месяцы слово «переговоры» стало самым повторяемым в выступлениях представителей Кремля... Может, кому-то из них очень сильно захотелось вернуться в т.н. «европейскую элиту»?.. Соскучились уже?..

Господа кремляне, патриотическая демагогия, конечно, — дело необходимое... Но когда в конце концов начнем Банковую бомбить вместо долбёжки о переговорах?..

* * *

Все центральные электронные СМИ скрыли выступление председателя Следственного комитета России А.И. Бастрыкина на Петербургском международном юридическом форуме 26 июня. Надо полагать, данное распоряжение они получили с самого верху.

В рамках этого форума Бастрыкин провел конференцию, посвященную кричащей проблеме миграции в РФ. По словам главы СК, только за четыре месяца этого года в Москву, Подмоскowie и Петербург приехали почти 3 млн. мигрантов.

Председатель Следственного комитета подверг резкой критике руководство МВД, Генеральной прокуратуры и Государственной думы, не только не реагирующих на вопиющие нарушения закона многомиллионными мигрантами, бесконтрольно и беспрепятственно прибывающими в РФ, но и покрывающих эти нарушения и преступления. Обращаясь к депутатам, находящимся в зале, он спросил: *«Скажите, пожалуйста, а что происходит в Госдуме? Там вообще заинтересованы в решении этой проблемы путем принятия новых законов, которые соответствуют напряженности ситуации? Очень бы хотелось узнать, когда хорошие законы примет наша «Государственная дура».*

Извиняться за слово «дура» он не стал. На что, естественно, в тот же день отреагировал спикер Госдумы Э.Володин: «Александр Иванович, обозвав нас Государственной дурой, обидел весь наш народ». Нет, господин Володин, это вы обижаете весь наш народ, когда вместо давно назревших, давно перезревших законов о сдерживании и привидении в порядок азиатской миграции с умным видом обсуждаете в Думе

необходимость закона, регламентирующего увеличение женских губ... Да, это вы обижаете наш народ, который ждет от Думы принятия срочного, как можно более жесткого миграционного закона, хоть чуть-чуть изменяющего к лучшей национальную политику власти. Ждет и не может дожидаться. А всё почему? А всё потому, что и Володин, и бюджетные думские «патриоты» прекрасно понимают, КТО в Кремле поощряет мигрантские потоки в Россию...

А.И. Бастрыкин на этой конференции сделал несколько важных заявлений и предложений, которые оказались ненужными и неинтересными для центральных СМИ, все уши прожужжавших подробностями личной жизни Байдена и Трампа.

Но заявления Бастрыкина всё же появились в интернете: *«Мигранты создают объекты своей культуры, моленные дома. То есть они уже физически захватывают нашу территорию. Возбуждаем уголовное дело по миграционному преступлению — прокуратура отменяет наше решение. Вчера представитель прокуратуры сказал, что мы сильно ущемляем мигрантов. Надо о них больше заботиться, а мы их обижаем. Ну это просто какой-то нонсенс.»*

Бастрыкин озвучил и цифры по миграции в нашей стране за последние годы: *«По среднестатистическим данным, в России сейчас находится 14,5—16,5 млн. мигрантов. Каждый десятый житель — иностранец. В Москву завезли 1,2 млн. мигрантов, в Подмоскowie 880 тыс., в Петербург — 860 тыс. И только 13% мигрантов работают на стройках, остальные — в такси, развозке продуктов и на рынках. Всего в России требуется 400 тысяч мигрантов. Все остальные — лишние.»*

Сказал он еще раз и о миграционной преступности: *«В 2023 году мигранты совершили почти 39 тысяч преступлений. И в эту статистику не входят преступники, которые уже успели получить гражданство России. Количество особо тяжких преступлений среди мигрантов выросло на 32%, связанных с наркотиками — на 27%, экстремистского характера — на 147%».* Но в Кремле этих цифр как будто не знают и пропускают их мимо ушей. Потому что никакой видимой реакции на эти цифры со стороны высшей власти не следует.

«Я полагаю, — подытожил свое выступление глава СК, — самое главное — изменить миграционную политику России, точно обосновать необходимость, а может быть, даже вообще сделать так, чтобы внутренние ресурсы решили свои политические, экономические, национальные и другие проблемы». Золотые слова. Но тот факт, что все центральные СМИ, и прежде всего ТВ, выступление Бастрыкина проигнорировали, говорит о том, что и на самом российском веру оно не будет услышано. Более того, в конце мая В.В. Путин был с

визитом в Узбекистане, а затем встречался в Москве с главой Таджикистана. Судя по сияющим лицам глав этих республик во время их встреч с нашим президентом, можно понаять, что в ближайшие годы сокращений среднеазиатских миграционных потоков в Россию не предусмотрено.

* * *

4 июля на саммите ШОС в Астане В. Путин, выступая перед журналистами, вновь заговорил о готовности России к переговорам по, как он сказал, «украинскому конфликту». «Мы-то готовы, — добавил он, — но к ним не готова украинская сторона и ее хозяева». Путин опять подчеркнул, что за основу нынешних переговоров должен быть взят стамбульский меморандум 2022 года.

Настойчивое напоминание главой России о его стремлении к переговорам говорит о том, что СВО не оправдало поставленных целей. Более того, если переговоры с Украиной или ее посредниками всё же начнутся, это будет означать сворачивание СВО, а так же то, что нынешняя российская добровольно-контрактная армия за два с половиной года боевых действий **не справилась** с мобилизационной украинской армией. И это даже не самое печальное. Самое печальное, **если такие переговоры начнутся, будет состоять в предательстве русского народа** — как погибших наших воинов, так и всех живых русских людей. В предательстве огромного числа погубленных судеб и всех наших надежд. А надежды наши простирались не до границ Донбасса, Запорожской и Херсонской областей, которые так и не удалось полностью освободить. Наши надежды были связаны если не со всей освобожденной от нацизма Украиной, то с Киевом, Одессой, Харьковом, Николаевом, Днепропетровском — точно и наверняка. И сколько бы сейчас наших солдат ежедневно ни погибало за освобождение Харьковской области, согласно последнему путинскому плану «урегулирования конфликта», эта область, видимо, будет возвращена врагу. В путинском плане, озвученном им 7 июня перед мидовским руководством, о Харьковской области не сказано ни слова. А ведь и там русские люди ждали освобождения от нацизма.

Почему российская армия не справилась с изначально поставленными задачами — разговор на будущее. Но все трезвомыслящие люди понимают: то, как велась эта почти трехлетняя СВО, ни к каким другим результатам и не могло привести. Остается только в который уже раз повторить очевидное. На юго-востоке т.н. «Украины» стёрты с лица земли или превращены в руины десятки городов, поселков, сёл и хуторов, но ни в одном правительственном здании на Банковой

улице в Киеве за это время даже стекло в окнах не треснуло. Вот именно этим и объясняется нынешний результат СВО, если вспомнить об изначально заявленных ею, точнее, руководством РФ, задачах.

5 июля в Москву примчался премьер-министр Венгрии В. Орбан для проработки с Путиным деталей будущих переговоров по остановке «украинского конфликта». По ящику показали, как во время беседы Путина и Orbana в зале Кремля присутствовал всё тот же руководитель нашей бывшей стамбульской переговорной делегации 2022 года В. Мединский — со своей, как и тогда, папкой...

* * *

В США вновь совершено покушение на жизнь своего бывшего главы государства, а ныне претендента на пост президента — Дональда Трампа. Страна-террорист никогда не гнушалась убийством своих президентов и кандидатов на эту должность. Причем запачканы этими грязными делами обе главные партии — и демократы, и республиканцы. Вот дошла очередь и до Трампа. Правда, получилось только прострелить его ухо...

И опять для американского да и мирового плебса штатовские ЦРУ и ФБР тут же, до всяких расследований, отчеканили: действовал террорист-одиночка Томас Мэтью Крукс. 13 июля с винтовкой он пришел на трамповский предвыборный митинг в г. Батлер, штат Пенсильвания. Полиция его не только не остановила, но даже внимания на него не обратила. Ему дали залезть на крышу какого-то офиса, залечь, пролежать там полчаса и потом, якобы, начать стрельбу, после чего он был секретной службой, нанятой республиканской партией для проведения митинга, сразу пристрелен. И всё это время секретная служба отслеживала каждый его шаг и каждое его действие... Как теперь выясняется, у него вообще не было опыта стрельбы из винтовки. Стрелял в Трампа, конечно, не он.

Между прочим Освальд, обвиненный в убийстве президента США Джона Кеннеди, тоже, по утверждению ЦРУ, был террористом-одиночкой... И Джек Руби, на глазах у полицейских убивший Освальда, тоже был бешеным одиночкой... Надо же, какие в США пронырливые фанатики-«одиночки»!.. Ни полиция, ни ЦРУ, ни ФБР, ни служба безопасности ничего с ними, до свершения преступления, поделать не могут...

И тут, по всей видимости, две версии: или Трампа хотели припугнуть... Или, наоборот, псевдопокушением на него добивались его стопроцентной победы на выборах в ноябре этого года. Решительный Трамп будет очень нужен штатовскому сионизированному «глубинному государству»...

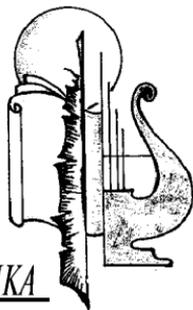
«И ЭТА ВЕРА НЕ ОБМАНЕТ...»

*Философская лирика Фёдора Тютчева
и русская изящная словесность:
штрихи к современному поэтическому портрету*

*Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.*

*...И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не всё, что здесь цвело, увянет,
Не всё, что было здесь, пройдет!*

Автор этих волшебных влекущих к познанию тайн бытия строк — русский поэт Фёдор Иванович Тютчев. Глубинное трепетное тютчевское слово раскрывает целый мир мыслей и чувств, корнями своими связанными с родной землёй, природой и человеком. Проходит время, но не перестаёт поражать его почти пуш-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

кинская красота — гармония сочетания содержания и формы стиха.

Как известно, 2023-й год был ознаменован 220-летием со дня рождения Фёдора Тютчева — Дня рождения для вечности этого столь выдающегося русского художника. Сегодня возвращение к поэзии стало заметно и в литературе, и в различных публикациях, и в книгоиздательстве, и в обществе. Значит, абсолютно прав философ и лирик, который в афористичной формуле определил истоки своего творчества, доподлинно зная: «Чтобы поэзия процветала, она должна иметь корни в земле». Ибо всему основа — Отчизна.

Родился Тютчев в российском селе Овстуг, на Брянщине, в чудном историческом крае. Но так уж сложилась его жизнь, что буквально по пальцам можно было пересчитать годы, когда поэт посещал своё родовое гнездо. После окончания Московского университета Тютчев поступает на службу в Коллегию иностранных дел, и уже в 1822 году он был послан за границу. Там, в Германии, в Италии, поэт прожил 22 года. Фёдор Тютчев избрал судьбу блистательного дипломата, поприще служащего иностранной миссии. Дружба с Шеллингом, Гейне, который переводил его стихи. Невероятно и парадоксально: литература не была для него профессией. При всём при том ему удалось совершить невозможное, будучи вдали от России — сохранить себя для Родины и для русской культуры.

На примере произведений Тютчева мы убеждаемся: культура России установилась и отстоялась, как хорошо выдержанное драгоценное вино. Между тем гениальные произведения никогда не могут стать привычными. Прекрасное — всегда празднично, величаво. И тютчевская поэзия принадлежит к числу лучших созданий поэтического гения. Иван Тургенев, как современник Фёдора Тютчева, говорил: «О Тютчеве не спорят; тот, кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии». Писатель считал русского поэта одним из самых замечательных художников слова, который расширил, а точнее, «сместил жанровые рамки русской лирики». Он внёс в словесный жанр: предельную ясность и выразительность образа, символ, метафору, краткость и глубину смыслов. Этот изумительный мастер в совершенстве владел ёмкой лирической формой стиха, тем самым придавая своей поэзии неповторимую гармоничность.

Тютчева любили именно как поэта за жар и искренность его души. Высота поэтического слова, неисчерпаемое богатство русского языка, насквозь пронизанного тончайшими оттенками, и в новом тысячелетии привлекают к себе широ-

кий круг литераторов и читателей, благодарно отдающих дань творчеству гениального лирика. Не секрет, что выдающийся поэт влияет на другого поэта. К тому же такой, насколько не теряющий своей современности, чародей слова как Тютчев. Немудрено: музыка Великого языка этого поэта, мыслителя, гуманиста проникла в самую суть бытия и нашла своих продолжателей русской классической традиции. Сложно переоценить влияние тютчевской лиры.

В русле нашей темы хотелось бы через призму волшебства художественной речи — Фёдора Тютчева — представить поэтическое слово наших достаточно известных современников: Анатолия Аврутина, Валерия Хатюшина и Андрея Шацкова. Прежде всего в сравнениях, параллелях и точках пересечения мы будем искать определение не жанровое, но смысловое. Здесь играет существенную роль эстетика мгновенности или, быть может, искра Божья — почувствовать настоящую поэзию. Ведь при всех различных вариациях поэтического голоса и звука — подобие наблюдается. На фоне центральной творческой личности — Тютчева, — дополняя общий портрет поэтов, проявляется личность двоякого художника-метафизика — Аврутина, откровенного романтика пронзительной жалости любви — Хатюшина, метафорически насыщенного лирика-импрессиониста — Шацкова. Вероятно, вы увидите некое тайное соответствие, поймете, что границы творчества прозрачны, что неизъяснимая тютчевская тайна живёт в каждом из них, а значит, она есть и в каждом из нас.

«Нам не дано предугадать...»

Слова, поставленные в заглавие, сказаны Тютчевым именно о природе поэзии как таковой. Вспоминая произведения русских классиков, понимаешь, почему их книги вне времени и вне пространства, почему они воспринимаются как нечто вечное. Классик — тот, кто преодолевает эпоху. Гул вечности слышится в стихах большого поэта-философа Анатолия Аврутина, для которого превыше всего — традиция реализма в искусстве, вобравшая в себя огромный духовно-исторический опыт народа. Во всём ощущается новое и бесконечное начало. Классики бессмертны, и автор ведёт с ними свой нескончаемый в веках диалог:

*Раскрытый Тютчев... Смятая кровать.
Четвёртый день раздумчивого мая.
Опять «умом Россию не понять...» —
Так и живём, её не понимая.*

*Худой портфельик съёжился в углу,
И, разливая сумерки в стаканы,
Дробь выбиваешь — пальцем по столу —
В слезливый вечер, сумрачный и странный.*

Здесь прошлое живёт в настоящем — как одна нескончаемая тайна... Как будто сами по себе текут слова, непринуждённо складываясь в довольно грустные и напряжённые строки, — многое узнаваемо и действительно, и многое проецируется из былого в наше реальное и в грядущее.

*Раскрытый Тютчев... Старый, с буквой «ять»,
Предтеча огнедышащего Блока,
Когда «умом Россию не понять...»,
И оттого — светло и одиноко.*

Один поэт читает другого: читает самозабвенно, ночь напролёт, одолеваемый горестными и просветлёнными думами. Неразрешимая проблема экзистенциального одиночества, когда «страдающий о вечном и любимом» кому-то вновь «не ко двору».

Однако тот же Тютчев благодаря своей поэтической интуиции открывал собственный закон философии — мир единого целого: «Всё во мне, и я во всём!..» Это тяготение к вещам многомерным изначально было характерно, прежде всего, крупным художникам. Его страстно влекли глубина Вселенной, человеческая Душа. Не зря уже в 44 года он выразится так: «Я отжил свой век и... у меня ничего нет в настоящем». А почти 20 лет спустя напишет незабываемое гениальное четверостишие:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.*
(1866)

Разве есть сегодня в России человек, не знающий этих философско-лирических строк, которые вот уже более двух столетий убедительно говорят о неизменных противоречиях, происходящих в нашей стране?! Непостижимо, но находясь в Европе, Тютчев не стал ни убеждённым космополитом, ни квасным патриотом. Обладая пронизательным умом, свободой мысли, не в пример оным он искренне любил свою многострадальную Россию.

Уникальный художник философской двойственности — и Анатолий Аврутин, стихи которого притягивают к себе ощущением раздвоения, энергией антитезы. Сравнивает ли поэт личное в ушедшем и личное в дне нынешнем? Сложно ответить. Говоря о сокровенном, автор, по сути, говорит об общем, глобальном. Поэзия Аврутина отличается ярким эпическим звучанием, преодолением непостижимых внутренних коллизий, совмещением двуполярного единства. В его стихах содержится много скрытой боли. И этот дисгармоничный мир надо принять и осмыслить. Он показывает весь трагизм исторического бытия XX—XXI веков — веков всеобщего нравственного кризиса. Некоторые произведения приобретают страдальческий и одновременно просветлённый отсвет, и наше далёкое прошлое проясняется.

*Который день, который год,
Труд не сочтя за труд,
И в урожай, и в недород
Их сумрачно ведут.
Штыками тени удлиня,
Ведут, как на убой.
Лениво чавкает земля
От поступи больной.*

.....
*И снова, унося в горбах
Свою святую Русь,
Идут кандальники впотьмах
И шепчут: «Я вернусь...»*

Анатолию Аврутину характерен метафизический подход к постижению тех или иных крупных событий, присущи глобальные лирико-философские обобщения — широкая историческая ретроспектива. Мимолётность человеческого бытия, время и пространство, жизнь и смерть, боль и страдание...

Обращаясь к воспоминаниям Ф.И. Тютчева, мы так же понимаем, насколько близко к сердцу принимал поэт людское горе. Он слыл мастером экспромта, и первое чувство — самое истинное и верное — никогда его не подводило:

*Слёзы людские, о слёзы людские,
Льётся вы ранней и поздней порой...
Льётся безвестные, льётся незримые,
Неистощимые, неисчислимые, —*

*Льётся, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.*

(1849)

И не только ненастная, дождливая погода всему виной. Душа его плачет и сострадает, полнится сочувствием ко всем отчаявшимся, вероятно, ко всем обездоленным, ко всем тем, кто так нуждается в милосердии.

Очевидно, что Анатолий Аврутин ставит задачу: попытаться приблизиться к пониманию мыслительных гениев, интеллектуалов XIX—XX веков, исследователей человеческого духа, всецело познавших истину. Тут подключается логика парадокса. Он мистический поэт, которого влечёт неизведанное — случай, рок, фатальность. Значит — он и мыслит метафизически: «Что велено роком, / То, значит, и велено роком, / И сбудется всё, / здесь не нужно казаться пророком». Всесильна испепеляющая близость рока, и молох дара обуревает художника, сжигая его изнутри. Раздвоение — душевный разлад — поглощающая и ведущая философско-лирическая сила определяет близость поэта к Достоевскому.

Собственно, эта близость прослеживается и у Тютчева, который писал: «Две силы есть — две роковые силы, / Всю жизнь свою у них мы под рукой, / От колыбельных дней и до могилы, — / Одна есть Смерть, другая — Суд людской» (1869). Поэт смело смотрит в лицо смерти, ибо она «честней — чужда лицепрятью», когда тот же свет: «Он там бесчеловечней, / Где человечно-искренней вина». Какой сильный и высоко критический ум, предопределяющий неизвестное, что дается человеку Свыше.

Обретая духовное родство и целостное поэтическое пространство, наш современник Аврутин словно вторит Тютчеву, ясно осознавая извечную парадоксальность русского бытия:

*Стою у русского предела,
Где Бог не терпит суеты,
Где осыпаются несмело
На сердце поздние цветы.
<...>*

*И за чертою пониманья
Сей путь, что начат не с нуля...
Зачем нам смутные терзанья,
Когда мы — бездна и земля?*

Драматизм противостояния и принятия неизбежного противоречия неба и земли. У Аврутина, как и у Тютчева, поэзия

полна тревожных предчувствий, вряд ли её назовёшь оптимистичной. Драматургия его поэтических сюжетов охватывает существенный отрезок времени, коему характерно огромное пересечение эпох и столетий. Личное и общественно значимое сплетается в тугой узел. Открыто и прямо он утверждает в поэзии литературную личность, своё «я». Говоря о себе, автор говорит за всех и о коллективном, поднимаясь в художественном мышлении до всечеловеческого и надмирного восприятия бытия:

*Я в этот мир пришел в своё число,
Меня сюда случайно занесло.
Я не спешил сюда... Меня не звали.
Но коль явился, значит нужно жить,
Любить, страдать... И голову сложить,
И претерпеть все страсти и печали.*

Да, такая поэзия трагична, и герой этой поэзии — трагический герой, болезненно переживающий трагедию раздвоения. Однако трагическое мировоззрение не имеет ничего общего с пессимизмом, беспросветным отчаянием, отрицанием самой жизни. Герой борется с роком. «Много боли» — драматический разрыв и прозрение одиночества. Пожалуй, на рубеже конца XX и начала XXI веков Аврутин ещё более одинок, чем в своём XIX веке Тютчев. Вот ещё одно не менее пронзительное стихотворение об одиночестве:

*Стою на сквозняке... — Ты кто? — Аврутин...
— Зачем ты здесь? — Достали шулера...
Опять один в своей извечной смуте,
Опять один — как завтра, как вчера.*

Человек и национальное одиночество: «Стою один... Пустых словес не слыша... / Стою один... Не понятый никак...» Поистине стихи приходят к нам как спасение от одиночества. Других лекарств нет. Поэт прав: от одиночества не лечит даже время. Остаётся лишь обращаться к вечному. Но категория вечного недостижима для нашего чисто человеческого разума, в ней исчезает чувство времени. А заодно и пространства. «...Где я пред вечностью мгновенной / Стою в ничтожности своей», — предельно откровенно в своей лирической исповеди скажет Анатолий Аврутин. Круг опять замыкается, и наш герой бредёт туда, «где всё конечно, даже бесконечность... / Где временная вечность / Со смертным о бессмертье говорит». Его философская мысль преодолевает лич-

ное одиночество, хаос, она как бы живёт в чувственном, им же созданном космосе. Видимо, случайного нет, но какая-то необычайная загадка всё-таки существует: в 2011 году название «Поэт Анатолий Аврутин» было присвоено звезде в зодиакальном созвездии Рака.

Вместе с тем неизбежно литературное пересечение и явное подобие. Мистическая приверженность к образам звёздного неба, к одухотворению ночной тьмы присутствует и у Тютчева. Похожий чувственный космос и вселенское одиночество, хаос и гибель. Более того, тютчевская поэзия с её философской мыслью — логализация хаоса, рациональное обуздание «горя и вдохновения», — так определил доминанту его личности Жуковский.

*Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадней, день любезней
Как золотой покров она свила,
Покров, накинутый над бездной.
И как виденье, внешний мир ушел...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь, и немощен, и гол,
Лицом к лицу пред пропастью тёмной.
На самого себя покинут он —
Упразднен ум и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне, погружён...*
(1848—1850)

Какая обнажённо-точная характеристика. Испытываешь невольный трепет. Согласитесь, рядом со стихами Аврутина — это не только тематически близкие по смыслу, но и по звучанию стихи Тютчева. Мир снов, предчувствий, таинственных осязаний, бесконечности, предошущения чего-то неминуемого — хаоса, подчас граничащего с безумием... Немало стихов у Тютчева основано на противопоставлении неба и земли, внутренней раздвоенности, душевном одиночестве, тоске по чему-то большому, несбыточному. Он — поэт-лирик, в совершенстве владеющий умением находить образы, поэт-философ, владеющий искусством писать стихи и создавать настроение. Как, к примеру, в произведении:

*От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...
Да два-три дуба выросли на них...*

<...>

Природа знать не знает о былом...

<...>

*Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.*

(1871)

Особенно выразительно Фёдор Тютчев раскрывает философские размышления человека, стоящего на краю жизни — на краю «всепоглощающей и миротворной бездны», человека, потерянного и терзаемого душевными сомнениями в мимолётности нашего пути на Земле.

Стоит заметить, и поэтический космос Аврутина заключает в себе целый универсум, представляя многомерность различных событий, явлений, вещей и предметов. Человек ощущает текучесть времени. Время и отнимает, и даёт. С потерями приходит опыт познания. Хотя, потеряв время, мы теряем и себя в нём. Зыбкое, переходное состояние. Автор безжалостно поведаёт о том, как жизнь медленно-медленно сужается, как к концу её начинаешь всё больше постигать себя самого...

*Постоишь... Подумаешь, что осень —
Это тоже время перемен.
Что кусты засохли... И что очень
Много боли в прозелени вен.
Что не все дожди отморосили,
Что не вся исчезла благодать,
Что ещё пока хватает силы
О своём бессилии сказать...*

Странная невыразимая интонация. Неизбывная печаль, пронзительная тоска. Мы словно сироты собственного одиночества. Сохраняя глубину традиции, Анатолий Аврутин показывает не просто роль личности в истории, но и ставит задачу — высветить истинную роль Поэта, его предназначения и места в истории. Поэт и власть. Поэт и общество — темы непреходящие. Недаром Платон, встав перед выбором между свободой и диктатурой, изгоняет поэтов из своего идеального государства. Эта неоднозначная ситуация представлена автором весьма оригинальным произведением:

*Кто — временщик иль Павел
Царством правил? —*

*Размыты даты, спутались года.
Но всякий царь, шута встречая лаской,
Стихам внимал с тревогой и опаской
И не любил поэтов никогда.*

Тут же приходят на ум строки Тютчева из «Цицерона»: «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые!..» И обнажаются исторические бездны, над которыми, по слову русского мыслителя, «хаос шевелится» и видится «закат звезды... кровавый!..» Поистине — противоречивая дилемма героя, политика и государственного деятеля, наделённого властью, и в то же время личности творческой, философа, поэта:

*Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!*

(1829—830)

Мы имеем дело с художественным открытием: точный ключевой образ — гениальный уровень и совершенно волшебные стихи. Бессмертие и величие творческого гения. Впрочем, и Аврутин умеет найти сакраментальную фразу, умеет сопоставить жизненные и творческие параллели, чтобы подлинно раскрыть самоценность художника-творца:

*Кого же свет хвалил и так, и этак,
Тот никогда и быть не мог в поэтах,
Пусть был он государю трижды мил.
И чтобы ни творила воля злая —
Не Пушкин жил в эпоху Николая,
А Николай при Пушкине царил.*

Оказывается, не всё на свете существует вневременно — только Слово. «И если за стихи казнят при этом, / То это настоящие стихи», — таково исчерпывающее заключение поэта, значит, комментарии — излишни. Это — почти магическая — воля одним мановением, одним росчерком пера, не прибегая ни к каким словесным хитростям, суметь обозначить в поэзии главное. Автор этих строк предсказывает и несбывшееся будущее, и очерчивает наше настоящее, ведь аналогично Пушкину и Тютчеву он тоже поэт-историк. Подобная ипостась просто обязывает достигать определённых

высот. Почти тридцать веков прошло, а Гомер жив, потому что написанные им три тысячелетия тому назад эпические сказания — художественная литература. А что вообще может быть сильнее, глобальнее, чем Слово, которое остаётся при всех потерях и неудачах?

*Осталось слово?.. Слово — это звук.
Оно молчит в предчувствии разлук —
Мне так казалось, Боже, так казалось...
Но голос вдруг явился наяву,
Но голос зазвучал — и я живу,
И нечто есть превыше, чем усталость...*

«Время ухватывается за нас, и ему хочется увидеть себя со стороны, отразиться в Слове — единственном организме, неподвластном смерти», — писал Валентин Курбатов. Все классики русской философии стояли на том, что «гениальные художественные произведения всегда национальны». Это закон — закон природы души человека, человека творящего, обладающего таким даром, как талант, ибо «нет творчества без личности, но нет его и «без национальности». Именно Россия для поэта — надежда и утешение. И он — русский поэт. Эта страна не пропадет и не сгинет, она, по мнению автора, хранит в себе ещё не выявленную мощь и энергию.

Таковыми же преданными своему родовому началу были и убеждения Фёдора Тютчева, принимающего поэзию — как высший Божественный дар. «Она с небес слетает к нам» — не переставал поэт восторгаться Словом. Побеждая тьму, бездну, хаос, Слово торжествует: как для Тютчева, так и для Аврутина оно утверждает свет, жизнь, творчество.

«О, как убийственно мы любим!»

Русские классики оставили нам немеркнущие лирические шедевры, содержащие уникальный опыт любви. Мы обращаемся к ним и сегодня. Великий литературный критик Н.А. Добролюбов находил, что таланту Ф.И. Тютчева доступна «и знойная страстность, и взрывная энергия, и глубокая душа...» Творец гармонии и красоты, поэтическое достоинство которого даже спустя столетия несомненно, вдохновенно и страстно, писал: «О вещая душа моя! / О сердце, полное тревоги...» Он — чуткий тайновидец человеческого сердца, довольно своеобразный, неповторимый лирик. Пожалуй, трудно представить тех, кто не слышал бы его романс «Я встретил вас...»! Нет необходимости напоминать эти стихи полно-

стью, но всё же — последние строки воскрешают вновь забытые чувства, говорят о том, что время над ними не властно, что дивная песнь любви побеждает и время, и пространство:

*... Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..*

Но и здесь загадка, поскольку существуют две версии посвящения этого столь пленительного произведения: юной красавице графине Клотильде фон Ботмер, которую 66-летний поэт встретил почти после полувековой разлуки, либо таинственной Амалии Лерхенфельд (будущей баронессе Крюденер). Именно Амалия приезжала к умирающему Тютчеву, одарив поэта прощальным поцелуем.

Да, дорогой читатель, перед нами — исключительная творческая натура, обладавшая талантом любви, чувственным волнением, горением страсти. Неудивительно, что так бесконечна музыкальная судьба многих стихов художника, ставших настоящими шедеврами искусства. Тютчев и Фет продолжили пушкинскую традицию, восходящую к современности, когда поэзия и музыка олицетворяли одну неразделимую гармонию. Любовь — тончайший источник поэтической энергии.

По своей природной сути любовь исповедальна, она открывает нам высший предел откровения, за которым просто меркнет всё остальное. Любить всем напряжением душевных сил дано и русскому поэту нового тысячелетия — Валерию Хатюшину. Являя миру «души живую тайну», автор даёт читателю уникальную возможность прикоснуться к лирической летописи-исповеди нашей современности. Ведь подлинная поэзия всегда обращена к каждому отдельному человеку:

*Напряжена душевная струна.
Ты подойдёшь, обычная на вид,
промолвишь слово только — и она,
как тонкий лучик, вздрогнет, зазвучит.
И вновь уйдёшь. Но память красоты
меня к той встрече станет возвращать.
Так блеск давно погаснувшей звезды
нам долго будет в душу проникать...*

Звёзды — нечто космическое. Романтический ореол, эмо-

циональный всплеск чувств, растворяющийся в музыке, этой трепетной душе мироздания, привносит в поэзию Валерия Хатюшина проникновенную мелодичную ноту, хранящую память и боль давно забытых чувств. «И зазвучит под струнами тугими / такая грусть в бездонной тишине, / что ощутишь ты пальцами своими / живую боль в натянутой струне...» — плавно струятся взволнованные строки романса, «как песня, как виденье» былого, как «всё, что прошло когда-то сквозь тебя». Вот что на сей счёт писал критик Евгений Ованесян в своей книге «Когда настанет день прозренья. Лира В. Хатюшина»: «*Есть в «Уединенном» В. Розанова одна краткая запись, которая, пожалуй, стоит многих литературоведческих томов: «Секрет писательства заключается в вечной и невольной музыке в душе. Если ее нет, человек может только «сделать из себя писателя». Но он не писатель...» У каждого истинного поэта эта невольная музыка возникает, наверное, в самом раннем детстве — и потом сопровождает его всю жизнь, связывая с корнями и не давая взять фальшивую ноту».*

Хатюшин, как и Тютчев, проникнут родовыми корневыми связями, к тому же оба они афористичны, интеллектуально удивляя своими ясными максимами. Отсюда и основная составляющая поэзии нашего с вами современника — эмоциональная сила невероятно пронзительной лиры, наполненной внутренней энергетикой стиха! Когда-то Александр Блок сказал о том, что чем сильнее лирический поэт, тем полней его жизнь и судьба, отображённые в его же стихах. Так или иначе автобиографический момент в духовном и творческом смысле присутствует. Значительность поэтического голоса Валерия Хатюшина, почти магическая загадочность стиха чаруют от первого авторского произведения и до последнего.

Невольно проводишь художественные параллели и вспоминаешь, какой чудесный свет излучают и стихи Фёдора Тютчева. Их звездное сияние просто ослепляет:

*Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной, везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...*

(1848)

Безусловно, этому замечательному поэту было многое дано.

Он проникал в глубины Вселенной и в самые потаённые уголки человеческой души. Ибо видел и чувствовал красоту, совершенную гармонию Божественного неба:

*Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...
<...>*

*И всё еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда, незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...*

Всеобъемлющая философия любви — неиссякаемый источник чувств — объединяет двух поэтов. Именно любовь позволяет дать жизнь новому поэтическому слову Валерия Хатюшина: «...всплывёт в душе, как песня, как виденье, / всё, что прошло когда-то сквозь тебя». Токи, идущие от его неослабевающей лиры, остро ощутимы, как это было ощутимо у лучших поэтов-лириков XIX века. Но накаленные эмоции плавно переходят в чувственный музыкальный мотив. Тут тоже уместно напомнить определение лирической поэзии, данное Гоголем, в которой писатель в первую очередь видит портрет — «отражение и зеркало собственных высших движений души поэта...»

Надо признать, по чистоте и проникновенности искусства художников равных Тютчеву — отыскать сложно. Подчас любые сравнения с ним, да простят меня нынешние писатели, опасны и довольно рискованны. Сравнения вообще — вещь сугубо индивидуальная. Поразителен мир художественного творчества этого неповторимого мастера, где человеческий дух достигает самого высшего проявления непревзойдённых вершин. А тайна сия прежде всего в его личности. Ему, баловню фортуны и блистательному дипломату, были свойственны и любовные взлёты, и горькие потери, и вместе с тем мучительные философские поиски.

*Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня? Всё темней,*

*Всё темней, темнее над землёю —
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?
Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?*

Стихотворение посвящено Елене Александровне Денисьевой. Немеркнущий свет этой любви вопреки всему освещал ему путь даже тогда, когда любимой не стало. Но для Тютчева смерти нет! Очень личное произведение — как исповедь, как крик души! Белорусский писатель Янка Сипаков в своих литературно-художественных очерках, исследуя тему воспитания чувств, отдавал предпочтение удивительной магии тютчевских любовных историй: «А любовь — как удар грома, мне кажется, бывает и в позднем возрасте. И Тютчев — никакое не исключение из правил, а, если хотите, само правило. Про него говорили: человек без возраста. В его жизни было много женщин, и всех он, страстно, любил. Любил неистово! Однажды полюбив, он уже не умел и не мог разлюбить. Без любви невозможно представить себе образ поэта! Любовь Тютчева — это любовь-стихия, любовь-жажда». Три светлых имени проходят через его судьбу: Эрнестина, Елена, Амалия. Елена Денисьева — последняя любовь, быть может, наиболее сильная драматическая страсть поэта.

Однако каким-то непостижимым образом и произведения любовно-психологической лирики Валерия Хатюшина по своей яркой убедительности во многом не уступают гениальным шедеврам выше названных мастеров слова XIX столетия. Поэзию Хатюшина отличает пронзительная эмоциональность «тихой лирики». Мне представляется, что поэзия любви — извечная тайна, которую автор и пытается разгадать. Совершенно потрясающее стихотворение «Моя любовь» (1977). Любовь-фантом — некий магический женский образ, далёкий и манящий:

*По ней одной всю жизнь тоскую, средь женщин всех её одну
не обниму, не поцелую, не оттолкну, не обману.*

<...>

*Ко мне волшебный дух нисходит, всю ночь в окне звезда горит,
когда она меня находит, когда со мной заговорит...*

*Как будто вечности сиянье сойдёт в ночной голубизне,
как будто голос мирозданья судьбу нашётпытывает мне.*

<...>

*Я ей до святости послушен, хоть стынет горечь на устах...
Когда она глядит мне в душу, я вижу боль в её глазах.
Я за неё на этом свете, уже наученный добру,
всем существом своим в ответе, она умрёт — и я умру.*

Высота невысказанных чувств, избранных автором, высота, недостижимая, как небо, трагизм, разрешающийся нравственным просветлением, приобщают лирические произведения Хатюшина к лучшим поэтическим созданиям отечественной поэзии от Пушкина до Тютчева и Фета...

На небосклоне послепушкинской русской поэзии зажглись две самые крупные звезды, самые яркие и таинственные — это, конечно же, Федор Иванович Тютчев и Афанасий Афанасьевич Фет. Внутренний мир человека, сложный, как космос, вот уже на протяжении более двух столетий влечёт нас в произведениях знаменитых классиков. Любовь — как вспышка молнии, как раскаты грозы. Такая любовь — однажды и навсегда.

*О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!..*

<...>

*Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.*

«Заря вечерняя» засияла для Тютчева летом 1850 года, когда он встретил Елену Денисьеву, замечательную русскую девушку. Влюбленные шли наперекор семье, родным, светским устоям жизни. Драматическая глубина чувств стала основой «денисьевского цикла», навсегда вошедшего в мировую литературу. Это посвящение Елене Александровне, на первом месте — самая близкая и дорогая женщина. Любовь — как «поединок роковой». Потрясение и огромная живительная сила, сосредоточенная в одном единственном имени. Невозможно не вспомнить и знаменитое «Предопределение» — бессмертную тютчевскую формулу любви:

*Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,*

*И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...*

Две женщины, символизирующие этот длящейся в веках «поединок роковой»: порывисто-пылкая Елена и верная, терпеливо-преданная жена Эрнестина, проводившая поэта в последний путь.

Здесь еще крайне важен и сам момент влияния того или иного поэта на чувства других. Безысходность, трагичность жизни и любви, то, о чем пишет Тютчев, особенно обострённо ощущается с годами. Выбирая стезю классической традиции, Валерий Хатюшин прежде всего выбирает стезю утончённого художника слова, глубокого и вдумчивого. В любви — как главной составляющей нашей жизни — также существует философская проблема выбора и проблема свободы. Вероятно, именно это и определяет ту опасную черту, за которой поздно что-либо менять. Сегодня мы вновь постигаем и Пушкинское, и тютчевское знание, талантливо рассказывающее нам о природе человеческих чувств, уже в стихах, созданных в новом тысячелетии:

*Последняя любовь — души живая тайна,
сокрытая от всех, безмолвна и грустна.
Я помню этот день. Мы встретились случайно,
когда в дождях цвела московская весна.*

<...>

*Уж столько лет прошло. Безмерная разлука
хранит тепло любви в своих мечтах и снах...*

И пишет мне она с тоской: «Какая мука...»

Я отвечаю ей: «До встречи в небесах».

(2017)

Мне чрезвычайно нравится это умиротворённое стихотворение Хатюшина, какое так и называется «Последняя любовь». Оно производит неотразимое впечатление. Неуловимая нежность и одновременно какая-то неизбывная тревога волнуют душу. Как же похожи мы все в своей любви, счастливой и несчастной! В 34 года он пишет обнажённые строки, лишённые каких-либо иллюзий: «Печальна поздняя любовь. / Мы в ней с тобой неравноправны. / Готовит муку плод отравный... / Но ты судьбе не прекословь» (1984). Что это — еще не на излёте жизни предчувствие чего-то неотвратимого? Всё более явственней проступает мотив, как бы определяющий итог душевных исканий поэта: «Любви счастливой не бывает...» Неотступно звучит и мотив воспоминаний, веду-

ший нас к первоуродным истокам: «Моих любимых голоса / зовут меня из дальней дали...» Пожалуй, не оставляет никого равнодушным один светлый лирический шедевр Валерия Хатюшина, довольно оптимистичный, несмотря на безвозвратно ушедшие мгновения прошлого:

*Нас тоже на свете любили...
Два царских подарка мне были.
Два имени связаны с ними,
душою навечно хранимы.
<...>
Две шумно зовущих стихии
в сердечной моей ностальгии.
Как два неизбывных свиданья,
как два неразрывных названья...
Балтийское море — Татьяна
и Чёрное море — Оксана.*

(2013)

По-тютчевски смелая исповедь любви, чистая и возвышенная, как непреходящая память любви, где каждые две лаконичные строки — два красивых и строгих имени — пронзают тебя насквозь. Воистину — прекрасна эта бесконечная Книга Любви, которую пишет каждый, живущий на земле, но которая раскрывает свои секреты только настоящему Поэту. Вполне вероятно, стихи автора носят автобиографический характер. Кажется, что на поэтическом фоне его произведения светятся и совсем другие имена: Эрнестина, Елена, Амалия... Поэт предельно открыт и откровенен перед читателем, искренне посвящая его в тайны собственной души. Согласитесь, подобная исповедальность дорогого стоит.

Мысль! Великое слово! Что может составлять величие человека, как не мысль? Философский план, за которым стоит эмоциональный и интеллектуальный подтекст, — ключевые смыслы творчества Валерия Хатюшина. За простотой его строки скрывается некая загадка. Но лишь отчасти и лишь на первый взгляд. Поэт не может творить, не обладая духовной и художественной интуицией. В лирике Валерия Хатюшина чувствуется сосредоточенная пристальность и трезвая реальность прозы, где главный критерий таланта — правдивость. Ему удается воплотить в одном произведении и непосредимую философскую сущность любви, и противоречивую сущность мира, где мы все соединены и в то же время так далеки друг от друга, каждый блуждая в своём одиночестве.

Автору необходимо уловить невидимые пограничные грани любовных ощущений и человеческого бытия:

*Судьба нас всех по кругу гонит.
И в этой спешке — все сгорим.
Влетаем под землёй вагоне
глаза в глаза — вдвоём стоим.
Мы под землёй летим по кругу.
Под свист и шум. Куда? Зачем?
Без слов глядим в глаза друг другу,
нигде не связаны ничем.*

<...>

*Ждём неизбежную разлуку
мы, отражённые в стекле.
И всё ещё летит по кругу
небесный взгляд в подземной мгле...*

(2010)

И вправду, зачем и ради чего это столь убийственное ускорение, каков конечный итог сего дьявольского замысла? И есть ли ему предел? Поразительно, автор поднимает глобальные темы, на которые нет простых ответов. Скорее всего, их вообще не существует. Значит — надо читать поэзию! Она по-прежнему — великая школа жизни! Поражает своей вселенской многомерностью сквозной образ поезда, летящего вагона — метафора вечного движения — абсолютно точно найденный поэтический элемент. В результате — гениально простые и философски сложные по мастерству стихи. Своего рода медитация, взгляд на мир изнутри. Первичен контекст, нежели оголённая семантика слов. Ведь лирика — непрерывный эксперимент над собой, заставляющий совершать бесконечный внутренний самоанализ. Валерию Хатюшину посчастливилось соединить тютчевскую мысль, и фетовское впечатление.

Ценность искусства обычно измеряется заключенной в ней истинностью. Всякое состояние человека изменчиво — как никто иной, это знал Тютчев. Действительный статский советник и верноподанный женской прелести и красоты понимал всё несовершенство человеческой природы:

*О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!*

<...>

*Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!*

<...>

*О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!*

(1851)

Весьма нетрудно догадаться, что и здесь речь идет о Елене Денисьевой. Поэт неизменно, отчаянно к ней возвращается. Судьба, рок, предопределение... Все эти черты он подсмотрел сам. Необыкновенно тонко. Обнаженно правдиво. Вот так, читая Фёдора Тютчева, находим мы утешение в нашем полном прозрении относительно себя. Ничего, по сути, не меняется в человеке. Проходят времена, а он прежний. Сменяются лишь одежды, антураж, предметы.

Собственно, Валерий Хатюшин это подтверждает. Судя по всему, память любви требует мужества и благородной высоты чувств, даже в момент полной душевной пустоты, в роковой момент горького прозренья. «Чужие мы с тобой, чужие, / уже давно чужие мы. / Глаза бесстрастно-ледяные / погасли в сумерках зимы» (1989) — чеканный слог щемяще-холодных слов будто рассекает сердце на две половины, и ничего нельзя предвосхитить. Былое счастье невозвратно. Лирической поэзии Хатюшина свойственно трагедийное восприятие жизни. «Трагическая лира», по словам самого автора, проходит через всё его творчество. Так было у многих русских классиков, к примеру, и у того же Тютчева. Предельно ясно, излив всю боль угасающей любви, Валерий Хатюшин выскажется в откровенно реалистичных стихах:

*Мы всё с тобой уже сказали в проклятье этих горьких чувств...
И в мире нет такой печали, что не касалась наших уст.
Чем удивим ещё друг друга? Какою новой прямою?
И вряд ли вздрогнем от испуга за той последнею чертой,
когда, в глаза взглянув угрюмо, уйдём безропотно во тьму,
где — ни обидных слов, ни шума, и жизнь не в тягость никому...*

(1990)

Яростное борение противостоящих сил происходит не только в окружающем мире, но и в человеческой душе. Проникновенная искренность, точность в передаче интимных переживаний придают его поэзии особую ауру разнообразных

чувственных оттенков. «Не надо признаваться мне в любви, / не нужно обжигать огнём соблазна, / в моей тоской отравленной крови / горчайший ток пульсирует бесстрастно» (1995). За видимой простотой и лёгкостью во многих произведениях Хатюшина кроется сосредоточенная духовная работа, ответственность поэта за изречённое слово. Оказывается, непередаваемая боль любви может быть выражена в предельно сжатых фразах, произвольно, как бы невзначай, брошенных автором: «Мне, видно, задано судьбой — / влюбившись, разочароваться», и там же: «О том, что счастья нет в любви, / скажу лишь я один, быть может».

Между тем, любовь — уникальная часть Божественного дара, предназначенного человечеству. Любить бескорыстно способны только природы чистые и возвышенные, получившие на то благословение свыше:

*...Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому ещё не удавалось!
О, Господи!.. и это пережить...
И сердце на клочки не разорвалось...*

Да, дорогой читатель, мы вновь берём в руки драгоценный тютчевский томик и уже не в состоянии оторваться от гармоничного дуэта двух очарованных сердец, в котором заключена вся история отношений поэта с Еленой Денисьевой. Времена и даты стираются, и поэтическое слово имеет свойство проникать в наши души, может путешествовать в пространстве, расширяя условные границы и жизни, и творчества.

В похожем минорном ключе прощальной мелодии расставанья звучит и стихотворение Валерия Хатюшина «Я хотел позабыть наши дни...» (1971). Надо признать, так написать о любви, так передать энергетический накал чувств, восходящий к её высшей точке, дано только тому, кто сам по-настоящему любил:

*Я раздавлен тоской, я измотан, измучен, истерзан,
как в предсмертном бреду, я кричу: не могу без тебя!
<...>
Только дай мне одну даже пусть невозможную встречу!
Я не знал до сих пор, что так страшно,
так больно люблю.*

Какие-либо критические пояснения — бессильны. Ведь любовь — и восхождение, и бездна, из которой можно только вымалывать чьи-то души, делая это по-тютчевски самоот-

данно, жертвенно. Это ли не подлинная гармония поэтического единства, проникнутого пушкинским чувством «соразмерности и сообразности»? Борис Пастернак когда-то писал о «поэтическом элементе в периодической системе поэзии», подразумевая, что без него не может быть подлинных шедевров. В чем же секрет этого элемента? Его модус не поддается чёткому определению, его возможно лишь почувствовать, как ветер, как дождь, как звонкую весеннюю каплю или как долгую тревожную ночь... Лирическая поэзия — это обращение, звучащее обращение, что сродни заклинанию, молитве. И в лирике Фёдора Тютчева, и в лирике Валерия Хатюшина есть нечто мистическое, таинственное. За совершенным стилем, за чеканным слогом, входящим в сердце, когда стихи — сама архитектурная форма, сжатая и предельно завершённая, когда каждая строка, будто вписывается в вечность, тогда как раз и угадывается отстранённый взгляд со стороны, дистанционный от всех и вся, — свойство редкое — некий «поэтический элемент».

А любовь сродни творчеству. Она так же захватывает всего тебя целиком и не отпускает, даёт новый интенсивный импульс творческому и преображающему началу — великому поприщу художника. Любовь и искусство — вечны. В них — единственное оправдание нашему пребыванию на земле. Ведь основная и самая большая цель всех поэтов — разгадать Божественный замысел, тайну о человеке, тайну жизни и бессмертия, любви и творчества. Пускай всё повторяется в вечном круговороте мироздания, заканчиваясь и опять возрождаясь в «волнах новизны»...

«Вот этот мир, где жили мы с тобою...»

Чем мне близок Тютчев? — пришло время задаться и таким вовсе не однозначным вопросом. Наверное, тем, что он одарённый певец природы. Что же я ишу в нём? Прежде всего — сочувственный отклик одинокой душе, отражённой в мире природы, в которой веками хранится вся сила человечества. Этим неизбывным мотивом пронизано всё творчество русского поэта. Тютчев вошел в сознание читателей именно как вдохновенный художник природы. Нам близок поэт — восторженный созерцатель природы, наделенный своими, ему одному характерными красками, чтобы запечатлеть ее красоту. Нам дорог поэт — чуткий тайновидец человеческого сердца, сумевший на фоне меняющейся природной стихии передать тончайшие оттенки и глубину противоречивых душевных переживаний. Природа — тоже возвышенное суще-

ство. «В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык», — ведь природа, как считал Фёдор Иванович Тютчев, содержит в себе целую философию мира. Но и поэзия — отклик на всё, случившееся с нами. По меткому выражению биографа поэта И.С. Аксакова, он не писал, а лишь «записывал» свои стихи, мгновенно возникавшие под внезапным воздействием поразившего его явления природы или внутреннего состояния человека. Иван Сергеевич Аксаков говорил, что многие произведения этого живописного художника слова «овеяны изяществом», что особо пленяет в тютчевской поэзии — это ее «непередаваемая, необыкновенная грация».

*Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный
И лучезарны вечера...
Где бодрый серп ходил и падал колос,
Теперь уж пусто всё — простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.
Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и тихая лазурь
На отдыхающее поле...*

(1857)

Тайна несказанная... Гармония мягкой, нежной ясности. Прощальная нота осени. Прозрачно-невесомые акварельные краски. Спокойные и светлые думы пронизывают это стихотворение, сравнимое если только с выдающимися пейзажами художников-передвижников. Для Тютчева поэзия вступает в соревнование с самой природой, без которой, вероятно, она не знала бы цену своей первозданной красоте.

Так бывает, что поэзия и фигура автора окружена ореолом таинственности. Пожалуй, нет ничего интересней и увлекательней, чем открывать тайны мироздания и искать во всем символические смыслы. Вот и современный поэт Андрей Шацков, певец славянского мира, Древней Руси, обладает особым даром — одиноко, по-своему заглянуть в таинственный мир самой вселенной. Перед нами мастер философского стиха, обладающий голосом классических поэтов и в своей изумительной русской речи и одически-возвышенных интонациях — поэт-продолжатель тютчевской традиции.

Прежде всего восхищает обращённость души поэта к природе, о чём бы Андрей Шацков ни писал. Его поэтический «Ночной пейзаж» наглядно показывает ярко-индивидуальные черты художественного мира поэта-творца. Сокровенные строки будто диктуются свыше, и энергичное перо мастера быстро скользит по белому, как снег, листу, невольно вызывая трепет, мысль, грусть, раздумье, свет, печаль...

*Я эту ночь, что минула без сна
С бесшумною повадкой снежной рыси,
Возьму с собой в заоблачные выси,
Когда придёт последняя весна!*

Тютчев гениально соединяет мир земной с тем — небесным. Человек, испытывая горести, отчаяние, бросается в объятия природы, которая так милостиво и благословенно открывает ему свои исцеляющие секреты. В природе мы находим скрытую сопричастность вечности.

Исключительно воспринимает русскую природу и Андрей Шацков. Она для него, как и для Тютчева, — живое и возвышенное существо со своей душой, своими чувствами, своим голосом. Однако у каждого художника собственная палитра, собственный характер, собственный стиль. Природа не создает ничего лишнего. Пейзажные стихи Шацкова невероятно красочные, метафорически насыщенные. Он, как всегда, отдает предпочтение древним истокам и мифическим образам: его поэтическое сказание «Журавель» — языческая тайна, содержащая в себе трагизм бытия, природы, человеческой жизни и в то же время — это одухотворение бытия.

*Мне в ночь приснился серый журавель.
Один, среди змеиного болота —
Случайной цели звёздного полёта...
У каждого своя судьба и цель.
Он, меткой дробью встреченный, не мог
Нести в зенит израненное тело.
На кочках сукровицей клюква рдела,
И солнца шар проваливался в мох.*

Человек и природа в своем единстве составляют символично-аллегорическую форму взаимосвязи. Можно ли вернуть душевную гармонию в этот общий, тесно соприкасающийся мир? Всё начинается внутри вас. Созерцание природы, ее таинственных моментов всегда сопряжено с душевными переживаниями и подвластно лишь тайновидцам человеческого сердца.

Поэты словно соревнуются друг с другом. Вслушаемся теперь в стихотворение Фёдора Тютчева «Вечер»:

*Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шорох стаи журавлиной, —
И в шуме листьев замер он.
Как море веющее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, —
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.*

Сколько здесь изящных черт, тонкой прелести... Едва-едва осязаемого, таинственного... В тютчевском человеке есть что-то экзистенциальное, чувство затерянности во вселенной. При всём при том он наделён удивительным качеством восхищения красотой и царственностью природы, жадной своего единения с нею. Светлой грустью веет от его легко парящих осенних строк. Вероятно, таков путь Тютчева к чуду, к благодатному свету, заключённому в природе и в человеке. Поэтическая живопись рождает и чувственное познание. «Поэт — тот, кто в предмете видит то, что без его помощи другой не видит», — писал Фет в своём творческом завещании.

Исключительную чуткость ко всему вокруг происходящему проявляет и Андрей Щацков. Поэт неизменно возвышается над моментом. Пусть даже этот момент на редкость переменчив. Свежая кисть художника третьего тысячелетия впитала любознательность прошлых столетий. Ведь были же времена внутреннего покоя, и еще живы в памяти «Эти годы», они приходят в снах, чтобы навсегда остаться в одноименных стихах:

*Задыхаюсь от нежности к этим годам,
И в былое опять возвращаюсь упрямо...
В нём — цвели георгины по дачным садам,
И спускалась с крыльца синеглазая мама.
И парил над верандой дощатый балкон.
И скрипели под шагом сандалий ступени.
И взлетал поутру херувим-махаон
На процветшие гроздья махровой сирени.
И бежали в торосах коры муравьи
До вершины сосны, подпирающей небо,
Охраняющей лучшие годы мои
С молоком и краюхою тёплого хлеба.*

*Со слюдою стрекоз, со слезами росы,
И царапиной, честно полученной в драке.
Слетним зноем в канун приближенья грозы,
И любовью навек к самой первой собаке.*

Неизведанный поэтический космос... Его пейзажные зарисовки созвучны полотнам, принадлежащим кисти известных русских живописцев, и более того, могли бы стать их поэтическим сопровождением! Слово Шацкова, как и тютчевское, проникнуто глубинным, трепетным пробуждением природы, оно раскрывает целый мир мыслей, чувств, корневую связь с родной землей.

«Нет, моего к тебе пристрастия / Я скрыть не в силах, мать-Земля!» — так изливал душу в своих стихах Тютчев. «Предчувствием весны», в которой заключается сила души человечества, живет и Шацков: «Январь — словно март с голубыми сугробами. / Февраль, как апрель — в сите синих проталин. / Холмы оседают под снежными робами. / Их абрис — у южного склона притален». Как личность оригинальную, особенную, поэта волнует и влечет к познанию окружающего мира бесконечный круговорот явлений, происходящих в природе:

*Дожить до весны — окаянной, безбашенной,
Чтоб сердце летело за птичьими кликами
Над кручей реки, красноталом украшенной
И к небу ползущими ввысь повиликами!..
Но снова дороги скрипят под полозьями
Влекомыми в белой попоне конями...
Лишь пёс на крыльце, под холодными звёздами,
Всё цедит весенние ветры ноздрями.*

Многовариантность ассоциаций — свидетельство высокого художественного мастерства в творчестве любого художника. В природе сокрыты высшие духовные смыслы. Но время скоротечно. Мелькают в круге бытия знакомые образы-символы: весна, лето, осень, зима... Природа всегда в движении, в смене явлений, в переходном состоянии от одного времени года к другому. Осень Шацкова навевает тютчевские мотивы, его поэтический цикл посвящен листопадным настроениям и тоже несет полноту пейзажных сюжетов.

*Август — время вкушенья плодов,
И медов, и расчёта по давности срокам.*

*Где-то в городе Рузе блуждает любовь,
Согревая последним теплом по дорогам.*

Какую-то особую магию текста таит в себе эта Вечная Книга Бытия. Палитра красок разобрана здесь на мельчайшие оттенки, пасторально, пастельно-мягкая кисть будто едва скользит по холсту, создавая проникновенно-лирическое настроение. Мы явственно слышим мифологические голоса леса, реки, вересковых и полынных трав, поздних осенних цветов, «звёздных ливней»: «А под горкой уже холодеет река, / И горчит разнотравье полынью и тмином. / И — вальяжные — в осень плывут облака / Мимо сосен, и вечности дремлющей — мимо». Давайте посмотрим, какая игра света и тени в его неожиданных натюрмортах. Цветы — эти божественные создания, — пожалуй, настоящее чудо поэзии! К примеру, «Фиолетовый стих», в котором присутствуют и насыщенная метафоричность, и густые словесные мазки маслом, как будто заглушающие хрустальную поэзию Тютчева: «Чтобы август над миром лиловым / Отлетал горевым сизарём, / Тихо падают сливы тяжёлым / Фиолетовосиним дождём». У автора свой поэтический сад! Прекрасное — всегда празднично. Он раскрывает национальный космос цвета, поражающий нежным блестящим радужным разноцветьем:

*Снова ночи таинственный бархат,
И безмолвно глядят в высоту
Флоксы... Боже мой, как они пахнут
В осеннем Успеньем саду.
В эту терпкую пору до срока
Не уснуть средь древесных купин...
Флоксы, астры стоят у порога,
А на клумбе цветёт георгин.*

Щацков, переключаясь с Фетом, выступает как лирик-импрессионист: «Задержать до последнего вздоха / Заповедных цветов аромат. / Гладиолусы... Школа... Эпоха, / Где стихи заглушали грома!»

В природе есть свой язык, своя душа. Идет снег, дождь, шелестят листья, пахнут травы и цветы... Это всё божественные явления, чудеса, божественные моменты в жизни человека. Жизнь, по мысли автора, предстаёт как Божественное провидение, как притяжение любви и вечности. И в то же время задумываешься, что так прельщает в тех же памятных стихах Тютчева «Осенний вечер»?

*Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.*
(1830)

Пейзаж и душа! Есть нечто непостижимое, что остаётся за пределами слов и красок. Эти авторские изящные черты вовсе не случайны. Удивительные способности Тютчева, его тонкая внутренняя изящная духовность, привитая старинным русским дворянством, идёт с детства. Природа для него — постоянный источник печалей и раздумий. Но соединяясь с нею, художник не исключает момента сильного контраста явлений природы и человеческих чувств!

Мимолетность человеческого бытия. Время и пространство. Жизнь и Смерть. Однако у смерти есть своё собственное право и своё величие — итог жизни. Просто надо пройти весь круг человеческого предназначения. Тогда жизнь не напрасна. Через отчаяние, пустоту, через потери и обретения — к духовному просветлению. Сия чаша, до краёв наполненная печальными раздумьями о судьбе человека, о судьбе России, не миновала великую лиру Тютчева. Жизнь в его произведениях поднимается над смертью, над увяданием, над старостью. Ощущается скрытый внутренний бунт поэта против этой обречённости пред собственной кончиной, вопреки философии Экклезиаста он жаждет обрести свой потерянный рай:

*Сижу задумчив и один,
На потухающий камин
Сквозь слёз гляжу...
С тоскою мыслю о былом
И слов в унынии моем
Не нахожу.
<...>
За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,*

*Сей злак земной!..
Он быстро, быстро вянет — так,
Но с новым летом новый злак
И лист иной.*

В этом стихотворении, написанном им в 1835 году, Тютчев великолепно выявил человеческую душу. Прежде всего — своё личное духовное одиночество, свой «прощальный свет» бытия. Тут прочитывается проблема соединения в себе художника и человека, неразрывная связь творчества поэта с его жизнью. Спустя год в журнале «Современник» Пушкин впервые опубликует стихи Тютчева, буквально с первого раза подкупившие читателя предельной точностью образа. Спокойная мудрость, которая приходит к иным лишь на излёте лет, у Тютчева, как ни странно, присутствовала всегда. Необъяснимым образом художника влекло безмолвное и торжественное Небо.

Во второй половине XIX века в русскую словесность начинает входить новое философское понятие — так называемое космическое сознание. К небольшому числу избранных — высокоинтеллектуальных людей, обладавших «космическим» сознанием, — причисляли и поэтов, среди которых одно из главных мест отвели Ф.И. Тютчеву. Сегодня, особенно в наши дни с их триумфальной космической устремлённостью, великий русский поэт нашел наконец своего массового читателя. Космизм Тютчева вмещает в себя огромную неизведанную тему мироздания, тем самым выявляя новые грани его поэтического творчества. Совершенно космическое произведение «Как океан объемлет шар земной...»:

*Есть некий час в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес...
Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.*

(1830)

Между прочим, это не так мало, в сущности, наиболее первостепенное — единство человека и вселенной. Мир и человек, художник и творчество — прекрасны в своей бесконечности. Что пытается отыскать там гениальный поэт, одолеваемый тайными надеждами? Быть может, идеальную гар-

монию — как спасение от реального хаоса.

Космизм Тютчева нашел свое отражение и в творчестве Шацкова, так же связанного с планетарным, космическим взглядом на мир. Бытует мнение, что интуиция — это некое мистическое состояние сознания человека.

*Как хорошо глядеть в небесный свод.
И, на щеке почуяв солнца ласку,
Знать — в горней выси бабушка живёт,
Которая тебе читала сказку.*

Материя жизни истончается и возникает ощущение сквозящей метафизики. Как заметил В. Ходасевич, тютчевское слово несет мысль, фетовское — впечатление. Что в полной мере характерно и для Шацкова.

Но как бы там ни было, для истинного творца всё величие и своеобразие заключается в слове. Вспомним у Фета: «Шепнуть о том, о чем язык немеет, / Усилить бой бестрепетных сердец, / Вот чем поэт лишь, избранный, владеет, / Вот в чем его и признак и венец!» Тютчев же углубил саму идею Слова и придал ей глобальное философское звучание. Искусство служения Слову поднимает настоящего художника до невысказанных высот.

Неисчерпаемое богатство русского языка! Таинственные церковнославянские письмены, лестница в Небо, поля заповедных слов, где горный свет несет поэтическое озарение. Тютчев, по свидетельству Фета, мог «вместить в небольшой объём книги столько красоты, глубины, силы, одним словом, поэзии!..» Он мог даже одну строфу сделать хрестоматийной:

*Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*

Это загадочное ощущение Тютчева. Сочувственность и открытость миру и одновременно невозможность высказаться. Недаром он утверждал: «Мысль изречённая есть ложь...» Человек Тютчева врастал в природный и исторический мир, такой же противоречивый, как и вся бескрайняя Россия. Смирение и отчаяние, бездна и свет, приятие и чуждость. Он — человек служилый, не будем забывать. Но являясь поэтом-гением, Федор Тютчев воспринимал мир и человека на уровне гениальной поэзии.

В XXI веке Андрей Шацков напишет убедительные строки: «Нам не прожить без тютчевской России, / И ей, наверно, не прожить без нас». Нас всех объединяет одна славянская земля, одна православная культура. Поразительно: Тютчев — славянофил, редко говоривший по-русски, который, исполняя русскую миссию в Европе, 30 лет провёл в Германии, и которого при этом не испортило ни барство, ни немецкая учёность. По мнению литературоведа и публициста Вадима Кожинова, написавшего книгу о Фёдоре Тютчеве, русский художник слова, благодаря его вере в Россию, не мог не стать подлинным всенародным поэтом.

Литературный критик Вячеслав Лютый в очерке «Ностальгия по России», говоря о триптихе Андрея Шацкова «Лебеди Тютчева», замечает, что историко-философская грань биографии и судьбы Тютчева как бы соприкасается с важнейшими вехами на пути России во времени и пространстве. И личность самого Шацкова, и его лирический герой здесь стоят рядом, неся какой-то оттенок тютчевского трагизма бытия. Вот из таких оттенков и рождается образ:

*Тяжеле вериги — поэтов судьба
В России, покрытой морозною пылью...
Но гордо в щите родового герба
Распластаны лебедя белые крылья!*

Одинокая фигура русского гения и провидца Тютчева, призывающего людей к объединению, считает Лютый, порождена бесконечностью вселенского времени. Размышления государственного деятеля и дипломата о Западе и Востоке, об особом историческом предназначении России, поэта-мыслителя и гражданина, проявившего самоотверженность и верность русской земле, до сих пор напоминают заколдованный круг — и всё никак не могут реализоваться позитивно. Именно за душу человека, за ее чистоту и возвышение боролся он. Что любопытно: и у Тютчева, и у Шацкова повсюду — тайна:

*Их выводок плещет в заветном пруду
И ходит эскадренным строем по кругу...
Я к ним попрощаться с поклоном приду
И горького хлеба отрежу краюху.
А нежность...
пусть нежность останется там —
В чугунном затворе усадьбы ограды.
В небрежно доверенной тайне — листам,
В которых поэту — не надо пощады!*

Для Андрея Шацкова первостепенное дело — успеть сказать и о самом потаенном и одновременно о самом насущном: нескончаемая Россия царственно шествует в произведениях поэта, и он сам — странник этой русской Вечности. Берет в полон, захватывает и уводит куда-то в даль неспешное течение строки, словно плавно струящийся водный поток, как в стихах «На Ружском поле»:

*Я Ружское поле забыть до конца не смогу:
Кладбищенский взгорок, лощину и ленту реки,
Церквушку в известке на дальнем крутом берегу
И ласточек стаю, вспорхнувшую из-под стрехи.
И в небе бездонном, крутой заложивши вираж,
Уходят они в пепелящую солнца жару...
Я знаю, что этот знакомый до боли пейзаж
Из памяти вычеркнуть — нет, никогда не смогу.
И хоть за него не дадут половины гроша,
Который веками копился в дорожной пыли,
Я знаю, что здесь проживает поэта душа.*

Автор неразделен с родной землей, связан с ней кровными узами. Она на веки вечные дана ему в наследство. Так соединяются времена. Кажется, что поэт всегда найдет себе собеседника в своем историческом прошлом.

Вот и сам Тютчев пытался отгадать, в чем же сила ратного стоянья русского человека, когда писал:

*Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.*

В той провиденциальной миссии, что выпала на долю России, он видел нечто большее, predeterminedное свыше. «Поэт-воин, боец, трагически идущий навстречу катастрофам в самое пекло хаоса, ибо только собственным участием в борьбе можно определить, хотя бы и ценой собственной гибели, исход этой борьбы» — эти эмоционально мощные слова посвятил любимому народному поэту — Фёдору Тютчеву — писатель, литературовед Юрий Селезнев. Да, только собственным участием в борьбе можно определить ее исход. Но и жизненное кредо поэта Андрея Шацкова, магистральная идея его бытия, что звучит в трип-

тихе «Лебеди Тютчева», целиком и полностью подчинены этой идее.

К тому же поэзия интригует непривычностью своей мысли, необыкновенными контрастами. Пожалуй, самое время для сравнения обратиться к стихотворению Тютчева «Лебедь» (1828—1829):

*Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя впивает солнца свет.
Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего —
И чистой, как ты сам, одело
Тебя стихией божество.
Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон —
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.*

«В живом, грациозном, пластически-верном изображении природы, — писал Некрасов, — Тютчеву не было равных». Две птицы: орел и лебедь — два выразительных противопоставления, в которых скрыта дуальность самого художника. Поэт уходит от рационального, не столь ощутима для него и роль немецких романтиков. Отдавая предпочтение лебедю, он выбирает русский национальный космос, созерцательность и покой, уподобив своего лебедя чистоте души русского человека. Некий сдержанный и вечный подтекст, когда мысль идет дальше. Всплывают в памяти размышления о Западе и Востоке, об особом историческом предназначении России. «Дни настают борьбы и торжества», — вот он, вещий тютчевский афоризм, до сих пор актуальный. Величие России, оно повсюду, и мы вместе с поэтом идём по роскошным паркам и аллеям Царского Села:

*Тихо в озере струится
Отблеск кровель золотых,
Много в озеро глядится
Достопамятней былых.
<...>
Солнце светит золотое,
Блещут озера струи...
Здесь великое былое
Словно дышит в забыты;*

*Дремлет сладко, беззаботно,
Не смущая дивных снов
И тревогой мимолётной
Лебединых голосов...*
(Июль 1866, Царское Село)

На редкость оптимистичное произведение, в котором явно проступают фетовские интонации. В нём отражается невероятная любовь русского поэта к исконной старине, какую он не променял на удобное благополучие Запада. Кажется, из далекого былого зовут нас тревожные лебединые голоса, напоминая о том, что поэзия Тютчева жива, что всё бесконечное — свершится.

Завершая эссе, к общему поэтическому портрету сделаем лаконичные штрихи: Анатолий Юрьевич Аврутин — главный редактор литературно-художественного журнала «Новая Немига литературная», Валерий Васильевич Хатюшин — главный редактор литературно-художественного и общественно-политического журнала «Молодая гвардия», Андрей Владиславович Шацков — государственный советник III класса Российской Федерации, главный редактор альманаха «День поэзии — XXI век». Подчеркнём существенное: все они, подобно Тютчеву, — поэты-государственники, продолжатели отечественной классической традиции. Таков портрет современных русских поэтов, в центре которого сияет звезда Федора Ивановича Тютчева, высвечивая дар и подвиг художника-творца, высоту человеческого призвания. От ее сияния расходятся лучи яркого поэтического огня, вселяющие веру в будущее, дающие надежду не только освещать, но и согреть грядущие поколения.

Литература:

- Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. — Л., 1987.
Тютчев Ф.И. Стихотворения. — М., 1986.
Тютчев Ф.И. Лирика. — М., 2007.
История русской литературы XIX века в 3 ч. — М., 2005.
История русской литературы XIX века (вторая половина). — М., 1991.
Благой Д. Литература и действительность. — М., 1959.
Хатюшин В.В. Напряжена душевная струна... Любовная лирика. — М., 2018.
Хатюшин В.В. Белой Руси голоса. Статьи. Стихотворения. — М., 2018.
Хатюшин В.В. Третий снег. Стихотворения. — М., 2023.

Аврутин А.Ю. Временная вечность: избранные произведения. — Минск, 2022.

Аврутин А.Ю. Просветление: книга поэзии. — Минск, 2016.

Аврутин А.Ю. Август в декабре: книга поэзии. — СПб., 2009.

Шацков А.В. Лебеди Тютчева: триптих. — М., 2020.

Шацков А.В. Лествица в небо. Избранное. — М., 2012.

Шацков А.В. Осенины на краю света. — М., 2005.

Вышли в свет две книги Валерия Хатюшина

«Русский свет. Стихи о войне за Россию».

Сборник составили стихи, написанные с 2014 по 2023 год, посвященные событиям на Украине.

Стоимость с учетом почтовой доставки — 250 руб.

«Третий снег». Стихотворения.

В книгу вошла лирика, написанная после выхода в свет шеститомного Собрания сочинений. Твёрдый переплёт.

Стоимость с учетом почтовой доставки — 500 руб.

Деньги необходимо перечислить на карту Сбербанка номер: 2202 2005 6546 0175 или на номер телефона, привязанного к банку: 8 916 939 22 69.

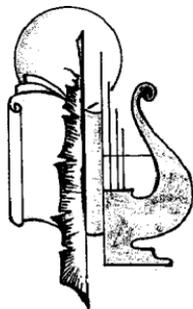
А так же — сообщить свой полный почтовый адрес по указанному телефону или на эл. почту: mg0002015@yandex.ru

С ЛЮБОВЬЮ И ПЕЧАЛЬЮ

О книге прозы поэта Николая Рачкова

Истинный поэт, концентрируя в слове духовную энергию своего народа, стремится отразить её прежде всего в поэтическом слове. Но иногда ему хочется поделиться воспоминаниями о жизни и творчестве современников, братьев по поэтическому цеху, чтобы читатель почувствовал в них не только душу автора, но и биение пульса эпохи, отражённой в душах современников.

С одними писателями связывает тесная дружба, а с другими — общение на литературных мероприятиях. Но самое главное — автору воспоминаний необходимо почувствовать духовную близость с ними и рассказать о том, **что** соединяет его с судьбой поколения. С одними он общался, «чаёвничал», переписывался, других — встречал на конференциях, на пленумах, литературных праздниках, юбилеях. А может быть, ему посчастливилось даже побывать у поэта на родине, увидеть его среди родных и близких людей, среди земляков, услышать, как они читают свои стихи, что говорят о России, о земле, о людях, каким словом наполняют мир русской поэзии.

КРУГ ЧТЕНИЯ

А если страницы книги воспоминаний будут написаны с большой искренностью и теплотой, она позволит каждому из нас глубоко осознать, как важно воспитание души через судьбу твоего поколения.

Вдумаемся в слова поэта Николая Рачкова о Валентине Распутине на страницах недавно вышедшей в печати его книги «С любовью и печалью. Воспоминания. Проза». (Санкт-Петербург, 2024 год): «Я впитывал в себя его рассуждения о состоянии России, русской деревни, его оценку событий, деятелей литературы и искусства, его горькие мысли о будущем Союза писателей. Это было своего рода воспитание души, наставничество, школа творческого взгляда на жизнь. Для меня он был и остаётся великаном духа, человеком чистойшей совести и высочайшего гражданства».

Открывая перед собой книгу воспоминаний поэта Николая Рачкова, приходишь к мысли о том, что встреча с каждым писателем была для него очень важной. Эти встречи помогли ему формировать взгляды на жизнь, на человека, на природу и написать о самом главном, выстраданном, наблювшем и радостном.

В книге нет случайных имён: каждое имя — это «подарок судьбы для поэта». Например, о Василии Белове Николай Рачков пишет: «Боже мой, каким же счастьем одарила меня судьба, сведя нас в златоглавом Киеве!» В Киево-Печерской лавре они с Беловым оказались вместе в церковной лавке, купили медные крестики. О многом беседовали, рассуждали. Находясь в Софийском соборе, они поднялись на хоры, где хранились фрески из взорванной церкви. Особенно покорила их одна из фресок, на которой был изображён Ангел, свивающий Небо в свиток. Долго смотрели они на это древнее живописное чудо. Василий Белов, глядя на фреску, сказал Николаю Рачкову: «Ты гляди, Николай, запоминай... Красота-то какая, а смысл-то какой... И не зря, не зря осталась целёхонькой именно эта фреска. Чтобы задумались люди...» На этой фреске, над которой Василий Белов предлагал задуматься, отражено пророчество Иоанна Богослова о конце света. Вот почему Ангел сворачивает Небо в свиток.

Именно Василию Белову, автору замечательных рассказов и повестей о жизни русского народа, Николай Рачков после смерти писателя посвятил эти строки.

*Где Василий Иванович? Не стало, не стало Белова,
Не услышим мы больше его наболевшего слова,
По-крестьянски простого, в колосьях любви и печали,
Мы его неизменно с надеждою в сердце встречали.*

*Нет Белова теперь, весь ушёл до последней он фразы
В свои повести честные, в жгуче живые рассказы
О деревне родной, о мужицкой судьбе, о народе,
О народе, о том, что и сам растворился в природе...*

Ценным для читателей является желание Николая Рачкова почти в каждой статье обобщить мысли и чувства о своих современниках в лирическом исповедании о них, в стихах, необычайно емких, глубоких, искренних. Так, например, о поэте-фронтовике Федоре Сухове он пишет:

ПАМЯТИ ФЁДОРА СУХОВА

*Не прельщался ни славой, ни златом.
От властей и от власти далёк.
Отзвенел колокольчик. Отплакал.
Отлюбил. Отстрадал. Отберёг.*

*Отглядел эту синь, эту зелень —
Разве что-то иное родней?
И упал.
И обнял эту землю,
Чтобы слиться безропотно с ней.*

Автор книги «С любовью и печалью» стремится выделить самое главное в каждом из писателей. Например, в поэте Фёдоре Сухове он увидел «аввакумовское начало», потому что «храбрый офицер-фронтовик», автор замечательных стихов и прозы, даже внешне напоминает ему неистового проповедника протопопа Аввакума, его земляка. Николай Рачков пишет: «И я до сих пор вспоминаю его непокорный, как характер поэта, вихор на голове, его чёрные печальные глаза всё повидавшего в жизни солдата, его почти громовой голос при небольшом росте и сухонькой фигуре с посохом в руке: «Аввакума буду читать... Слушай!»

Панорама имён небольшой книги воспоминаний Николая Рачкова не так широка, но глубока и объёмна. И всё-таки какими именами она наполнена! Валентин Распутин, Василий Белов, Сергей Викулов, Виктор Боков, Фёдор Сухов, Николай Старшинов, Юлия Друнина, Владимир Соколов, Сергей Орлов, Ольга Берггольц, Михаил Дудин, Егор Исаев, Расул Гамзатов, Михаил Аникушин...

Душа автора книги обращена также и к воспоминаниям о поэтах-земляках, которых он знал с юношеских лет, когда жил в родном селе, под Арзамасом, потом встречался с ними

в Нижнем Новгороде на студенческих вечерах, в литкружке Бориса Пильняка, в Доме учёных, в совместных поездках в Кстово, в Семёнов, в Городец, где поэты выступали со своими стихами. Например, воспоминания о поэте Юрии Андрианове, наполненные стихами поэта, его письмами.

А с какой теплотой и искренностью Николай Рачков пишет об Александре Люкине, с которым он ещё в молодости встретился на одном из поэтических вечеров в Доме учёных в Горьком, сразу почувствовав, что Александр Иванович был «в поэзии самородком, причём редчайшим, драгоценным». Автор книги так характеризует поэта-земляка: «Труженик войны, он и после был честным тружеником в мирной жизни. И писал, и любил тех, кто растит хлеб, кто стоит у станка, строит дороги, дома, тех, кто реально созидает настоящее».

Немало страниц книги отведено Николаем Рачковым арзамасскому другу, поэту Александру Плотникову, который был старше Николая Рачкова на двадцать лет, но постепенно их общение переросло в крепкую дружбу. Александра Плотникова он называет «мудрым наставником», вспоминая поездки с ним на машине, выступления в десятках школ, на клубных сценах, в колхозах, в заводских цехах, на полевых станах Горьковской области. Это время для поэта было «радостным», потому что все тогда жили литературой, поэзией. Он пишет: «Восторг от хороших стихов, прочитанных в журналах или книжках, нас объединял. Сейчас думаю: главное накопленное богатство нами в жизни — это богатство души. Всё остальное — не в счёт».

Чем же наполнена кладовая души поэта Николая Рачкова, который впервые в своём творчестве обратился к прозе? Знакомясь с книгой воспоминаний, мы погружаемся вместе с автором в жизнь нашей литературы последней четверти двадцатого века, а затем — в драматический калейдоскоп «перестройки», когда Россия изменила границы, название, государственный строй. Писатель, даже гениальный, не может ничего изменить в ходе истории, но он способен многое предвидеть, предсказать, предупредить более глубоко, чем кто бы то ни было, рассказать правду о своём времени. А самое главное — сохранить огонь своей души и наполнить читателя верой в то, что «Россия была и будет».

У Николая Рачкова есть замечательное стихотворение, которое можно было бы поставить эпиграфом к книге воспоминаний.

*Горюешь ты: какая жалость —
Опять в судьбе не повезло.*

*Вновь вырвалось из рук, сломалось
Надежды хрупкое весло.*

*Какие б дали ни манили,
Ты душу бережно храни.
В жестоком и прекрасном мире
Жить нелегко в любые дни.*

*Жить нелегко, но падать духом
Нельзя. Не хнычь и не тужи,
Назло невзгодам и прорухам
Себя с достоинством держи.*

*Ты в этом мире не случайно —
В любви, в мечте, в добре, во зле.
Ты человек. И ты есть тайна.
Ей нет разгадки на земле.*

В книге воспоминаний Николая Рачкова перед нами предстают судьбы поэтов, прозаиков, в творчестве которых ярко отразилось вечное движение подлинной культуры человеческого духа, чувство родины и стремление сохранить великое русское слово.

В статье о Валентине Распутине «Была дарована благость» Николай Рачков пишет о том, что его сближало с писателем: прежде всего — общение на литературных мероприятиях, во время совместных посещений дорогих русскому сердцу уголков России. Сначала было знакомство с прославленным русским писателем в Москве в 1985 году, в кабинете главного редактора журнала «Наш современник», где Рачков увидел обыкновенного, простого человека, который скромно улыбался и «с усмешкой рассказывал о жизни в Иркутске, о погоде, о дороге». Там впервые поэт и прозаик пожали друг другу руки.

Вторая встреча Рачкова и Распутина состоялась в 1998 году в Санкт-Петербурге на Пленуме Союза писателей России. А потом было знакомство с городом. Во время экскурсий, отмечает Николай Рачков, они с Распутиным часто оставались вдвоём. Так было и в Троицком соборе Александро-Невской лавры, когда оба зажгли свечи у Иверской иконы Божьей Матери и помолились.

В следующем году они встретились во время поездки из Петербурга в Псков на празднование 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина, а через два года Валентин Распутин пригласил его в Иркутск на праздник «Сияние России», где

были выступления в центральной городской библиотеке, в университете, в институтах, техникумах, в зале филармонии, путешествие на катере по Байкалу..

И всё это время Николая Рачкова наполняли мысли о том, что рядом — *учитель*. Автор книги пишет: «Особенно нас сближала боль за русскую деревню, за погубляемые леса и реки, за разрушение нравственных, культурных традиций народа».

Навсегда в памяти поэта осталось горькое прощание с Валентином Распутиным в Москве, в храме Христа Спасителя, где, *«увидев страдавший, изболелый до неузнаваемости лик любимого писателя» и людей, которые нескончаемым потоком шли и шли к его гробу, чтобы проститься с ним, возложить цветы и зажечь свечу у иконы, можно было бы до глубины души почувствовать, какого сына потеряла Россия*». Это был, по словам Николая Рачкова, художник, «выскаущее слово» которого «взрывает русские сердца», помогает ясно осознать всё, что «безнравственно и ложно», и наполнить душу каждого из нас ощущением правды и совести.

Идти «от сердца к сердцу» в своих мыслях о писателях-современниках, умело при этом в скупых деталях вылепить их человеческий образ, обрисовать характер, рассказать, какими мыслями каждый из них делился с автором книги, — это дело непростое. Для этого и самому нужно быть «рыцарем духа»: что-то записывать в блокнот, многое сохранить в памяти, а самое главное — глубоко знать и понимать внутренний мир того человека, о ком ты пишешь. И, конечно, рассказать о нём добрыми и сердечными словами.

На мой взгляд, именно такую задачу и видел перед собой Николай Рачков как художник слова, выбирая для книги такое название — «С любовью и печалью». В ней — семнадцать глав, наполненных высокими мыслями автора о писателях, с которыми свела его судьба в разные периоды жизни на путях и перепутьях российской истории. В книге много редких фотографий из архива автора, что делает материал книги ещё более зримым, интересным.

В своей книге Николай Рачков раскрывает не только «самоцветные поэтические таланты» авторов, но ещё пишет о тех, кто «сотворил в литературе не менее значительное, чем стихи и поэмы». Ему дорог поэт и редактор Сергей Викулов, который создал в свое время «один из самых читаемых, самых уважаемых в стране» журналов — журнал «Наш современник». Сергей Викулов как редактор всегда вёл с авторами серьёзный разговор, «по косточкам разбирал страницы, подчёркивал и достоинства, и недостатки», предлагая неко-

торые материалы дорабатывать. Николай Рачков пишет: «С каждым годом он производил впечатление всё более озабоченного и усталого человека. В обществе нарастало напряжение. Так называемая перестройка катилась в объятия катастрофического распада страны. Ему это видно было как никому. Викулова донимали и справа и слева и, видно, достали всё же — он освободил место главного редактора журнала». Викулов собирался писать статью о поэтах из провинции, поделился с Николаем Рачковым своими планами. Но силы его уходили. Было видно, как он постарел, как его «ясные голубые глаза заметно поблекли». А вскоре его не стало.

А какие важные для начинающего поэта уроки получал Николай Рачков от московского поэта Виктора Бокова, который своей крупной фигурой напоминал ему «старорусского барина», чем-то похожего «на певца Шалапина и на писателя Алексея Толстого вместе взятых». Тщательно разбирая стихи Николая Рачкова, он всегда указывал на недостатки и учил: *«Никогда не пиши того, за что потом тебе будет стыдно. Не обо всём нужно писать. Больше думай. Свой ум проверяй сердцем. Не переставай любить Пушкина»*. Именно Виктор Боков высоко оценил поэзию Николая Рачкова, назвав его «звонким жаворонком России». Приведённые в статье о Викторе Бокове письма говорят о его большой мудрости. Николай Рачков пишет, что Виктор Боков никогда не поддерживал в разговоре лагерную тему, хотя «жила в его душе затаённая обида, что не обошла судьба его, молодого, эта горькая участь». Это был отзывчивой души человек, уникальный лирик, который многим поэтам в нелёгкие годы смуты и раздора оказывал моральную поддержку. Его уроки навсегда остались в памяти Николая Рачкова, называвшего Виктора Бокова своим «крёстным».

С «любовью и печалью» написаны страницы книги, рассказывающие о многих поэтах, в том числе и о поэте Николае Старшинове, портрет которого Рачков описывает так: «Он вошёл — небольшого роста, худощавый, цыганисто-смуглый, черноголовый, улыбнулся смущённо, оглядел нас своими чёрными пристальными глазами и сказал: «Это ничего, что нас мало. Бывает. Я всё равно вам не только стихи почитаю, но и спою под гармошку. Я ведь на фронте был ротным запевалой. Конечно, сейчас голос уже не тот, но попробую...»

Письма Николая Старшинова Николаю Рачкову наполнены любовью к русской многострадальной земле, по которой ему с каждым годом ходить было всё труднее и труднее.

Он пишет в своих письмах, что «уже пятый год не заживает рана, зашевелились осколки гранаты», «а извлекать их хирурги не хотят, говорят, что они в кости сидят, растревожишь их, ещё придётся ампутировать ступню. Мол, пятьдесят с лишним лет проходили с ними, ходите до конца своих дней...»

Поэты-фронтовики вызывают всегда у Николая Рачкова особые чувства, и он всегда дорожил встречами с ними, потому что они были очень интересными людьми: вели откровенные, принципиальные разговоры о жизни в послевоенной русской деревне, в которых открывалась не знающая компромиссов их прямота, открытость и бесхитрость в общении.

Их портреты нарисованы мастерски автором книги, правдиво, без всяких прикрас. Главное в их облике — следы жестокой войны. Вот как описывает Николай Рачков свою встречу с поэтом Сергеем Орловым в гостиничном номере города Горького: «Я робко зашёл и увидел у окна поднимавшегося со смятой кровати человека с обрубком ноги, торчащей из-под простыни. Его заросшее рыжеватой бородой и бакенбардами лицо было покрыто кусками мёртвой жёлтой кожи. И только синие-синие глаза оживляли это неживое лицо. И эти синие-синие глаза глядели на меня так стеснительно, словно стыдясь впечатления, которое произвела на меня эта встреча. Неужели это тот самый знаменитый Сергей Орлов, вот этот страдающий инвалид в нательном белье?! Я стоял как вкопанный. Я сразу забыл о своих стихах. Невероятной силы жалость сжала мне горло к этому мужественному человеку, герою-фронтовику, чудом оставшемуся в живых в горящем танке. Какие же муки, какие страдания он перенёс — и какие честные, правдивые, талантливые стихи о войне, о жизни!»

Навсегда остались в сердце Николая Рачкова встречи с поэтом Михаилом Дудиным. Первая встреча, которую описывает автор, произошла в Большом Болдино на Всесоюзном празднике поэзии в 1984 году, где была предоставлена честь вместе с ним открывать торжество у памятника великого русского поэта. После чтения стихов возник диалог между поэтами, во время которого Николай Рачков подарил Михаилу Дудину сборник своих стихов.

А после этой встречи, спустя немного времени, он получил от Дудина сборник его стихов «Ключ», который был проиллюстрирован собственными рисунками поэта.

Вторая встреча состоялась неожиданно в Ленинграде, на Невском проспекте, когда Николай Рачков уже переехал

жить в Тосно и стал членом Ленинградской писательской организации.

Здесь, на Невском, Николай Рачков расспрашивал Михаила Дудина о ленинградских поэтах. Михаил Дудин вспомнил стихи поэта Алексея Лебедева, подводника, не вернувшегося из боевого похода в тысяча девятьсот сорок первом году. Он предсказал свою гибель в морских глубинах. Михаил Дудин, который хорошо знал Алексея Лебедева, посвятил ему такие строки:

*Жизнь твоя как прыжок с трамплина
В невозвратную глубину,
Мать умрёт, не дождавшись сына,
У печали своей в плену.*

*Станет каменным у причала
Юной женщины силуэт.
Песне верности нет начала,
Окончания тоже нет.*

В каждом из великих испытаний наша Родина стояла перед смертельной угрозой уничтожения врагом самих основ её бытия — государственного, национального, культурного, языкового. Шла борьба не на жизнь, а на смерть, борьба двух несовместимых миров, и русский воин как освободитель приходил к другим народам в смертельно опасные для них минуты. Среди тех поэтов, которые отразили эту тему, был поэт Егор Исаев, статью о котором Николай Рачков начинает со строк:

*И я встаю,
тревогу бью
Всей многотрубной медью,
Я Гансу руку подаю,
Я Курту руку подаю,
Тебе же, Хорст, помедлю...*

А далее в статье идут размышления Николая Рачкова об эпическом размахе поэмы «Суд памяти» Егора Исаева, поэта-фронтовика. Эту поэму Николай Рачков назвал «неожиданным, страстным по своей антивоенной направленности произведением». Встречи с поэтом описаны ярко, живо. Чаще всего между ними был разговор по телефону о поэзии. Например, о Рубцове Егор Исаев сказал: «Глубок колодец, чем глубже — тем вода холоднее, чище»... Автор

назвал Егора Исаева «незаурядным русским поэтом», который говорил о себе:

*Жизнь моя — поэзия!
Ты как боль по лезвию.*

Ярко описана Николаем Рачковым встреча с поэтом Расулом Гамзатовым на съезде Союза писателей России в Кремле в 1985 году. По окончании съезда многие хотели сфотографироваться с поэтом из Дагестана, а он приветливо звал к себе и знакомых, и незнакомых людей, улыбаясь и широко распахнув руки, и при этом обрастал толпой и, по наблюдению Рачкова, был подобен горе Казбек в окружении Кавказских гор. Уже после смерти Расула Гамзатова была поездка в Махачкалу, где родные и друзья поэта в Доме-музее бережно сохраняют память о нём. Побывал Николай Рачков и у подножия горы Тарки, где на пустынном мусульманском кладбище покоится прах поэта и его жены Патимат. Он также — с замиранием в сердце — посетил высокогорный аул Цада, бедную саклю, где родился Расул Гамзатов. Вокруг там можно увидеть только голые горы, а над ними — высокое небо. Николай Рачков пишет: «И небеса возблагодарили аварцев одним из самых ярких поэтических талантов на земле. И он сверкнул в небесах жизни ярчайшей звездой, которая рассеивала мрак многих душ и подарила восхищение миллионам»

Известно, что Николай Рачков стал лауреатом литературных премий: имени А. Твардовского, «Ладога» имени А. Прокофьева, имени Бориса Корнилова, и других. Награждён он был и премией имени Расула Гамзатова, поэтому ему было особенно дорого имя замечательного аварского поэта, который, по словам Николая Рачкова, стал «стихом, легендой, песней» для многих людей земли.

*Клинком сияет стих свободный,
Глумленьям века вопреки...
Поэт,
любимец всенародный,
Лежит на кладбище Тарки.*

*Над ним скала в застывшем горе,
И солнце травы жжёт дотла.
Внизу сурово плещет море,
Внизу кипит Махачкала.*

Встреча с Ольгой Берггольц у Николая Рачкова произошла в Семёновке, под Нижним Новгородом, в июле 1967 года, когда отмечался юбилей Бориса Корнилова. После официальной части принимала писателей у себя дома мать поэта — Таисия Михайловна Корнилова. Николай Рачков вспоминает, что Ольга Берггольц часто наклонялась к матери Бориса Корнилова и что-то ей говорила. А потом они сидели рядом на кухне, в обнимку, и Ольга плакала, повторяя сквозь слёзы: «Ты прости меня, мама...»

Несомненно, что такие детали из жизни Ольги Берггольц мог описать только человек с чутким сердцем, которое нацелено на добро и приходило в волнение от всего, что его окружало в Семёновке: от цветущего лета за окном, от «пряного запаха луговых и садовых цветов», от «запаха млеющих лип и сосен», от «брусничного заката над Заволжьем».

Завершает книгу воспоминаний Николай Рачков очерком о скульпторе Михаиле Аникушине, о котором он напишет такие строки:

*Нет, связь традиций не нарушена.
Есть животворное звено.
Ведь Михаила Аникушина
Не гаснет в Питере окно.*

*Глядели недруги растерянно,
Как рядом с классиками встал,
Когда он Пушкину уверенно
Помог взойти на пьедестал.*

Встречи с Михаилом Аникушиным, человеком «небольшого росточка», «в костюмчике тёмного цвета», который с гордостью говорил собравшимся в его мастерской именитым гостям, и простым студентам, и начинающим художникам, для которых устраивал в ней мастер-классы: «Я художник. Русский художник». Однажды Николай Рачков пригласил Михаила Константиновича в Тосно: была идея создать новый памятник на братской могиле павших в боях за город солдат в Великой Отечественной войне, но этим планам не удалось осуществиться из-за болезни скульптора и ухода его из жизни. Михаил Аникушин остался в сердцах многих людей: до сих пор все мы, как и поэт Николай Рачков, подходя к Русскому музею, где на площади Искусств «стоит великолепный бронзовый памятник вдохновенно читающему стихи молодому Пушкину», готовы без усталости смотреть на «лёгкий, порывистый силуэт», и нам трудно предста-

вить блистательный Санкт-Петербург без этого аникушинского памятника, который поэт Николай Рачков называет «гениальным творением».

Книга воспоминаний Николая Рачкова, лауреата всероссийских и международных литературных премий, академика Петровской академии наук и искусств, Почётного гражданина Ленинградской области, которую он подарил современному читателю, можно считать значительным событием в литературной жизни России: Она наполнена отзвуками Великой Отечественной войны в судьбах многих поэтов-фронтовиков, которые вместе со всем советским народом отстояли рубежи нашей Родины. Они страдали от потери друзей и близких, от осколков и незаживающих ран в теле. Вернувшись в строй в условиях послевоенной разрухи, они снова занялись литературной работой. А некоторые из них, как, например, Фёдор Сухов, отправлялись в путешествие по своим фронтовым дорогам. Причём Фёдор Сухов совершал такие походы несколько лет подряд, чтобы изучить каждую деревеньку, каждый лесок и овражек, побеседовать с местными жителями и написать об этом книгу прозы «Ивница».

Писатели военных лет не умели и в мирной жизни щадить себя, всегда были одержимы работой, не признавали бездельного отдыха. Непрестанные думы о судьбах России, русской деревни, чувство личной ответственности за все непорядки, совершаемые в стране, они всегда несли в своём сердце. Поэтому в книге воспоминаний Николая Рачкова немало радостных и грустных переживаний автора, связанных с судьбой тех прозаиков и поэтов, которые были ему особенно духовно близки и дороги и наполняли душу деятельной любовью ко всему живому на земле.

Эта книга наполнена исповедальной правдивостью и искренностью автора. Её страницы погружают нас не только в судьбу литературных друзей и единомышленников Николая Рачкова, в их мысли и чувства, но позволяют увидеть тот нравственно-очистительный заряд, который помогал молодому поэту в течение всей жизни совершенствоваться профессионально, способствовал духовному прозрению и очищению.

Хотелось бы, чтобы у этой книги было продолжение. Ведь ее автор — человек благостный, честный, несущий миру идеи добра и любви. В сборнике стихов Николая Рачкова «За нашу веру и славу» я наугад открыла страницу, где вдруг нашла такие строки, которые, как в зеркале, отразили то главное, о чем рассказал он в своей книге воспоминаний. И я подума-

ла, что перо этого поэта живёт особой памятью, «памятью сердца». Именно это позволяет ему принять свою Родину, народ, своих друзей во всей их красоте, а также — увидеть и понять всё «смертное и святое», чем наполнена наша жизнь:

*Занесла же судьба! Окатила волной штормовую.
С ног меня не собьешь, я на палубе духом окреп.
Знаю только одно: я обязан теперь головою
Всем, кто рядом со мной, с кем делю я работу и хлеб.*

п. Тельмана Тосненского р-на Ленинградской обл.

Дорогие друзья!

Журналу «Молодая гвардия» очень нужна ваша финансовая помощь. Лишённый поддержки государства, наш журнал надеется на помощь верных читателей и подписчиков. Наша общая цель — сохранить «Молодую гвардию» в качестве патриотического национального издания, необходимого каждому честному и думающему человеку. Денежные средства можно перечислить на карту Сбербанка РФ: 2202 2005 6546 0175.

Также оказание финансовой поддержки можно осуществлять по следующим реквизитам:

ООО «Журнал «Молодая гвардия»

ИНН 9721060860

КПП 772101001

БИК 044525593

ОГРН 1027700067328

Р/с: 40702810302590002402

Корр. счет: 30101810200000000593

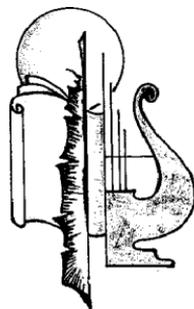
АО «АЛЬФА-БАНК»

В платёжном поручении указать: «Помощь журналу».

ВОССОЕДИНЕНИЕ НЕИЗБЕЖНО!

Выступая в 2013 году на патриотическом собрании в Москве, харьковчанин Станислав Минаков говорил о том, что киевский майдан в Харькове невозможен, майдану-тых там столько, что все они поместятся в одну карету «скорой помощи».

А уже через год в нашей беседе, опубликованной в газете «Слово», Минаков с тревогой сообщал о том, что русское культурное пространство в Харькове сжимается, как шагреньевая кожа, огромные финансовые и информационные силы брошены на то, чтобы раскатать майдан и в Харькове по аналогии с тем, что произошло в Киеве. С мая 2014 года С.А. Минакова, известного поэта, публициста, переводчика, лауреата многих престижных литературных и журналистских премий, за отчетливую прорусскую позицию вызывали на допросы в «компетентные органы», в июле исключили из Национального союза писателей Украины, в ноябре он чудом избежал ареста. Вынужден был уехать в Белгород, в котором прошли его школьные годы и где жили родители.

КРУГ ЧТЕНИЯ

После закона о русском языке, принятого Верховной радой Украины в 2012 году и лингвоцидных поправок к нему в конце февраля рокового 2014-го, взорвавших сначала Харьков, а сразу за ним Донбасс, после ракетных ударов ВСУ по Луганской администрации в июне 2014-го мы стали свидетелями величайшей трагедии в самом сердце славянского мира. А с февраля 2022 года Россия вступилась за русский Донбасс, и сегодня на территории бывшей УССР с нами воюют 50 стран мира — те, кого наши прадеды освободили от нацизма, подарив мир и благополучие на полвека.

Несколько сотен тысяч (эксперты называют такие числа) молодых жизней русских людей мы уже потеряли с обеих сторон конфликта. А если учесть еще убыль населения на Украине с 1991 года и далее — по нарастающей, а с начала 2022 года — массовый исход подальше от войны, то счет пойдет на миллионы. Это цена украинской самостоятельности...

И вот сегодня писатель рассказывает о том, что никому в страшном сне не могло присниться: «С рокового 30 декабря 2023 года по Белгороду били интенсивно, один-два раза в день, но практически каждый раз это приводит к трагическим последствиям и немалым разрушениям. Приграничные районы Белгородчины враг обстреливает сотни раз в день, особенно разносят в щебень Шебекинский и Грайворонский районы — прямой наводкой. Понять, как Донбасс выдерживает такую жуть в течение десяти лет, — невозможно. У меня родственники и друзья и в Донецке, и в Мариуполе, и в Харькове...»

Станислав Минаков публиковался в «толстых» литературных журналах, альманахах и сборниках еще с начала 1980-х, а за минувшие полтора десятилетия выпустил четыре поэтические книги, книгу прозы, пять сборников очерков о русской культуре (литературе, изобразительном искусстве, музыке, кинематографе), несколько энциклопедий и альбомов, том паломнических записок и очерков о православных святынях. И в последние годы, преодолевая тяготы нарастающего нездоровья, продолжает писательское служение.

В книге «Русский Харьков», вышедшей в издательстве «Вече» в 2024 году, Станиславом Минаковым собраны статьи, посвященные святым и святыням, выдающимся политикам и деятелям культуры, значительным событиям имперской и советской истории города Харькова, основанного в 1654 году по указу царя Алексея Михайловича, в 1918 году бывшего столицей Донецко-Криворожской Советской Республики, а в 1919—1934 годы — первой столицей УССР.

Перед читателем этого сборника публицистических статей предстают образы некоторых выдающихся деятелей русской науки и культуры, чья биография или деятельность связана с Харьковом. Биолог Илья Мечников, один из руководителей Белого движения на юге России граф Ф.А. Келлер, «фотограф Ее Императорского Величества» Альфред Федецкий, художник Зинаида Серебрякова, поэты-фронтовики Борис Слуцкий, Григорий Поженян, Михаил Кульчицкий, Борис Чичибабин, актеры Леонид Быков, Людмила Гурченко, Нина Русланова, космонавт 1-го отряда Валентин Бондаренко, погибший при испытаниях еще до гагаринского полета, астроном Николай Барабашов, физики-ядерщики, именно в Харькове, начиная с 1930-х положившие начало Советскому Атомному Проекту. Среди дорогих сердцу автора книги харьковчан (автор принципиально называет их харьковцами) и его предки: двоюродный дед Василий Лисун, разведчик 55-й танковой бригады, погибший в Берлине 18-летним пареньком за несколько дней до Победы, полный кавалер ордена Славы, и отец писателя, Александр Минаков, подростком переживший двухлетнюю немецкую оккупацию Харькова.

Стержневым в мировосприятии автора является его религиозное самосознание. Он даже не берется рассматривать исторические процессы царской, советской, постсоветской истории вне христианства, вне Русской Православной Церкви, которая от начала нашей государственности духовно скрепляла Русский мир, а все деструктивные процессы на Украине связаны с церковным расколом и засильем сектантства. Заголовки статей говорят сами за себя: «Как Богородица «Державная» прошла через Харьков», «Как Богородица «Песчанская» из Харькова в Белгород ходила», «Протоиерей Николай Стеллецкий, харьковский новомученик», «Пастырь всех русских, по лицу вселенной рассеянных» — о святителе Иоанне (Шанхайском), Сан-Францисском чудотворце, чья судьба связана с Киевской духовной академией и Харьковским университетом.

Статьи, написанные С. Минаковым с середины 2000-х и вышедшие на страницах московских, харьковских, киевских, крымских СМИ, составили эту книгу и во многом определяют ее посыл и название. В ряду этих материалов также «Я русский бы выучил», «Жаркий март Новороссии», «Харьков хоронит своих ополченцев», «Харьковский «Беркут»: «За нами Москва!», интервью, данные автором интернет-газете «Столетие» и «Литературной газете», информагентству «Россия сегодня» — «Гражданская война на Украине продолжа-

ется уже четверть века» и «Я — человек Русской Имперской парадигмы».

Минаков, приводя в книге «Русский Харьков» свои дневниковые хроники событий 2000—2010-х годов, напоминает, что Харьков первым, еще до Донецка, встал против киевского государственного переворота.

О том, как харьковчане боролись против украинизации и бандеризации, говорят и размещенные в книге фотографии, почти все они сделаны автором: крестный ход с чудотворной иконой Пресвятой Богородицы «Песчанская» и с образом Царя-страстотерпца Николая; праздничное шествие со стометровой Георгиевской лентой, которую по городу народ несет 9 мая 2014 года; митинг на площади Свободы перед Облгосадминистрацией 1 марта 2014 года: горожане держат плакаты с надписями: «За Русь Святую православную!», «Русская весна», «Россия, помоги!», «Россия. Пишем по-русски!», «Руки прочь от Харькова!».

Сегодня к трагедии в центре славянского мира — на Донбассе и Слобожанщине — приковано внимание всего мира. С хищным оскалом наблюдают за происходящим те, кто имеет корыстный геополитический интерес на этой исконно русской территории, «третья сила», как называл их Алексей Борисович Мозговой. Судьба Русского мира сегодня решается на харьковско-белгородской границе, героическими усилиями Российская армия удерживает ее — временную границу между добром и злом, между правдой и ложью. Книга Станислава Минакова «Русский Харьков» помогает осмыслить эти страшные события, понять их причину и думать, искать выход — как остановить эту войну.

Своими поэтическими и публицистическими произведениями Минаков дает камертоном ноту, по которой (единственно верной) можно выстраивать порушенные человеческие отношения великороссов и малороссов. В нашей беседе десятилетней давности писатель сказал: *«Я очень давно — пожалуй, с середины восьмидесятых годов, ощутил себя некоей связующей слобожанской частичкой. И мои предки не менее лет полутораста качались меж Харьковом и Белгородом, селились и тут и там, сохраняли и упрочивали узы. Эта связь выше и крепче нас хотя бы потому, что дольше нас. Государственные границы же лукавы, умозрительны, сиюминутны, преходящи. Позиция моя такова: малороссы, великороссы и белорусы суть три ветви одного народа, связанного единой тысячелетней православной верой, общей многовековой государственностью. То есть не три братских народа, а три брата от одного народа. Убежден, что процветание и преслову-*

тый суверенитет могут достигаться этими ветвями русского народа наиболее эффективно лишь в единстве — духовном, культурном, военном, экономическом, политическом. Формат этой совместной организации бытия и быта может обсуждаться, приводиться к взаимоприемлемым современным реалиям. В ответ на нынешние двухдесятилетние безумства «незалежных» всегда повторяю: высшей формы суверенитета та часть государства Российского, которая нынче получила название «Украина», достигла в бытность УССР, т.е. в советский период Российской Империи. Уверен: будущее — за нашим новым объединением».

Дорогие друзья!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на первую половину 2025 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: П6410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

Во первом полугодии 2025 года редакция планирует выпустить следующие номера: №1-2, №3, №4, №5-6.